

Автономная некоммерческая
научно-образовательная
культурно-просветительная
организация
«Лаборатория идей»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Иван Платонович Барсуков
(1841–1906)

Н. Дубинина

И.П. БАРСУКОВ —
ИСТОРИК
РОССИЙСКОГО
ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА

*Документально-историческое
повествование*

ХАБАРОВСК
Хабаровская краевая типография

УДК 94(082)
ББК 63.3(255)
Д 797

Дубинина, Н.И.

Д 797 И.П. Барсуков — историк российского Дальнего Востока : док.-ист. повествование / Н.И. Дубинина; АНО «Лаботоратория идей». — Хабаровск : Хаб. краев. тип. — 320 с. : 39 фот. — Алф.-имен. указ. : 11 с.

ISBN 978-5-88570-449-6

Книга представляет собой первую научную биографию Ивана Платоновича Барсукова (1841—1906), незаслуженно забытого историка и археографа XIX века, научные труды которого и в наше время представляют историографическую и источниковедческую ценность. В основе исследования лежат труды И.П. Барсукова, в том числе и впервые вводимые в научный оборот его неопубликованные рукописные работы, письма, а также другие архивные документы. В книге показана изначальная, первопроходческая роль историка в раскрытии выдающегося вклада Камчатского архиерея Иннокентия (Вениаминова) и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского в решение Амурского вопроса, вопросов отражения агрессии европейских стран в регионе и утверждения в Приамурье и Приморье российской государственности.

Представлен ряд сюжетов о взаимоотношениях И.П. Барсукова с митрополитом Московским Иннокентием, профессором Московского университета В.О. Ключевским, родными братьями — историками Николаем Платоновичем и Александром Платоновичем, графом С.Д. Шереметевым и князем М.С. Волконским. Раскрыты его представления о характере труда историка, о семье и воспитании детей.

В раздел «Приложения» включены записка Иннокентия «Нечто об Амуре», рапорты Муравьева об основании Благовещенска и Хабаровска, договор И.П. Барсукова с М.С. Волконским об издании биографии Н.Н. Муравьева-Амурского, автобиография младшего сына И.П. Барсукова Михаила Ивановича Барсукова — организатора советского здравоохранения и участника Великой Отечественной войны и другие документы.

ISBN 978-5-88570-449-6

От автора

Во второй половине XIX века в историко-литературных кругах Петербурга и Москвы фамилия Барсуковых пользовалась известностью и уважением. Три брата Барсуковых — Николай Платонович, Александр Платонович и Иван Платонович — посвятили свою жизнь исследованию российской истории и обогатили ее своими оригинальными трудами. Они открыли читателям новые имена, малоизвестные грани деятельности знаменитых современников, дополнили ресурс исторической науки ценными документами, ввели в научный оборот обнаруженные письменные источники древности и современности. Иногда столичные газеты в своих годовых библиографических обзорах сообщали читателям об одновременном выходе в свет очередного тома книги Н.П. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина», новой книги А.П. Барсукова «Род Шереметевых», очередной книги И.П. Барсукова «Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского». В обычных литературных разговорах братьев различали не по именам, а по фамилиям героев их книг. Спрашивали: какой Барсуков? — Погодин? Шереметев? Иннокентий?

Возрастающий ныне интерес исторической науки ко многим малоизвестным заслуженным деятелям прошлого сопровождается обращением к духовному, творческому наследию таких великих подвижников России, как святитель Иннокентий (Вениаминов) (1797–1879) и граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1809–1881), а значит и к посвященным им произведениям И.П. Барсукова. Это «Иннокентий — митрополит Московский и Коломенский

по сочинениям, письмам, рассказам современников» (М., 1883) и шесть книг его трудов и писем и «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам»: материалы для биографии в двух книгах (М., 1891).

В силу ряда обстоятельств И.П. Барсуков (1841–1906), находившийся в тени старших братьев, и в наше время остается малоизвестным историком. Краткие сведения о нем можно получить из энциклопедических изданий, в том числе и электронных, в статьях «Барсуковы». Так, в «Советском энциклопедическом словаре» (1979) о И.П. Барсукове сказано буквально следующее: «Русский историк, археограф. Труды по истории русской церкви» (С. 114). В статье Е.Ю. Филькиной «Барсуковы — российские историки и археографы, братья» в «Большой российской энциклопедии» (Том 3. 2005. С. 72) впервые сказано, что И.П. Барсуков «ввел в научный оборот документы, характеризующие процесс присоединения и освоения Приамурья», а также дополнены данные и о трудах историка. К сожалению, в вышедшем в 2017 году Биобиблиографическом словаре «Историки России конца XIX века — начала XXI века» историк и археограф И.П. Барсуков не представлен. Вместе с тем в ряде современных изданий, посвященных Иннокентию (Вениаминову) и Н.Н. Муравьеву-Амурскому, часто можно встретить ссылки на произведения И.П. Барсукова.

У историка — автора двух капитальных биографических трудов о выдающихся деятелях XIX века — до сей поры отсутствуют надежные биографические данные, а сведения о нем остаются крайне скудными. На вопрос интересующихся, вдумчивых читателей, откуда, как появился и расцвел феномен историка И.П. Барсукова, ответа пока нет. На восполнение этого пробела в историографии автор и нацелил свое исследование.

На первый взгляд, считать И.П. Барсукова историком российского Дальнего Востока — спорно, неоправданно и даже парадоксально. Сам он не называл себя историком Дальнего Востока. Более того, только в конце XIX века наряду с Сибирью появляется само понятие — «Дальний Восток России». Вместе с тем свою книгу о графе Муравьеве-Амурском Барсуков адресовал напрямую тем читателям, «кому дорога история Восточной Сибири и преимущественно Приамурского края».

Первым обратил внимание на географическую особенность его творчества Н.П. Барсуков, который подчеркнул, что волею судеб Ивану Барсукову, уроженцу Тамбовской губернии, довелось в продолжении всей литературной деятельности «описывать великих мужей Сибири». Современное географическое и административно-территориальное деление на востоке России, наличие здесь двух крупных регионов — Восточной Сибири и Дальнего Востока — позволило представить И.П. Барсукова как историка российского Дальнего Востока. Кстати, идея административного выделения из Восточной Сибири территории Приморья и Приамурья вместе с Камчаткой и Сахалином в самостоятельный край и именования его «Приамурский» принадлежала графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Она была реализована лишь в 1884 году.

В своем творчестве Барсуков раскрыл «соработничество» двух выдающихся деятелей России — религиозного и государственного, двух русских патриотов — святителя Иннокентия и графа Муравьева-Амурского, на долю которых выпало решение назревшего Амурского вопроса, достижение договоренности о границе с Китаем, установление российской государственности на огромной территории Приамурья и Приморья в условиях противостояния агрессивной политике европейских государств.

Опираясь на документы, материалы и свидетельства современников, Барсуков первым убедительно показал

редчайший в мировой истории опыт мирного, без применения военной силы решения межгосударственных спорных территориальных проблем, полно раскрыл до того малоизвестный в российском социуме подвиг во славу России, совершенный генералом Н.Н. Муравьевым, архиепископом Иннокентием и их многочисленными единомышленниками-сподвижниками. Впервые обоснована близость взглядов государственного и религиозного деятелей на освоение новых российских территорий.

В конце жизни И.П. Барсукова заинтересовал ученик Иннокентия, просветитель Сибири, епископ Якутский, Уфимский Дионисий, которому он посвятил свой предсмертный труд.

Автор предполагает решить три крупные исследовательские задачи. Во-первых, впервые воссоздать биографию историка, археографа И.П. Барсукова в контексте российской действительности второй половины XIX — начала XX столетий с учетом процесса формирования отечественной исторической науки, раскрыть принципы и методы работы историка над биографическими сочинениями. Во-вторых, проанализировать и обобщить его вклад в обогащение российской истории новыми знаниями, особо касавшимися решения Амурского вопроса, пограничных проблем с Китаем, расширения владений России на Тихоокеанском побережье, противостояния агрессивной политике Англии и Франции. В-третьих, показать роль И.П. Барсукова в увековечивании имен главных своих героев — святителя Иннокентия и графа Н.Н. Муравьева-Амурского, во включении их в когорту выдающихся личностей, которыми так богата история России XIX века.

Естественно, для реализации этих задач в историческом поле первое место по значимости занимает все творчество историка, включая как изданные труды, так и рукописные и неоконченные работы. При исследовании

биографии И.П. Барсукова ресурс опубликованных источников оказался незначительным. В него вошли статья Н.П. Барсукова «Памяти моего брата Ивана Платоновича Барсукова» (Спб., 1906), статья М.И. Барсукова «Памяти Ивана Платоновича Барсукова» («Исторический вестник», 1916. V. С. 479–482), книга Б.Ш. Нувахова «Странноприимный дом Н.П. Шереметева» (М., 1994), «Мемуары графа С.Д. Шереметева» (М., 2001), «Граф Николай Петрович Шереметев» (М., 2001) и другие.

Самыми ценными источниками для воссоздания биографии И.П. Барсукова являются личные материалы, которые историк и археограф, так же, как и его братья, тщательно собирал и сохранял. Судьба архива Барсуковых сложилась совсем непросто. Отдельные его части оказались в трех основных архивохранилищах: отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) и рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ). Для поисковой работы в архивах помощь оказала основательная публикация А.Б. Сидоровой «Архив Н.П. Барсукова (поступления 1981–1984 гг.)» в «Записках отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина» (М., 1990. С. 4–84). Наряду с описанием архива она содержит приложения, в которые вошли краткие очерки жизни и деятельности братьев-историков Барсуковых и впервые составленные полные хронологические перечни их трудов.

Высоко ценивший в биографических исследованиях авторские письма, в целом переписку, И.П. Барсуков во многом сам и сделал возможным воссоздать важнейшие вехи биографии на основе сохранившейся в архивах его переписки, выяснить условия и методы его творческой работы, коснуться семейно-бытовых отношений.

Основной массив документов И.П. Барсукова в

РГАЛИ (фонд Барсуковых Н.П., А.П. 87) и в ОР РГБ (фонд Барсуковых Н.П., А.П. 18) представляет собой его письма к братьям Николаю Платоновичу и Александру Платоновичу, к жене Анне Михайловне, а также переписку с князем М.С. Волконским. Почти не разработанный в научном отношении, он во многом и составил документальную основу этой книги. Из фонда 18 РО РГБ были извлечены свидетельство о рождении И.П. Барсукова, свидетельство о браке с А.М. Ртищевой, его аттестат о службе и послужной список (1904), позволившие внести существенные коррективы в персональные данные Ивана Платоновича. Для детализации биографических данных и воссоздания повседневной семейной жизни оскудевшей дворянской многодетной семьи значительный интерес представляет переписка супругов Барсуковых. Только в ОР РГБ сохранились 263 письма Ивана Платоновича жене за 1868–1900 годы и 200 писем Анны Михайловны мужу за эти же годы.

Для ретроспективного понимания роли главных героев барсуковских книг определенное значение имело обращение к таким современным публикациям, как монография Н.П. Матхановой «Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков...» (Новосибирск, 1998); И.А. Курляндский «Иннокентий (Вениаминов) — митрополит Московский и Коломенский» (М., 2002); «Апостол Сибири и Америки. Святитель Иннокентий»: собр. соч. в семи томах (Издательство Московской Патриархии, 2012); Т.И. Гладких «Иннокентий (Вениаминов). Ученый, педагог, просветитель» (Хабаровск, 2016); Н.И. Дубинина «Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские» (Хабаровск, 2014) и другие.

За поддержку замысла книги и значительную помощь в его осуществлении автор признательна А.А. Чернобаеву — главному редактору журнала «Исторический архив», доктору исторических наук, профессору, И.А. Кур-

ляндскому — старшему научному сотруднику Института российской истории РАН, кандидату исторических наук, Е.В. Глебовой — главному редактору журнала «Словесница искусств» (Хабаровск), И.В. Филаткиной — старшему научному сотруднику Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидату филологических наук, Л.Ю. Даниловой, заведующему отделом научно-исследовательской и научно-методической работы Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидату педагогических наук, С.А. Пискунову — доктору исторических наук, М.В. Квашнину — проректору по науке и инновациям Хабаровской духовной семинарии, О.А. Тепляевой — ведущему архивисту РО ГНБ. Особая благодарность М.А. Дубининой — кандидату политических наук, неизменной дорогой помощнице.

*Памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому
и святителю Иннокентию (Вениаминову), г. Благовещенск.
Скульптор В. Разгоняев*

1. На взлете русской истории

Воссоздание жизни и творчества И.П. Барсукова, трудившегося на ниве русской истории, невозможно без создания хотя бы крупными мазками картины историко-культурного развития общества в XIX столетии, без краткой характеристики состояния отечественной исторической науки и беглого освещения основных тенденций ее развития. Учитывая популярный характер книги и небольшой ее объем, это сделано пунктиром, без претензии на историографическую значимость, с выделением тех явлений и фактов, с которыми непосредственно соприкасались И.П. Барсуков и его братья-историки и которые для них являлись существенными.

Признано, что во второй половине XIX века — начале XX века русская историческая мысль переживала настоящий подъем, вызванный «возмужанием исторического сознания», накоплением гуманитарного знания и потребностями развития русского общества. Отечественная война 1812 года, а также труд выдающегося историка Н.М. Карамзина (1766—1825) «История государства Российского» пробудили в обществе любознательность и усердие в исторических изысканиях, потребовали поиска ответов на злободневные вопросы современности в историческом прошлом, вызвали повышенный интерес к документальной памяти народа. Началось интенсивное развитие

культурно-интеллектуального движения, в основе которого находилось историческое знание в самом широком смысле и в разнообразных видах и формах. Ранее Россия не переживала ничего подобного.

Появились новые идеи, теории философско-мировоззренческого, политического характера, которые оказывали влияние на развитие исторического знания. В начале 1830-х годов С.С. Уваров, тогда министр народного просвещения, сформулировал взгляды на просвещение, науку и литературу, получившие название «теория официальной народности». Самую сущность ее составлял тезис: Россия не может благоденствовать и усиливаться без Православной Веры, Самодержавия, Народности. Православие представлялось как единственно истинная вера, самодержавие рассматривалось в качестве традиционно-русской высшей формы государства, народность же трактовалась как духовная связь народа с монархом. Исходя из этих положений обосновывался самобытный путь исторического развития России. «Теория официальной народности» стала государственной идеологией при правлении императора Николая I (1825—1855). Более того, она служила политическим обоснованием незыблемости самодержавной монархической власти в России.

Ярким представителем «теории официальной народности» в историко-литературных кругах являлся М.П. Погодин (1800—1875) — историк, публицист, издатель, убежденный сторонник самобытного развития России. Одной из ее особенностей он считал огромную территорию, которая не позволяла завоевателям овладеть полностью и осесть на ее земле. Его научный интерес сосредоточивался на домонгольской российской истории. В 1872 году вышел его обобщающий труд «Древняя русская история до монгольского ига».

Современники считали Погодина русским с головы до ног, признавали его значительность и внутреннюю силу. Мысль о России была для него господствующей. «В русской печке все переварится», — считал историк. М.П. Погодин всю жизнь занимался изучением древней русской и славянской истории, издавал журнал «Московитянин» и другие пе-

М.П. Погодин (1800–1875) — историк, филолог, археограф, журналист, публицист, издатель

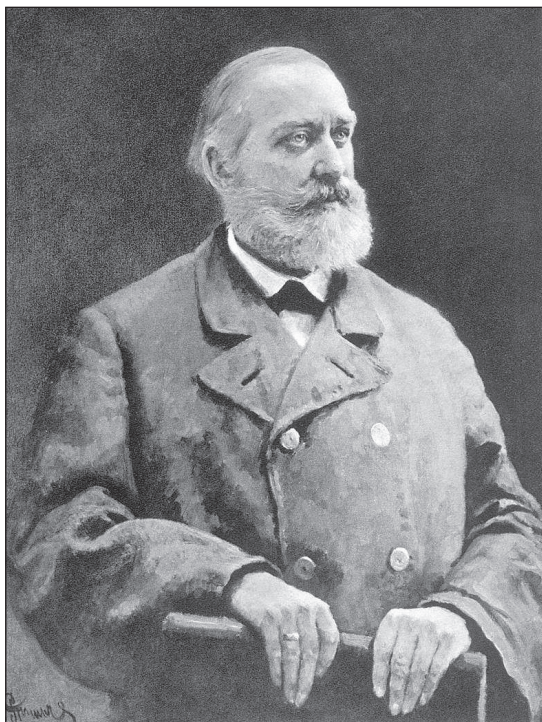
риодические издания, в течение полувека являлся притягательным центром историко-литературной Москвы.

Идея самобытности России получила дальнейшее развитие в трудах и публицистике славянофилов, идеологами которых стали А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, братья И.С. и Н.С. Аксаковы и братья И.В. и П.В. Киреевские. Особый путь развития России они видели в общинных формах организации жизни, в земских формах правления, в соборности православия. Выступая против самодержавной формы власти, славянофилы усматривали в совещательном Земском соборе выражение народного мнения перед царем. Они осуждали крепостное право как чуждое русской традиции общинности.

Оппонентами славянофилов выступили так называемые западники — П.В. Анненков, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин и др. Как и славянофилы, они искали выход из тупикового социально-экономического и политического состояния России, но видели его в движении страны по пути европеизации. По их представлениям, русская культура являлась одной из ветвей европейской культуры, но по ряду причин отставшей от нее. Следуя путем Европы (парламентаризм, конституционная монархия), Россия получит шанс догнать и перегнать ее, считали они. Как и славянофилы, западники отрицали самодержавный деспотизм и крепостничество. Видя реализацию своих целей с помощью реформ сверху, славянофилы и западники при всей внешней непохожести и взаимной критике представляли два течения одного идейно-политического направления — нарождавшегося русского либерализма.

Во второй половине XIX века — начале XX века основным направлением в русской историографии стала «государственная школа» (или юридическая школа), считавшая государство и его деятельность основной движущей силой исторического процесса и противопоставлявшая историю России истории Западной Европы. Рождением своим эта концепция обязана юристам, историкам К.Д. Кавелину (1818—1885) и Б.Н. Чичерину (1828—1904). Ярким последователем государственной школы являлся выдающийся историк, профессор Московского университета С.М. Соловьев (1820—1879), воплотивший эту концепцию в замечательном труде «История России с древнейших времен» (тт. 1—29). Благодаря Соловьеву на протяжении трех десятилетий (1851—1879) в отечественную историческую литературу последовательно и непрерывной струей вливалось множество новых, свежих идей и знаний.

Будучи русским до мозга костей, С.М. Соловьев видел темные стороны в произошедшем и настоящем русского народа. Вместе с тем он сильнее многих патриотов чувствовал великие силы родного народа, крепче многих верил в его будущее. По словам его ученика В.О. Ключевского, «он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтобы под видом на-

С.М. Соловьев (1820–1879) – историк, ректор Московского университета в 1871–1877 годах. Основное сочинение – «История России с древнейших времен»

родной истории сказывать ему детские сказки о народном богатырстве».¹

На формирование исторического мышления русских исследователей и читателей сильное влияние оказали такие идеи С.М. Соловьева, как историко-философская основа истории, широкие обобщения и сопоставления, положения о естественности и необходимости исторических явлений, о закономерности в истории, параллели между личной, индивидуальной и массовой народной жизнью. Историк Соловьев считал, что «в истории есть своя таблица умножения, свое непререкаемое дважды два, без которого немислимо никакое историческое мышление, невозможно даже никакое людское

общежитие»². Как государственник, Сергей Михайлович не мог не задуматься о соотношении науки и жизни, исторической науки и общественно-политической действительности. Он полагал, что жизнь своими движениями и требованиями может возбуждать науку, но не должна учить науку, а учиться у нее. Новаторские взгляды С.М. Соловьева, воплощенные в его трудах, дали мощный импульс развитию отечественной историографии и в целом — интеллектуальному подъему.

Еще одной вершиной российской истории стало творчество другого выдающегося русского ученого, профессора Московского университета В.О. Ключевского (1841—1911), ученика С.М. Соловьева. Наиболее известный его труд, получивший всеобщее признание — «Курс русской истории» в пяти частях. В отличие от своих предшественников и современников он построил историю России не по царствованиям великих князей и царей, а создал периодизацию, исходя из факторов, которые, по его мнению, определяли исторический процесс. Основным фактором русской истории В.О. Ключевский считал колонизацию, постепенное расширение ее территории и подвижность населения. Он ввел такие научные понятия, как «исторический процесс», «цивилизация», «историческая социология», раскрыл методологическое значение экономических и политических факторов в истории. В.О. Ключевский был убежден в практическом значении изучения истории, которая «не только потребность мыслящего ума, но и существенное условие сознательной и корректной деятельности»³. Как никто другой, ученый большое внимание уделял базовым историческим наукам — историографии и источниковедению. Ему первому принадлежала заслуга в разработке университетских курсов по этим дисциплинам. Блестящий лектор, В.О. Ключевский утвердил авторитет исторических знаний в широкой студенческой, молодежной аудитории.

Дальнейшая разработка научно-теоретических основ российской истории связана с именем академика Петербургской академии наук А.С. Лаппо-Данилевского (1863—1919), одного из основоположников методологии истории и интерпретатора исторического источника. Выдвинутая соци-

В.О. Ключевский (1841–1911) – историк, профессор Московского университета. Основное сочинение – «Курс русской истории»

ологом и культурологом Н.Я. Данилевским (1822–1885) концепция обособленных «культурно-исторических типов» позднее стала отправной точкой для создания западно-европейскими учеными теории цивилизационного подхода в изучении истории.

Именно в XIX столетии российская история становится комплексной наукой. Интенсивно укрепляя главный ствол, она развивала и свои ветви. Шло оформление вспомогательных и специальных исторических дисциплин. Как самостоятельная наука с определенными целями и задачами, со своим предметом исследования складывается такая специальная историческая дисциплина, как археология. Этому во многом способствовал А.С. Уваров, основавший в 1864 году

Московское археологическое общество, ставшее руководителем крупных археологических изысканий, разработчиком научных приемов раскопок, организатором Всероссийских археологических съездов. Всего состоялось 15 съездов, материалы которых были опубликованы. Другим центром развития археологии стала императорская Археологическая комиссия при министерстве Двора, с 1859 года ставшая руководителем всех археологических изысканий в стране. Возникали исследовательские центры в Петербурге, Киеве, Казани, Тифлисе, Томске, Иркутске. Археологи работали главным образом в музеях. К началу XX века сложились основные археологические исследовательские направления: полисы и некрополи Северного Причерноморья, раскопки Херсонеса, скифско-сарматская археология, исследования памятников древних русских городов, курганных массивов России. Можно сказать, что во второй половине XIX века — начале XX века в России происходит развитие археологии как науки, формируются ее главные исследовательские направления и центры, разрабатываются научно обоснованные методы ведения раскопок и исследования артефактов. По масштабам археологических изысканий, их разнообразию и методике она не уступала археологическим центрам Западной Европы.

В годы, о которых идет речь, формируется еще одна историческая дисциплина — этнография (этнология), имевшая чрезвычайно важное теоретическое и познавательное значение для полиэтнической и поликонфессиональной России. Любопытно, что тогда она развивалась как отрасль географического знания. В созданном в 1845 году по инициативе известных российских географов и путешественников Русском географическом обществе существовало отделение этнографии (руководитель К.М. Бэр, затем Н.И. Надеждин). Ставшее авторитетным и плодотворным, географическое общество превращалось в главный центр изучения народов России. Н.И. Надеждин и К.Д. Кавелин положили начало разработке теоретических основ этнографии. Возникают научные общества по изучению народов, их происхождения, состава, культурно-бытовых особенностей. В 1867 году в Мо-

скве прошла Всероссийская этнографическая выставка, продемонстрировавшая результаты научных изысканий. Главными направлениями ученых стало изучение общественного и семейного быта, сельской общины, обычаев, а также народного творчества.

С начала XX века возрастает научная роль петербургского Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) под руководством В.В. Радова. Музей координирует работу исследователей по всей России, в том числе в Москве и Казани, которые считались крупными этнографическими центрами страны. Помимо фольклора и быта этнографы серьезно изучали материальную культуру (поселения, одежда, орудия, промыслы).

Значительно возросло число научно-популярных этнографических изданий по линии местных отделов ИРГО. Например, одним из главных направлений деятельности Приамурского отдела Русского географического общества (создан в 1894 году в г. Хабаровске) стало изучение малочисленных туземных народов, пропаганда знаний о их жизни, а также ознакомление населения с обычаями, нравами, традициями народов сопредельных стран — Японии, Китая, Кореи. Статьи по этой тематике публиковались в журнале отдела, что способствовало воспитанию в обществе этнической толерантности.

Нередко в этнографических изучениях участвовали любители, добивавшиеся своими оригинальными трудами научного признания. Так произошло с военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области генерал-майором Н.И. Гродековым. В Ташкенте он издал книгу «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» (1889), посвященную изучению юридического быта населения области — адата, неписаного закона, основанного на обычаях народа. Книга вызвала интерес как в России, так и за рубежом. Спустя 120 лет в 2011 году эта книга Н.И. Гродекова была переиздана Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Известны случаи, когда выпускники университетов определялись на государственную службу в районах про-

живания малоизвестного этноса с целью его изучения. Например, выпускник естественно-исторического отделения физико-математического факультета Московского университета Н.Л. Гондатти, интересовавшийся антропологией и этнографией, преследуя научный интерес, стал начальником Анадырской округи (Приамурский край). За три года начальствования на Чукотке в самом конце XIX века он добился признания чукчами власти русского царя, собрал обширные материалы для всестороннего описания Анадырского края и его жителей — чукчей, среди которых провел перепись. Свои научные наблюдения Николай Львович обобщил в опубликованных статьях. Собранную богатую коллекцию артефактов он частично подарил Хабаровскому музею, основной же массив преподнес Этнографическому музею Академии наук.

XIX век, в особенности его вторая половина, стал временем расцвета специальной исторической дисциплины — археографии, разрабатывающей теорию и практику издания письменных источников (их выявление, сбор, подготовка к публикации). Во многом этому способствовало осознание в обществе грозящей опасности безвозвратной потери ценных древних письменных документов и материалов в результате ненадлежащих условий их хранения и систематических пожаров. К тому же своими сочинениями А.М. Карамзин показал ключевую роль письменных источников в повышении уровня исследовательской работы в области отечественной истории. В первую очередь это касалось таких древних письменных источников, как летописи, хронографы, жития святых, акты, которые хранились часто небрежно и безнадзорно в архивах губернских городов и библиотеках древних монастырей.

Еще в 1829 году Академия наук организовала специальную экспедицию для выявления и сбора памятников древней письменности во главе с археографом П.М. Строевым, который являлся первым проповедником мысли о необходимости систематического научного издания летописей. В течение четырех лет экспедиция обследовала около 20 архивов и библиотек 12 северных и центральных губерний России и собрала до 3000 актов. Документов оказалось так много, что

для их исследования и публикации при департаменте министерства народного просвещения в Петербурге создали Императорскую Археографическую комиссию, получившую в 1837 году статус государственного научного учреждения с печатным изданием «Летопись занятий Археографической комиссии». Кропотливо, усердно, тщательно археографы исследовали летописи и летописные своды, написанные на староцерковном языке, критически осмысливали их происхождение и содержание, готовили к публикации. Под редакцией главного редактора академика А.Ф. Бычкова были изданы шесть томов «Полного собрания русских летописей», а также «Письма и бумаги императора Петра Великого» в двух томах (1889).

Знаменательно, что наряду с профессиональными археографами, собирателями письменных источников появилось множество любителей. Исторические документы искали, коллекционировали, покупали, дарили и публиковали. Просуществовавшая более 80 лет (1834—1918) Археографическая комиссия, ставшая историко-культурным феноменом, заложила источниковедческие основы российской истории, способствовала росту авторитета и роли письменных источников в исследовательской работе. Она подняла на высокий уровень всю археографическую работу и подготовку профессиональных кадров археографов. Плодотворная деятельность комиссии подвигла на создание региональных археографических объединений — Киевской, Виленской и Кавказской комиссий.

Для развития исторической науки важным являлось формирование системы исторического образования в российских университетах. В авангарде университетского образования, подготовки профессиональных историков и развития исторических знаний находились Петербургский, Московский, Киевский и Казанский университеты. Сложилась устойчивая номенклатура исторических кафедр, определились содержание и процедура учебного процесса, началась подготовка высокопрофессиональных кадров историков, введены ученые степени. Следует заметить, что вознаграждение преподавательского труда университетских профессоров-гума-

нитариев в те годы являлось совсем невысоким, и потому им приходилось трудиться в нескольких местах. Например, профессор Московского университета В.О. Ключевский, чтобы обеспечить материальное благополучие семьи, в одно время работал в шести учреждениях.

Интеллектуальную, гуманитарную жизнь России того времени нельзя представить без научно-исторических обществ, которые наряду с собирательской, исследовательской и публикаторской деятельностью играли роль настоящих популяризаторов исторических знаний в обществе.

Старейшим являлось Московское общество истории и древностей российских (МОИДР), основанное в 1804 году при Московском университете. Однако его история оказалась дискретной. Согласно принятому в 1893 году новому уставу, цель общества заключалась в собирании материалов отечественной истории, в ее научной разработке и распространении полученных результатов посредством их обнародования⁴. В номенклатуре собрания находились древние рукописи, книги, планы, ландкарты, медали, монеты и другие памятники, поступавшие в библиотеку и музей. Общество могло входить в сношения с лицами, живущими не только в России, но и за границей на предмет получения полезных сведений и вещей. Предусматривалась организация экспедиций. Денежные средства общества формировались из сумм государственного казначейства, пожертвований членов-благотворителей, продажи своих изданий и др. Лица, известные в ученом мире сочинениями или отмеченные сведениями по русской истории, избирались в действительные члены общества. Другими членами являлись почетные благотворители и корреспонденты. В 1893—1905 годах общество возглавлял профессор Московского университета В.О. Ключевский, и этот период оказался наиболее плодотворным. Издавались «Записки и труды», «Российский исторический сборник», «Русские достопамятности», «Чтения МОИДР», в которых опубликовано большое число разнообразных источников и оригинальных исследований по русской истории.

Некоторые исторические общества находились под императорским покровительством, например, существовавшее

с 1863 года Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Общество значительно усилило изучение и охрану памятников истории, проведение археологических раскопок, этнографических экспедиций и антропологических изучений, когда в 1890 году президентом его стал профессор Д.Н. Анучин — один из основоположников антропологии в России. ОЛЕАЭ издавались журналы «Известия общества ОЛЕФЭ», «Этнографическое обозрение» (с 1889 г.) и «Русский антропологический журнал» (с 1900 г.).

Со дня образования в 1866 году Русского исторического общества (с 1878 г. — императорского) во главе его стоял великий князь Александр Александрович (с 1881 г. — император Александр III). В число основателей вошли известные отечественные государственные и военные деятели, предприниматели, ученые-историки. Это князь П.А. Вяземский — первый председатель общества, член Государственного совета, А.А. Половцев — крупный предприниматель, К.Н. Бестужев-Рюмин — профессор русской истории Петербургского университета, А.Ф. Бычков — в это время помощник директора Императорской публичной библиотеки и другие. Среди членов общества были выдающиеся историки — С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров. По своему составу историческое общество носило элитарный характер и представляло своеобразный закрытый клуб, в который могли попасть лишь лица, приглашенные несколькими его действительными членами или одним из его основателей. При этом деятельность общества была открытой и публичной, его целью являлось всестороннее содействие развитию русского национального исторического просвещения. Поскольку в состав общества входили лица императорской фамилии, члены общества имели возможность работать в закрытых архивных фондах и в зарубежных архивах с документами, касавшимися дипломатии России. Собранные, обработанные редкие, а иногда уникальные документы российской истории публиковались в «Сборнике Русского исторического общества». За 50 лет общество издало 148 томов сборника, почти треть их посвящалась ди-

пломатическим проблемам. Материальная состоятельность членов общества сделала лишними членские взносы, многие акции общества оплачивались его членами. Например, в 1896—1917 годы общество выпустило в свет 25 томов «Русского биографического словаря». Издание полностью финансировал А.А. Половцев⁵.

В 1877 году князь П.П. Вяземский и московский предводитель губернского дворянства граф С.Д. Шереметев инициировали создание в Петербурге Общества любителей древней письменности. Его покровительницей стала императрица Мария Александровна. Почетным председателем общества избрали П.П. Вяземского, а после его кончины с 1888 года — С.Д. Шереметева. Общество любителей древней письменности издало 200 факсимильных рукописей и фрагментов, организовало археографическую экспедицию и создало уникальную библиотеку и музей. Последним по времени создания стало Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III с собственным печатным органом «Старина и новизна».

Состоять действительным членом научно-исторического общества, особенно находившегося под патронажем императора, было престижным даже для представителей аристократии. Титулованные аристократы Вяземские, Шереметевы, Волконские и другие возглавляли общества, финансировали организацию экспедиций, научные изыскания и издание книг, являлись авторами научных исследований и публикаций.

Наряду с Петербургом и Москвой научно-исторические общества действовали в периферийных административных центрах, в основном там, где имелись университеты. Это Казанское общество археологии, истории и этнографии, Историко-филологическое общество при Харьковском университете, Киевское общество летописца Нестора, Одесское общество истории и древностей и другие. В Сибири и на Дальнем Востоке функции исторических обществ во многом исполняли местные отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО). Как правило, они вели разнообразную собирательскую, экспедиционную и иссле-

довательскую работу и имели свои издания. Собранные археологические, этнографические артефакты становились экспонатами местных музеев, а также вливались в музейные коллекции Петербурга и Москвы.

В доведении исторических знаний до сведения общества, в их пропаганде большая роль принадлежала журналистике. Помимо сборников, издававшихся научными обществами, выходили российские журналы «Исторический вестник», ставший первым в России научно-популярным историко-литературным изданием, «Русская мысль», «Русская старина», «Русский архив». Эти журналы пользовались популярностью. На страницах таких общероссийских газет, как «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Новое время» печаталась информация о деятельности исторических обществ, о выходе значимых исторических сочинений, рецензии и дискуссионные статьи. Известные историки активно сотрудничали с газетами.

Сложилась формы государственного поощрения авторов исторических трудов. При личном или заочном представлении книги императору объявлялась автору императорская благодарность. Существовала даже возможность получить за издание книг орден. Общественно-научная награда представлялась Академией наук в виде Уваровской премии, учрежденной в память о графе С.С. Уварове, президенте Академии наук. Ее денежный эквивалент колебался от 500 до 1500 руб.

Показательно, что широкое распространение получило музейное дело. В 1883 году в Москве, при непосредственном участии императора Александра III, открывается Императорский исторический музей, ставший крупнейшим хранилищем памятников истории и культуры России, ее научным и просветительским центром. Благодаря активной деятельности Русского географического общества в провинции в российской глубинке возникает множество краеведческих музеев, которые бережно собирали, хранили и демонстрировали уникальные коллекции, рассказывавшие об истории регионов, их освоении, о своих выдающихся земляках и т. д. К 1917 году в России насчитывалось свыше 150 музеев,

значительная доля которых приходилась на краеведческие. Например, в начале XX века на российском Дальнем Востоке, в самом молодом регионе империи, действовало 8 музеев. Крупнейший из них Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова в 2019 году отметил свой 125-летний юбилей.

Сохранению исторической народной памяти способствовало и создание скульптурных памятников, посвященных значительным событиям России и ее видным государственным и общественным деятелям. По инициативе императора Александра II в 1862 году в Великом Новгороде установили монумент «Тысячелетие России». В Москве появился памятник «Героям Плевны», возведен памятник А.С. Пушкину. В Кронштадте, Петербурге и Севастополе появились скульптуры выдающихся русских мореплавателей Ф.Ф. Беллинсгаузена, И.Ф. Крузенштерна и П.С. Нахимова. При поддержке Александра III на народные деньги в 1891 году в Хабаровске — административном центре Приамурского края — установлен монумент генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Совсем не случайными стали следующие слова В.О. Ключевского в его речи на смерть императора Александра III, произнесенной на заседании Общества истории и древностей при Московском университете: Александр III «...одобрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание»⁶.

Являясь современником и участником формирования российской исторической науки в XIX веке, И.П. Барсуков испытал на себе ее идейно-теоретическое и практико-методическое влияние. Одновременно своими оригинальными обстоятельными трудами историк обогатил процесс развития исторического знания России. На раскрытие вклада И.П. Барсукова в пополнение источниковой основы отечественной исторической науки, в отстаивание научных методов исследования, в создание современного научно-биографического жанра исторической литературы и нацелена наша книга.

2. Поиски и метания молодого Ивана Барсукова

Будущий историк Иван Платонович Барсуков, согласно свидетельству о рождении, появился на свет Божий 21 апреля 1841 года в селе Барсуки Тамбовской губернии в семье потомственного дворянина и среднепоместного помещика Платона Александровича Барсукова⁷. Его предки, очевидно, из особого отношения к хищным зверькам поместили на гербе своего дворянского рода изображение стоящего на задних лапах барсука, а также золотое стропило, на котором находились три горящие гранаты, что свидетельствовало о причастности дворян Барсуковых к воинской службе и их военных заслугах.

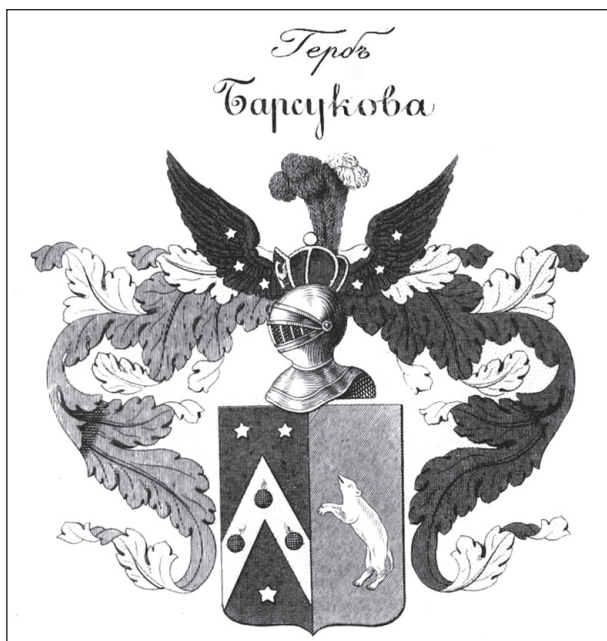
Помещик П.А. Барсуков являлся питомцем Московского университета, он окончил университетский лицей, учился у молодого М.П. Погодина, властителя дум юношества, об этом он нередко вспоминал. Его старший сын — Николай — свидетельствовал, что в течение долгой жизни в своем тамбовском поместье Платон Александрович любил следить за деятельностью своего учителя, восхищаясь его патристическими статьями, гордился, что имел такого наставника, и оплакивал его кончину. Не из этой ли отцовской симпатии затем возник у Николая Платоновича замысел написать биографию видного общественного деятеля, историка, литератора, русского патриота М.П. Погодина?

После окончания лицея Платон Барсуков по семейной

традиции поступил на военную службу, которую проходил в Западном крае Российской империи, где «запечатлел кровью свое служение Отечеству». Выйдя в отставку, он вернулся в родное имение, удачно женился, взяв в жены Аполлинарию Ивановну, дочь соседнего помещика И. Бартенева. Имея «важную неприступную наружность», он отличался даровитостью, слыл прекрасным рассказчиком и искусным певцом русских песен, а также «безупречной честностью, детским бескорытием и сострадательностью». На основе семейных преданий его внук Михаил в 1916 году так описал жизнь помещиков-крепостников: «Тогда помещики жили широко. Пирь, вечеринки, шумные катания на тройках, охота, беззаботное удалство были типичными явлениями уходящего в вечность крепостного барства. Казалось, в вине, картах, женщинах им хотелось заглушить неумолчную тоску о чем-то ином, что требовательно ставилось на первую очередь в переживаемый момент»⁸.

Платона Александровича нельзя считать заурядным помещиком-крепостником. В округе его считали образованным человеком, к которому соседи обращались и за книгой, и за журналом, и за свежей газетой. За три года до кончины в письме он благодарил сыновей за выписку ему журнала «Вестник Европы». «Буду читать и вас вспоминать... Читать есть что и соседи пользуются от меня. Я выписываю «Московские ведомости», «Исторический вестник»... По гроб любящий вас сердечно, друг ваш и отец Платон»⁹. Всю свою жизнь «степной помещик» «сохранял благодарную страсть к русской литературе. Неразлучным спутником его жизни до самой смерти были любезные ему «Московские Ведомости». И он часто говаривал: «Вот я сажу у себя в Ивановке и, благодаря Каткову, знаю, что делается ежедневно во всем мире»¹⁰. Конечно, еще более ретиво он следил за публикациями своих сыновей, радовался от души появлению их авторских книг.

Однако помещик Барсуков не принадлежал к числу умелых и успешных поместных хозяев Тамбовской губернии. Черноземы степного края давали хорошие урожаи, поначалу доходным являлся и заведенный Барсуковым конный завод. Но с каждым годом дела шли хуже и хуже, доходы от

Герб дворянского рода Барсукова

поместья сокращались. С отменой крепостного права в 1861 году многочисленная дворовая челядь оставалась при барине на его иждивении, а доходы же от бывших крепостных крестьян все уменьшались. После кончины П.А. Барсукова в 1885 году в имении не нашлось ни копейки денег, а само имение перешло в чужие руки. Сыновья простились с отцом и навсегда расстались с милым отчим домом.

В память об отце Николай Платонович опубликовал в газете «Гражданин» заметку, в которой, назвав его «крепостником» и «ветхозаветным человеком», утверждал: «Народ, то есть бывшие крепостные, чтили и любили его как истинного барина и свою любовь и почтение трогательно проявили при его погребении»¹¹. Журналист из газеты «Русский курьер» посчитал, что описанием похорон автор хотел сказать, насколько «народ» любил крепостника-помещика. В своей заметке он не согласился с этим утверждением и уточ-

нил, что это был не народ, не бывшие крепостные крестьяне, а та многочисленная дворовая челядь, жившая на иждивении барина, которая естественно его оплакивала при похоронах.

Платон Александрович и Аполлинария Ивановна были счастливы в браке, растили четырех сыновей — Николая, Александра, Ивана и Михаила. Преждевременная смерть жены отразилась на семейной атмосфере. Пришедшая в дом мачеха Варвара Герасимовна из рода Карташевых пасынкам не раскрывала свое сердце. Среди привольных тамбовских полей подросшие братья пользовались полной свободой: ловили рыбу, занимались верховой ездой, иногда участвовали в охоте.

И по внешнему облику, и по манере поведения они отличались друг от друга, что объяснялось фамильной разностью в происхождении отцовской и материнской линий. В старшем сыне Николае ярко проявились отцовские черты. Он рос веселым, общительным мальчиком, заводилой в играх. Александр же, подобно матери, отличался сдержанностью, корректностью, был сравнительно молчалив и аккуратен. У Ивана, который унаследовал частично отцовские и некоторые материнские черты, в малолетстве проявлялись горячность, эмоциональность и мечтательность. Братья увлекались чтением, в их полном распоряжении находились шкафы, заполненные книгами и журналами. Гувернеров у них не водилось, в учебные заведения их готовили родители и приглашенные учителя.

Первой ласточкой вылетел из отцовского гнезда Николай, который стал учиться в Михайловском кадетском корпусе в Воронеже. Через год родительский дом покинул Александр, в Воронеже он поступил в тот же кадетский корпус. Оба брата были определены на свой кошт. Провинциальные корпуса своими порядками напоминали солдатскую казарму. Кадеты находились в полной зависимости от офицеров, которые зачастую не были отягчены ни образованием, ни хорошим воспитанием. В отношении же Ивана отец принял решение не отправлять его в кадетский корпус, считая, что эмоциональность и горячность сына помешают его военной карьере, и направил сына учиться в гимназию, но не в Тамбов, а в Петербург. Богатые родственники, жившие в столице, согласились оплачивать его учебу.

Иван учился во второй петербургской классической гимназии, основанной по указу императора Александра I. Она являлась авторитетным учебным заведением в столице. Для окончивших ее детей дворян и чиновников предусматривался ряд привилегий. Например, аттестаты, выданные гимназией, имели равную силу с университетскими при производстве в высшие чины. Выпускниками перворазрядной гимназии были сыновья князя П.П. Вяземского, сыновья А.С. Пушкина, в ней учились А.Ф. Кони, Н.Н. Миклухо-Маклай и другие известные люди.

Братья Барсуковы изучали военное дело и гимназический курс, сильно бедствуя, не получая никакой поддержки от родителей. Судить об этом можно по письму кадета Николая Барсукова родителям, в котором он писал: «Позвольте вам напомнить о ветхости моей шинели, так что ротный командир имеет поползновение меня за нее и не пускать в отпуск».

Можно считать, что братья одновременно закончили свое обучение. Первые же шаги их в самостоятельной жизни оказались чрезвычайно тяжелыми и не у всех удачными.

За годы обучения в кадетском корпусе и в петербургском Константиновском военном училище Николай убедился, что военная служба не его стезя, поэтому, окончив в 1859 году училище, он сразу же вышел в отставку и определился вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета. Ему посчастливилось слушать «вдохновенные лекции» Н.И. Костомарова, которые «неудержимо потянули» его к «Полному собранию русских летописей». К сожалению, университетское образование неожиданно для Николая оборвалось в 1861 году, поскольку из-за студенческих волнений университет оказался закрытым. Вспыхнувшая искра интереса к истории привела его к знакомству с Н.И. Костомаровым, А.Н. Майковым и А.Ф. Бычковым, благодаря которым он с 1863 года стал служить в Археографической комиссии.

На другого выпускника кадетского корпуса — Александра — семья, в первую очередь отец Платон Александрович, возлагала надежду на продолжение воинской традиции дворянского рода Барсуковых. После окончания кадетского корпуса он стал служить в драгунском Военного ордена пол-

ку, стоявшем в Царстве Польском. Через три года он уходит в отставку, что у отца вызвало яростное негодование. Испытав отцовский гнев, в столице он переживал безденежье и безработицу, находился на хлебах терпеливого и доброго Николая. Обстоятельства вынудили Александра в 1865 году вновь пойти на военную службу, на этот раз в Пограничную службу.

В отличие от братьев Иван не смог закончить полный учебный курс своего заведения. Из выпускного седьмого класса по невыясненной причине он ушел из гимназии. Можно только предположить, что родственник не смог внести плату за обучение, которая на протяжении 1840—1850-х годов несколько раз повышалась. У отца денег на оплату обучения младшего сына тоже не оказалось. Следует подчеркнуть, что за шесть с лишним лет обучения в гимназии, имевшей хорошую репутацию, Иван Барсуков приобрел внушительный гуманитарный багаж, который позднее стал основой развития его творческой натуры.

Недоучившийся гимназист не ожидал помощи родителей, он рассчитывал только на свои силы. После гимназии в марте 1860 года Иван, согласно прошению, определяется фейерверкером 4 класса в легкую батарею 12 артиллерийской бригады. Через два года он увольняется со службы без всякого звания и едет в Вильно — административный центр Виленской губернии, входившей в состав Западного края Российской губернии. Там он служит при редакции газеты «Виленский Вестник», работает на побегушках и переписчиком, получая мизерное жалование, которое позволяет жить только впроголодь. Не найдя удовлетворения своим растущим амбициям, Иван в 1865 году переезжает в Москву, где по протекции родственника получает в Московской Дворцовой конторе место коллежского регистратора — низший гражданский чин в Табели о рангах в России с окладом в 125 рублей в год. Занятие низшей ступени чиновничьей лестницы вовсе не предполагало продвижения по ней. Иногда чиновник оставался на ней всю служебную жизнь. Очевидно, на службе оценили рвение молодого чиновника, обладавшего хорошим почерком, умением быстро и складно писать, и Иван начинает службу в канцелярии Московского генерал-губернатора губернским секретарем. Это был второй чин в Табели о рангах.

Иван Платонович Барсуков

Одновременно его личная жизнь складывалась как нельзя удачно. В конце января 1868 года в церкви девяти мучеников, что близ Пресни, состоялось венчание жениха — служащего канцелярии Московского генерал-губернатора Ивана Платоновича Барсукова, православного исповедания, первым браком, 27 лет и невесты — дочери майора, девицы Анны Михайловны Ртищевой, православного исповедания, 17 лет¹².

Анна происходила из известного в прошлом боярского рода Ртищевых, оскудевшего к XIX веку. Семья жила на жалованье отца-майора. Только что окончившая гимназию Анна была бесприданницей. Да и у Ивана, по русской поговорке, не было ни кола, ни двора. В заключенном браке отсутствовали корысть и расчет, в нем царствовала любовь. Убедиться в этом помогают многочисленные письма Ивана к жене. Так, 9 сентября 1868 года он пишет Анне, которую какое-то время по неизвестной причине называет Ниной: «Милый и бесценный друг мой, Нина! Положа руку на сердце, я не знаю, как благодарить тебя за твое милое, сердечное письмо. Получивши его, я был вне себя от радости, душа моя,

если можно так выразиться, переполнилась любовью к тебе, и я так увлекся твоей прелестной карточкой, что только в эту минуту стал чувствовать, что я постепенно оживаю. Тут мне представилось то время, когда я познакомился с тобою, когда уже жили с тобой, не говоря уже о последнем свидании в Троице. Это было для меня светлым праздником!.. Выше тебя у меня нет никого на свете, вся жизнь моя посвящена только тебе одной, милая Нина»¹³. Через три дня Иван посылает Анне и мамаше билеты в театр и сообщает, что приехать не может, дежурит.

В самом конце декабря 1869 года у молодоженов появился первенец, сын, которого в честь деда и брата отца назвали Александром. В это время в Москве появился брат Александр, уволившийся из Пограничной стражи, где в отличие от лошадей, вовремя получавших корм, офицеры не получали в срок заслуженного содержания. Между Анной и Александром установились сердечные родственные отношения, которые продолжались до его кончины. С устройством на службу у Александра возникли проблемы. Перебравшись в столицу, благодаря протекции, он получил место службы в Синоде. С этого времени два брата — Николай и Александр — из-за экономии стали жить под одной крышей, снимая квартиру из пяти комнат. Их адрес — дом Тура на Большой Морской — стал хорошо известен друзьям и знакомым, круг которых быстро расширялся.

Летом 1870 года Анна с сыном впервые приехала в поместье Барсуковых — Ивановку, находившуюся в четырехстах верстах от Москвы. Молодые родители интенсивно переписывались. Заботясь об установлении хороших отношений жены с родителями, Иван в первых же письмах советует Анне быть «сколь можно ласковее», внимательнее к отцу и матери, уверяет, что они полюбят ее. Несмотря на свою молодость, Анна была умна и достаточно тактична, она сделала все, чтобы родители мужа признали и приняли ее — первую и, как окажется, единственную невестку и полюбили своего первого внука. Платон Александрович сразу же ему подарил из своего конного завода двух лошадей — Волшебницу и Сокола. Из письма Ивана от 5 июля 1870 года: «Не знаю,

как благодарить родителей, что они к тебе так внимательны, дай Бог им здоровья! Я правду говорил тебе, что они полюбят тебя, и ты, милая голубка, поддерживай это и оплачивай им только своим вниманием, им больше ничего не нужно!»¹⁴. В одном из писем Анне Иван привел отзывы о ней родителей, во многом хорошо ее характеризующие. Отец писал: «Счастлив ты, что бог послал тебе такую жену. Она — достойная женщина и редкая семьянинка»¹⁵. Мать: «Такая умная, уживчивая женщина, угодительная, с нею не соскучишься. Мы полюбили ее как самую близкую и милую семьянинку». При чтении этих отзывов Ивана переполняли чувства гордости за свою милую голубку и благодарности родителям.

Эмоциональные послания Ивана жене как бы источают восторг молодой жизни, дышат любовью к жене и сыну, полны трогательной заботы о них. Из письма Ивана от 1 июля 1870 года: «Милка, душка, ангел Ниночка! Здорова ли ты, моя красавица?.. Ради самого Создателя, умоляю тебя, старайся разными средствами забыть всё житейское и помнить одно, что деревенская жизнь и воздух есть наилучший твой доктор и он живителен для милки Сашки»¹⁶. Через два дня Иван пишет: «Милая и бесценная голубка моя, Ниночка! Ты не можешь представить мои восторги после такого долгого томления получить от тебя такие милые письма, за что целую тебя крепко в твои глазки»¹⁷. Из письма, написанного 5 июля: «Поздравляю тебя, милый друг, ангел Ниночка, с полугодием нашего милого сокровища Сашуры. Молю Бога за вас, чтобы он укрепил вас в здоровье. Что его зубки?» «Милая, бесценная голубка моя Ниночка! Только что получил от тебя переполненное любовью и вниманием ко мне письмо, которое так меня тронуло, что я то плакал, то смеялся. Искренне благодарю тебя, мое сокровище, — написал Иван 6 июля... — Мое милое сокровище. Сашку крепко целую в его пухленькое, ангельское тельце и молю Бога, чтобы благополучно прорезались зубки... За неимением докторов читай руководство Дейча и Комба. Строго исполняй их наставления». «Увидел тебя во сне пухленькой, толстенькой в старой блузе, целовал тебя... Крайне желал бы видеть тебя такую, как приснилась мне. Что мой Сашурка, здоров ли?..

Скоро расцелуемся с тобою и опять заживем уютно, хорошо на третьей Мещанской...»¹⁸.

Иван сообщает Анне, что к 1 августа в Ивановку собираются приехать братья Николай и Александр. «С братьями я пришлю тебе, друг мой Ниночка, гостинцы. Напиши, что тебе прислать. Что только хочешь, все пришлю»¹⁹. В посылке оказались чай, сахар, конфеты, мармелад, кедровые орехи, фиштакши. К тому же 25 рублей и несколько номеров дамского журнала мод, рукоделия, новостей и литературы «Ваза».

Свои письма к Анне Иван часто подписывал «Любящий и неизменно преданный тебе друг, твой Иван Барсуков». В ожидании возвращения Анны с сыном домой Иван занимался убранством квартиры. С гордостью он написал жене, что уютно убрал спальню в маленькой комнате, «что просто любо смотреть». В одном из последних писем в Ивановку хозяйственный муж сообщал, что огурцы еще никто не солил, так как они страшно дорогие. Все ждут понижения цен. Две же кадки для огурцов исправлены, набиты новые обручи. Брусника же и грибы будут куплены и сделаны по ее желанию. В свою очередь он советует Анне в дорогу запастись теплой одеждой, чтобы не простудить себя и Сашку. «Буду считать дни и часы, чтобы скорее свидеться с тобою и броситься в твои объятия и расцеловать тебя после такой долгой разлуки»²⁰.

Разлуку с женой и сыном Иван переживал тяжело. Оказалось, что продолжительное одиночество ввергало его в мрачную грусть и черную тоску. «Тоска о тебе одолела меня окончательно, — писал он жене, — и как бы я ни старался развлечь себя, сделать это я не мог»²¹. «Так бы полетел к тебе, одиночество сильно действует на меня после такой уютной нашей семейной жизни. Но мысль, что деревня... полезна как тебе, так и Сашуре, разбивает мою грусть»²². Когда год спустя Анна, ожидавшая второго ребенка, вместе с сыном на лето вновь уехала в Ивановку, Иван пережил сильную депрессию, у него даже возникли мысли о смерти. В письме брату Александру он написал о своем намерении серьезно поговорить с ним о своих семейных обстоятельствах в случае его смерти. «Ты, вероятно, рассмеешься, что я рано собрался умирать, пожалуйста, смейся, а мне все-таки нужно подумать об этом,

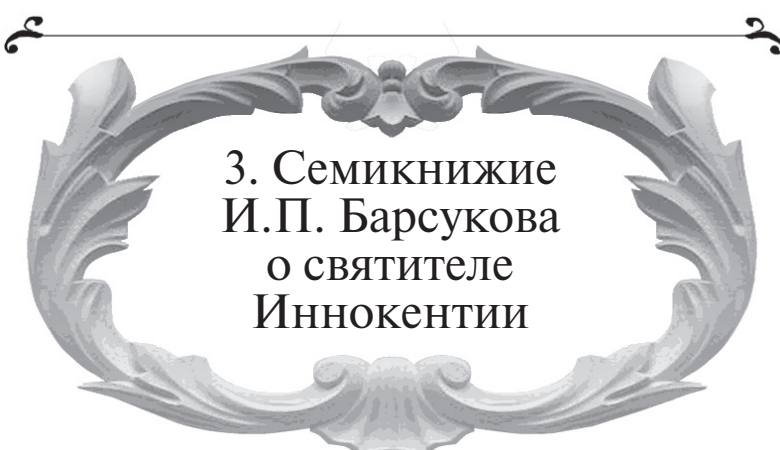
я не один, у меня жена, сын и еще скоро будет ребенок. Мои обстоятельства совершенно иные, чем ваши»²³. Этот важный разговор он отложил до личной встречи. Возможно, письмо, адресованное именно Александру, было связано с тем, что между ним и Анной возникли теплые родственные отношения. Находясь в угнетенном состоянии, Иван обвинял только себя в жизненных неудачах. Он считал, что природа не одарила его твердостью характера и сильной волей. Он осознавал свой низкий социальный статус и невозможность материально обеспечить увеличившуюся семью. «Сию без денег, на одном жалованье. Служба и служба — все наши достояния и богатства»²⁴, — с грустью написал Иван брату Александру. На вопрос Анны, как он проводит время, Иван ответил, что «разумеется возмутительно однообразно». Хотя в 1871 году Ивану Платоновичу был присужден чин коллежского секретаря, что соответствовало десятому классу по Табели рангов, он все более тяготился чиновничьей службой, которая не приносила ни удовлетворения, ни достаточных средств.

Прослужив в канцелярии Московского генерал-губернатора целых восемь лет, он по собственному прошению увольняется и устраивается на новое место службы. В письме жене он рисует радужные перспективы. «Я порадуя тебя, скажи славу Богу! Я поступил в Банкирскую контору Павлова кассиром же, только что с той разницей, что вместо 45 рублей серебром буду получать 100 рублей серебром в месяц. Это составит в год 1200 рублей серебром, на второй год я буду получать 250 рублей серебром в месяц... Мы теперь счастливы... Нам будет совершенно достаточно проживать в год 1200 рублей. Заживем с тобой на славу. Театры будут для нас нипочем»²⁵. На самом деле оказалось, что жалованье кассира банка составляло в два раза меньше, чем рассчитывал И. Барсуков, да и обстановка на службе, которую он по началу описывал как «роскошную и товарищескую», на деле оказалась совсем другой. Поскольку в Москве на 50 рублей в месяц «положительно нельзя существовать», Иван «бросился на переписку», получая 20 копеек с листа. С 9 до 6 часов — в банке, до 2-х часов ночи переписывал листы. «Это каторга, а не жизнь»²⁶, — сделал он вывод о своем житье в письме Александру.

Не обремененные брачными узами Николай и Александр понимали, что на долю Ивана и его семьи легла честь продолжения старорусского дворянского рода Барсуковых. Поэтому они добровольно взяли на себя обязательство оказывать посильную помощь семейному брату. Как только у Ивана родился первенец, Александр Платонович взял на себя обет помогать родителям в его воспитании. Помимо денег он высылал детские книжки для «умудрения Саши». «Прошу тебя покорнейше, — как-то написал ему отец семейства, — брось ты это обязательство, ты ведь нисколько не виноват, что я беден, обременен семейством и т. п. Если я обращаюсь к тебе, то это положительно потому, что ты мне сказал, что будешь помогать в воспитании Саши. Но если же нет (денег) у тебя, ты ведь сам бедный человек, наше расположение к тебе не уменьшится. Вот брат Коля по своей доброте высылает мне деньги каждый месяц, но если бы он перестал присылать, так неужели я буду в претензии. Это доброе дело ваше. Будет лучше жить прямо, откровенно...»²⁷

Старшие братья, в то время получавшие за службу весьма скромное вознаграждение и часто испытывавшие большую нужду в деньгах, зачастую связанную с изданием своих трудов, продолжали считать ответственным долгом поддерживать семейного брата. Для друзей и знакомых эта сторона взаимоотношений братьев Барсуковых являлась тайной, которую сохранила их переписка. Письма Ивана Платоновича «милым и бесценным братьям Коле и Саше» часто начинались с выражения благодарности за денежную помощь, которая была сравнительно небольшой — чаще 20—30 рублей в месяц, но без нее семье было бы совсем плохо. Жалованье Ивана — кассира банка — с годами увеличивалось, но оно все меньше удовлетворяло потребности растущей семьи. В 1873 году у Ивана и Анны Барсуковых родилась Зина, в 1875-м — Евгения, в 1878-м — Борис. Да и атмосфера банка, наполненная денежным азартом и духом наживы, все более удручала Ивана Платоновича.

3. Семикнижие И.П. Барсукова о святителе Иннокентии

*И чем дальше населяется, оживляется
и гуманизируется Сибирь, тем выше и яснее
станет эта апостольская фигура.*

А.Н. Гончаров

*Жизнь русских святителей слита с жизнью народа,
и память о них должна быть священной
для потомства.*

И. Барсуков

3.1. От замысла до воплощения

С некоторых пор московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры близ Самотеки стало излюбленным местом тридцатилетнего Ивана Барсукова, куда он приходил на церковную службу в религиозные праздники и воскресные дни. Подворье в XIX веке являлось постоянной резиденцией московских митрополитов, с 1868 года — митрополита Московского и Коломенского Иннокентия. Вместе с ним жил и его сын Гавриил Иванович с семьей, в которой росли два сына.

В храме Живоначальной Троицы при подворье митрополит совершал свое архипастырское служение. Нередко литургию вел владыка. Церковная служба восхищала Ивана до истомы, до забвения всего сущего, отрешала от всех земных забот, и душа его устремлялась к Всевышнему. Из храма

он выходил обновленным и воодушевленным, готовым преодолевать все жизненные невзгоды и преграды. Усердного прихожанина на подворье приметили, и он был представлен митрополиту. Святитель, во время литургии воспринимавшийся величественным и недоступным, в беседе оказался простым, сердечным и ласковым человеком. Брату Александру в Петербург Иван писал, что часто вместе с сыном Сашей бывает на службах в Троицком подворье. Из письма (06 января 1878 г.): «С Сашей пошли прощаться с нашим маститым старцем — владыкой Иннокентием, который в воскресенье отправится к вам, в Питер. Грустно его провожать, уж очень стар стал. Саша удостоился получить от него благословение и просвиру. Был поражен торжественностью службы»²⁸. Из его же письма от 21 августа 1878 года: «На первый день праздника Преображения Господня был с визитом у митрополита Иннокентия и преосвященного Амвросия. Всю страстную странствовал по церквям»²⁹.

Как агент страхового общества (дополнительный заработок), Барсуков обратился к владыке Иннокентию с докладной запиской, прося его не отказать в разрешении на страхование зданий Московского Епархиального ведомства. По словам Барсукова, владыка благосклонно принял его записку и сделал следующую резолюцию: Духовной Консистории объявить через Епархиальные Ведомости³⁰. Газета даже опубликовала записку И.П. Барсукова с резолюцией митрополита. Однако казавшаяся перспективной идея страхового агента на деле оказалась не жизнеспособной.

Личность митрополита Иннокентия все более притягивала к себе Ивана. В библиотеке подворья он знакомился с его опубликованными трудами, посвященными миссионерской деятельности в Америке и Восточной Сибири. На вопрос о месте нахождения рукописей произведений митрополита, Барсуков получил неожиданный ответ святителя: «...Большая часть их или потонула при беспрестанных плаваниях по морям и рекам, или сгорела»³¹.

Редкие встречи и беседы с архипастырем стали для Ивана счастливыми мгновениями жизни. Его восхищала яркая личность святителя, блестящий ум, необыкновенное чело-

Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры (современный вид)

веколюбие, сердечность, простота и скромность владыки. Однажды после важной беседы митрополит подарил Ивану небольшую иконку Сергия Радонежского, ставшую для него драгоценной реликвией, оберегом, особым знаком Провидения. У Барсукова созрела настоятельная потребность рассказать о необыкновенной жизни, великом архипастырском служении и уникальной личности святителя Иннокентия. По его признанию, он начал свой труд о святителе еще в 1876 году. Кончина владыки в 1879 году, ставшая личной большой утратой для Ивана, подвигла ускорить поиски рукописей, статей, заметок, писем Иннокентия, а также легализовать среди близких людей свой замысел. «Сегодня по случаю 40 дней кончины митрополита Иннокентия в Троицком подворье была совершена заупокойная литургия... Я скажу тебе откровенно, что увлекся как его личностью, так и строгим и выразительным его служением»³², — признался он брату Александру.

Предложений о написании книги, посвященной Иннокентию, И. Барсуков не получал ни от Святейшего Синода,

ни от митрополита, ни от видного церковного или государственного деятеля. Эта тема даже нигде не обсуждалась. Да и имя И.П. Барсукова как автора в те годы отсутствовало в историко-литературных и церковных кругах Петербурга и Москвы. Идея написать биографию владыки Иннокентия целиком принадлежала Ивану. Она возникла не столько из умственного понимания его роли в православном мире России, сколько из чувственно-эмоционального восприятия святителя, восхищения его личностью. Позже пришло осознание масштабности личности высокопреосвященного Иннокентия, который свой сильный природный ум обогатил такими обширными и многосторонними познаниями, какими в XIX веке обладали немногие. По мысли Барсукова, не только всякий русский, который печется о чести и славе своего отечества, но и всякий образованный человек, англичанин, немец, француз, американец, кто уважает науку и человечество, почтительно преклоняется перед величавою личностью нашего Камчатского и Алеутского апостола.

Замысел написать биографию святителя Иннокентия горячо поддержали братья Николай и Александр, а также родственники и друзья почившего в Бозе Иннокентия. Похоронившая в 1880 году своего мужа Гавриила Ивановича, невестка святителя Екатерина Ивановна Вениаминова вместе с сыновьями Иваном и Евсеем передала в руки Барсукова драгоценный семейный архив владыки. Ценнейшие материалы будущий автор получил и от Алексия — епископа Дмитровского, Леонида — архимандрита, заместителя Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, баронессы Е.С. Дёлер (рожденной Шереметевой), З.С. Свербеевой (рожденной княжны Трубецкой), князя П.П. Вяземского и старшего брата Н.П. Барсукова. Важно, что обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, получив информацию от Н.П. Барсукова, тоже высказал свое одобрение.

Для потомственного дворянина Ивана Барсукова благожелательная поддержка таких лиц превратила создание книги из личного дела в дело чести. В результате настойчивых поисков писем и других материалов в кругу священнослужителей он нередко получал в дар записки, письма святителя

от совершенно незнакомых людей. Несколько полученных работ он решил опубликовать в известном московском журнале «Русский архив», основателем и редактором которого являлся П.И. Бартенев, прославившийся публикацией воспоминаний людей, общавшихся с А.С. Пушкиным. Кстати, Бартенев приходился родным дядей по материнской линии братьям Барсуковым. И Николай, и Александр публиковались в его журнале. Не зная или не желая знать такого автора, как Иван Барсуков, П.И. Бартенев засомневался в его праве представлять работы Иннокентия к публикации. Более того, он попытался выяснить источник появления их у автора, для чего обратился к Е.И. Вениаминовой. Возмущенный этим поступком, Иван Платонович в письме в редакцию журнала с горечью писал: «Вы не можете понять, что... страдает мое личное самолюбие, Вы можете поколебать доверие ко мне людей, которым я так много обязан... Какое Вам дело, что пользуюсь доверием и расположением людей, которые добровольно отдают мне эти драгоценности [документы Иннокентия. — *Н.Д.*] в полное мое распоряжение... Не достаает только, чтобы Вы подозревали меня в воровстве документов». Письмо заканчивалось обращением: «Вспомните, наконец, бога и помолитесь ему». Иван Платонович не без умысла привел слова святого апостола Павла: «Корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись некоторые уклонялись от веры и сами себя подвергали многим скорбям»³³. Конечно, отношения между племянником и дядей навсегда оказались испорченными.

Чем глубже Иван Платонович погружался в многомерный мир святителя Иннокентия, чем тщательнее и основательнее постигал его труды и апостольское служение, тем сильнее, острее ощущал дефицит свободного времени для изучения жизнедеятельности владыки. Где же он — рядовой служащий банка — мог найти это время? Следует сказать, что в современных энциклопедиях отсутствуют данные о месте службы И. Барсукова в 1875—1883 годы, когда он работал над книгой об Иннокентии. Изучение переписки братьев позволило заполнить определенную лакуну в его биографии. Оказалось, что в эти годы И. Барсуков трудился в Волжско-Кам-

ском банке рядовым служащим. От него целиком зависело благополучие семьи, в которой уже было четверо детей. Пытаясь найти дополнительный источник средств для жизни, он, обладавший отличным почерком, брался за переписку бумаг или становился страховым агентом. Барсуков работал над книгой в период острой материальной нужды, которую семья, благодаря жене Анне Михайловне, тем не менее стойко переносила.

Об условиях работы над книгой в письме брату Николаю Иван признался: «Служба от 9 до 5 часов вечера, а затем ночь за Иннокентием делаются мне просто не под силу. Одна только моя сердечная преданность к почившему митрополиту и твое внимание и содействие моему труду воодушевляют и поддерживают меня»³⁴. Иван писал книгу не месяц, а несколько лет, в течение которых его вдохновляла идея о сохранении достойной памяти святителя и помогала разносторонняя, в том числе и материальная, помощь братьев.

Действительно, в работе над книгой настоящей опорой для Ивана Барсукова стал Николай Платонович — известный и уважаемый в Петербурге археограф и историк. Много лет являясь членом Археографической комиссии, он подготовил к изданию несколько сборников ценных исторических документов и воспоминаний, написал ряд книг. В это время он начал служить начальником архива в министерстве народного просвещения и писать биографическое сочинение о М.П. Погодине, которому посвятил почти 25 лет своей жизни. По просьбе Ивана Николай Платонович, по существу, стал его научным консультантом. Правда, не все рекомендации принимались им безоговорочно. Так, многоопытный Николай Платонович помог автору написать предисловие книги, в котором крупными красочными мазками сделан набросок портрета уникальной личности — высокопреосвященного Иннокентия. Сказано и о мотивах, подвигших написать книгу: «Благоговение и любовь к памяти святителя воодушевили меня в труде моем». Была выражена уверенность, что пришло время сделать обзор жизни и трудов православного подвижника Веры Христовой. «Мы, насколько могли и умели, собрали разбросанные о нем сведения в одну книгу,

Портрет Иннокентия — епископа Камчатского

которая да облегчит труд будущего биографа»³⁵, — говорилось в предисловии.

Свою роль в создании книги Иван Платонович позиционировал как собирателя сочинений, писем владыки Иннокентия и рассказов современников о нем. Вместе с тем, сознавая недостатки представленной на суд соотечественников книги, он сослался на слова Епифания Премудрого, древнего жизнеописателя св. Стефана Пермского³⁶: «Аз, худый, недостойный, убогий... желанием одержим есмь и любовью подвигаем, хотел бых написати... на воспоминание, купно же и памяти ради, от доброго и чудного жития святителя нашего...» Близки Ивану оказались и следующие самокритичные слова Епифания Премудрого: «...Аз бо есмь умом груб, и словом невежа, худ имея разум. Не бывавшу ми во Афинах от юности, и не поучихся у философов ни их плетения риторьска, ни ветиских глагол, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед не стяжах... и испроста — отынуть весь недоумения наполнихся»³⁷.

В письмах братья активно обсуждали вопрос о посвящении книги. Николай Платонович рекомендовал посвятить ее Амвросию, епископу Дмитриевскому, который после кончины Иннокентия какое-то время исполнял службу митрополита. Автор категорически не согласился. «Коля, прости меня, что я твоего желания по совести не могу исполнить, т. е. посвятить свою книгу Амвросию, — ответил Иван. — Если я это сделаю, то это будет против моей совести. Ты ведь хорошо знаешь мое мнение о нем...»³⁸ В этом же письме он сообщил брату, что решил окончательно посвятить свою книгу достопочтенному Борису Сергеевичу Шереметеву, старшему в роде московских Шереметевых, которые окружали покойного владыку любовью и уважением. Текст посвящения автор отправил для ознакомления графу С.Д. Шереметеву, и тот решительно отверг довольно большое выпренное посвящение. В конечном виде в книге оно стало лаконичным: «Его превосходительству Борису Сергеевичу Шереметеву, в воспоминание о высокопреосвященном Иннокентии, посвящает труд свой Иван Барсуков».

По просьбе автора Николай Платонович взял на себя ответственную и трудоемкую редакторскую и корректорскую правку рукописи. «Если ты встретишь в письмах Иннокентия какую-либо бессмыслицу, поправь сам»³⁹, — просил Иван, объясняя трудности прочтения писем, когда святитель стал терять зрение. Он просит совета и в деле размещения в тексте изображений Иннокентия.

Поздравляя Николая Платоновича с Рождеством Христовым и Новым 1883 годом, Иван сообщил: «Последнюю корректуру я получил, за которую тебя очень благодарю... Книга будет толстой, думаю разбить на две части...»⁴⁰. Однако автор не стал делить ее на две части, несмотря на то, что объем оказался значительным — 769 страниц. Перед первой главой Барсуков поместил любимые Иннокентием слова из Евангелия: «От Господа стопы (пути) человеку исправляются».

Композиция книги во многом соответствовала принятым во второй половине XIX века издательским правилам. Текст распределялся по главам, имевшим нумерацию латинскими цифрами. Последняя глава — XLVII — 47. Информация о

содержании глав, заголовки приводимых документов с датами — все это находилось не в тексте, а в отдельном оглавлении, что, несомненно, доставляло читателям некоторые неудобства. Ссылки на источники даны в тексте, примечания — в конце страницы.

В конце рукописи имелись приложения, включившие четыре письма епископа Камчатского Иннокентия к мореплавателю А.С. Норову (1840—1842), Слово при погребении Иннокентия митрополита Московского и Коломенского, произнесенное Амвросием — епископом Дмитровским 5 апреля 1879 года в Чудове монастыре, а также снимки почерка высокопреосвященного Иннокентия. Приложения свидетельствуют, что в это время у автора отсутствовало намерение об отдельной публикации писем святителя. В названии книги Барсуков предусмотрительно обозначил источниковый формат — сочинения и письма Иннокентия и рассказы современников. Автор его строго соблюдал, хотя не охваченными оказалось немало документов, в первую очередь, Святейшего Синода.

Несмотря на то, что уже отпечатанная книга проходила духовную цензуру, информация о ней и в Москве, и в Петербурге отсутствовала. Правда, в статье «Библиографические новости» газеты «Новое время» сообщалось: «Мы слышали, что г. Барсуков (без имени и отчества. — *Н.Д.*) занимается в настоящее время составлением биографии покойного митрополита Макария». Это сообщение вызвало необходимость обратиться И. Барсукову в редакцию газеты со следующим заявлением: «Действительно, что я в настоящее время занимаюсь составлением книги, только не о митрополите Макарии, а о митрополите Иннокентии. Книга эта на днях выйдет в свет»⁴¹. Публикация на страницах газеты этого авторского заявления и стала своего рода анонсом о предстоящем появлении книги «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников».

Получив в духовной цензуре книгу, Иван Платонович написал брату Николаю: «Цензор — отец протоиерей Михаил Семенович Боголюбский — пришел в восторг и сказал: «Ваша

книга больше чем интересна... Капитальный труд... Вы возвели себе этот вечный памятник, а нас пристыдили. Это дело было наше»⁴², — т. е. духовенства». Цензор откровенно высказал автору чувство сожаления, которое возникло в среде православных деятелей Москвы в связи с тем, что книга о современном апостоле Иннокентии вышла не из лона церкви и написана не духовным, а светским автором. Эти настроения особенно сильны были среди московских священнослужителей, даже обращавшихся в связи с этим к автору за разъяснениями. Иван Платонович отсылал их к обер-прокурору К.П. Победоносцеву.

Для самого же автора первым и авторитетным рецензентом книги являлся старший брат — Николай Платонович. Получив его «похвальную рецензию», Иван Платонович с благодарностью написал брату: «...прочитав ее (рецензию. — *Н.Д.*), был сконфужен, да неужели и в самом деле мой труд достоин такой похвалы? Положа руку на сердце, никогда не думал и не гадал, чтобы я сотворил себе такую честь в литературе! Нет! Воля твоя, я в этом предусматриваю что-то такое необъяснимое, чудо, совершенное надо мною»⁴³. Этот эмоциональный всплеск чувств изобличил в Иване Платоновиче чрезвычайно чувствительного и восторженного человека, каким в действительности он и являлся.

Благодаря Николаю Платоновичу была осуществлена принятая в то время верноподданническая акция — заочное преподнесение книги об Иннокентии императору Александру III. 26 ноября 1883 года Иван Платонович написал брату: «Диво! На днях я получил следующее письмо от К.П. Победоносцева...» Милостивый государь Иван Платонович! Доставленный при письме Вашем экземпляр составленной Вами книги под заглавием «Иннокентий — митрополит Московский и Коломенский», согласно Вашему желанию, я имел счастье поднести государю Императору. Его Императорское Величество удостоил милостиво принять оный, Высочайше повелел передать благодарность Вам»⁴⁴. В свою очередь, Николай Платонович сообщил автору, что обер-прокурор К.П. Победоносцев «самого высокого мнения [о книге. — *Н.Д.*] об Иннокентии»⁴⁵.

На сообщение старшего брата о посылке одному московскому священнику книги на предмет написания рецензии Иван Платонович среагировал негативно: «Все московское духовенство враждебно из зависти относится к моему труду. Лучше бы было передать какому-нибудь светскому лицу или петербургскому духовенству»⁴⁶, — считал он.

Опасения не подтвердились. Отзыв ректора Московской Духовной Академии протоиерея С.К. Смирнова для представления книги в Императорскую Академию оказался доброжелательным, обстоятельным и глубоким⁴⁷. Вначале рецензент отметил, что из 769 страниц книги 557 страниц посвящены миссионерскому служению и управлению Иннокентием в русских владениях в Северной Америке и на полуострове Камчатском, на остальных 212 страницах рассказано о деятельности Иннокентия в сане митрополита Московского и Коломенского. В дальних пределах Америки и Азии Иннокентий служил 44 года, а в Москве — около 11 лет.

Тщательному анализу подвергнута источниковая база книги. Авторитетно утверждалось, что автор перечитал все опубликованные в духовных журналах и ведомостях статьи и, прежде всего, сочинения самого Иннокентия. Самым важным печатным источником послужили письма Иннокентия к митрополиту Московскому Филарету, а также статьи протоиерея П.В. Громова, знавшего владыку на протяжении многих лет и написавшего о нем искренне и правдиво. В числе использованных книг упоминалась изданная в 1878 году книга Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России». Рецензент подчеркнул, что И. Барсуков располагал многочисленными рукописными источниками, некоторые из них он впервые опубликовал в книге. «Много трудов нужно было, чтобы структурировать эти разнообразные материалы и изложить их содержание так, чтобы из них составилось стройное целое и чтобы личность Иннокентия резко выделялась из среды других личностей»,⁴⁸ — утверждалось в отзыве.

Из первой части книги рецензент сделал следующий важный вывод: «...До выхода в свет сочинения господина Барсукова деятельность и характер Иннокентия мало известны

были в России. Биограф выставил его в таком свете и так художественно обрисовал его апостольское служение, что в читателе с первых же страниц книги возбуждается и потом постоянно усиливается живое сочувствие к подвигам Иннокентия, ознаменованным пламенной ревностью к просвещению светом христианства язычников и необычайным самоотвержением при совершении этого великого служения церкви, достойным первых веков христианства»⁴⁹. Рецензент продолжал: «Когда святитель прибыл в Москву, ему было уже более 70-ти лет (71 год. — *Н.Д.*), и при этом зрение оказалось крайне слабым. Он уже не мог действовать так энергично, как раньше. Но автору удалось изобразить московскую деятельность святителя так же рельефно, как и предыдущую его жизнь, так что сочувствие к личности Иннокентия не ослабеваает в читателе до конца книги».

Сделанный в отзыве вывод гласил: «Вообще, книга господина Барсукова составлена добросовестно, со знанием дела и написана языком ясным, живым, изящным и сильным. Достоинства книги оценены уже в нашей литературе и Святейшим Синодом... Книга господина Барсукова заслуживает того, чтобы автору ее присуждена была половинная Уваровская премия»⁵⁰.

Отношения с семьей покойного владыки Иван Платонович усердно поддерживал с помощью переписки с его внуком священником Иоанном. Конечно, автору приятно было читать его благодарственное послание: «...Вы воспроизвели в памяти Отечества честь нашу в лице родителя и Владыки, мало того, Ваша любовь простирается далеко за пределы первоначальной цели: Вы стремитесь покровительствовать и семейству Его... Имя Ваше всегда будет честью и гордостью моей семьи и лично, молитва же о Вас — наш христианский долг»⁵¹.

Порадовало Ивана Платоновича и письмо из Иркутска архиепископа Вениамина. Именно здесь покойный митрополит Иннокентий когда-то начинал свое служение Всевышнему. Архиепископ лестно отзывался о книге, заказал четыре экземпляра, обещал прислать свои сочинения и постоянно делать бесплатные публикации в «Иркутских епархиальных ведомостях». К сожалению, Иркутский архиепископ среди священ-

нослужителей оказался в меньшинстве. Возможно, кончина в 1882 году митрополита Макария (Булгакова), возглавлявшего Московскую митрополичью кафедру всего три года, негативно отразилась на настроении московского духовенства, и оно не смогло достойно откликнуться на появление книги о выдающемся московском митрополите Иннокентии.

В заключение следует сказать, что пополнившая российскую библиотеку исторической литературы книга И.П. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский» привлекла к себе внимание официальных структур и православной церкви, а также вызвала общественный и научный интерес. Понимая ценность собранных им в ходе написания книги рукописных материалов, касавшихся жизни и деятельности митрополита Иннокентия, Барсуков в январе 1884 года принес их в дар московскому публичному Румянцевскому музею, за что получил от директора музея В.А. Дашкова искреннюю признательность и благодарность⁵².

В представлении книги читателям, в ее распространении и продаже И.П. Барсуков возлагал надежды на Синод и министерство народного просвещения. Признав чтение книги полезным и назидательным для духовного юношества, Синод одобрил приобретение ее в фундаментальные и ученические библиотеки семинарий. Признал необходимым приобретение книги для библиотек учебных заведений и ученый комитет министерства народного просвещения. В апреле 1884 года автор получил из Синода требование о присылке в Петербург 500 экземпляров книги по 3 руб. 50 коп. за экземпляр на сумму 1 750 рублей⁵³, за что Барсуков выразил признательность митрополиту Петербургскому Исидору и обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву. Значительная доля полученных денег пошла на оплату труда рабочих и служащих Синодальной московской типографии. Часть книг для библиотек приобрело и министерство народного просвещения.

Императорская Академия наук удостоила книгу об Иннокентии престижной премии имени графа Уварова в 500 рублей, что соответствовало трети номинала полной премии. Своего рода знаком общественного признания И.П. Барсукова стало избрание его членом-корреспондентом Импера-

торского общества любителей древней письменности (март 1894 г.).

Открывая русскому обществу подвиг апостольского служения святителя Иннокентия книга «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский» прочно вошла в русское читательское поле и начала свое независимое от автора бытование. Она обогатила фундамент духовно-нравственно-го воспитания молодежи, посвятившей себя служению Богу.

Благодаря книге имя сорокалетнего Ивана Платоновича Барсукова наряду с уже известными авторами — Николаем Платоновичем и Александром Платоновичем Барсуковыми — неожиданно заняло достойное место в историко-литературных кругах Петербурга и Москвы. Академик А.Ф. Бычков считал, что «богатство собранного материала и искусное его распределение» составляют неотъемлемое достоинство книги. Конечно, со временем найдется еще немало материалов, которые дополняют книгу. Вместе с тем за И.П. Барсуковым «навсегда останется заслуга первого жизнеописателя митрополита Иннокентия».

3.2. Первое жизнеописание митрополита Иннокентия*

Свой труд о святителе Иннокентии Барсуков начал такими словами: 26 августа 1797 года в селе Ангинском Иркутской епархии у пономаря церкви св. Илии Пророка Евсея Попова родился сын Иоанн. А через семьсот с лишним страниц написал, что 31 марта 1879 года в 11 часов утра кремлевский колокол Иван Великий торжественно-печальным звоном возвестил москвичам о кончине святителя Иннокентия — митрополита Московского и Коломенского. Раскрытию феномена превращения сына безвестного сибирского пономаря в выдающегося иерарха Русской Православной церкви и посвящена книга И.П. Барсукова.

* В параграфе все ссылки даны на книгу: И. Барсуков. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. Ссылки приведены в тексте в виде указателей страниц в квадратных скобках.

Миссионер. Семья Евсея Попова, в которой было четверо детей, после его преждевременной смерти оказалась на грани нищеты. Поддержал сирот брат умершего, который особо опекал смышленного Ивана, в семь лет читавшего «Апостол». В девять лет сироту Ивана Попова определили в иркутскую духовную семинарию на тогдашнее убогое казенное содержание. Впоследствии он вспоминал, что чистого ржаного хлеба (без мякины) не пробовал до выхода из семинарии.

Семинарские годы Ивана в книге раскрыты на фоне краткого обзора Иркутска как самого красивого и богатого города Сибири и в связи с рассказом об особенностях духовной семинарии как учебного заведения. Учился Иван с большим желанием и удостаивался всегда таких оценок, как *eleganter*, *egregie*, *eximie* (прекрасно, превосходно, отлично). Рослый, крепкого телосложения, молчаливый, «строго задумчивый» Иоанн Попов Ангинский (в классе, где множество учеников имели фамилию Попов, их именовали и по месту рождения) выделялся среди своих сверстников и невольно обращал на себя особое внимание. Когда ректор семинарии в соответствии с традицией решил сохранить память о скончавшемся епископе Вениаминове, пользовавшемся особым уважением иркутян, то именно Попову Ангинскому присвоил фамилию Вениаминов. Его, лучшего воспитанника, ректор собирался через год отправить учиться в Московскую духовную академию. В семинарии удивлялись способностям Ивана к всевозможным механическим работам, интерес к которым возбудил дядя — механик-самоучка. Юноша, будучи деятельным человеком, с усидчивостью, настойчивостью и тщательностью относился к механическим занятиям и достигал удивительных результатов.

Молодой Иоанн Вениаминов сделал два выбора, которые в его жизни оказались судьбоносными. Первый самостоятельный выбор он сделал за год до окончания духовной семинарии, когда намеренно, без разрешения отсутствовавшего в семинарии ректора, женился. Позднее в своих «Автобиографических заметках» святитель Иннокентий писал, что ему пришла мысль жениться, и он успел подать просьбу без позволения отца-ректора. Можно предположить, что

«**Ѹ** ГѸспѸда стѸпы чѸловѸкъ ѸсправлѸтсѸ».
 (Уал. лѸ, кѸ).

26 августа 1797 года, въ селѣ Ангинскомѣ, Иркутской епархіи, у пономаря церкви св. Іліи Пророка, Евсеія Попова родился сынъ Іоаннъ. Восприемникомъ его былъ крестьянинъ Савва Чувашевъ, а восприемницею жена казака Тюрюкова, Устинья Яковлева. Четырехъ лѣтъ на пятомъ, мальчикъ учился уже грамотѣ у больного отца своего, который въ августѣ 1803 года, какъ значится въ метрической книгѣ, «исповѣдавъ своя согрѣшенія, и Св. Таинъ пріобщенъ, и елеешъ овященъ, помере 40 лѣтъ».

Мать, съ четырьмя дѣтьми, осталась въ безпомощномъ положеніи. Дядя сиротъ, дьяконъ Димитрій Поповъ, чтобы помочь осиротѣвшей, бѣдствующей семьѣ, взялъ мальчика Ивана къ себѣ и продолжалъ учить его грамотѣ по часослову и псалтири, уча и письму. Мальчикъ учился такъ успѣшно, что онъ еще семилѣтнимъ ребенкомъ читалъ въ своей церкви, въ праздниѣ Рождества Христова, за литургією, Апостолъ, и своимъ толковымъ чтеніемъ доставлялъ утѣшеніе прихожанамъ церкви св. Іліи пророка; но невзрачно было одѣяніе чтеца:— крестьянскій зипунъ и чары. Мать, ободренная успѣхами сына, пыталась опредѣлить бойкаго грамотѣя, еще до поступленія его въ семинарію, на мѣсто отца пономаремъ, чтобы имѣть въ немъ podporу ~~себѣ~~ и остальнымъ дѣтьмъ; но попытки остались напрасны. Въ 1806

Начало первой главы книги И.П. Барсукова «Иннокентій, митрополит Московскій и Коломенскій»

влюбленный юноша догадывался о желаніи ректора послать его учиться в Москву и потому выбрал женитьбу, тем самым круто изменив дальнейший ход событий своей жизни.

Избранницей Иоанна стала священническая дочь Ека- терина Ивановна Шарина. В день венчания он преподнес ей подарок в собственноручно сделанной им шкатулке, украшенной растительным орнаментом. Уже более 100 лет эта шкатулка хранится в фондах Хабаровского музея имени Н.И. Гродекова вместе с дарственной следующего содержания: «Сея шкатулка из узорчатой меди, простой рабо-

ты, сделана собственноручно о. Иоанном Вениаминовым (впоследствии митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием). В шкатулке этой о. Иоанн поднес своей невесте подарок в 1821 году. Все выше изложенное удостоверяю своей подписью и именной печатью. Г. Хабаровск мая 13-го дня 1894 года. Дочь митрополита, вдова священника Ильи Иванова Петелина, Е.И. Петелина». Стойко и безропотно переносила Екатерина Ивановна неустроенности в жизни, лишения и бедствия, продолжительные поездки супруга по пастырским делам. Она сердечно поддерживала его в божественном предназначении и миссионерском служении. В счастливом браке у них родились девять детей, шестеро из них дожили до зрелых лет. Сделанный Иваном выбор лишил его возможности получить высшее богословское образование в духовной академии. Но это не помешало ему впоследствии овладеть обширными и многосторонними познаниями, «какими не многие ученыишие иерархи обладали в его время», считал И. Барсуков.

Через два года после успешного окончания духовной семинарии и служения диаконом И. Вениаминов принял рукоположение в священники Градо-Иркутской Благовещенской церкви. Симпатичный молодой священник, обладавший красивым голосом, устроил небывалое пастырское дело. Перед воскресными литургиями он собирал детей и преподавал им христианские уроки. К отцу Иоанну росло уважение прихожан. К тому же изготовленные им часы и музыкальные органчики пользовались среди горожан большим спросом.

Деликатно и неспешно автор подводил читателя к другому важному самостоятельному выбору Ивана Вениаминова, который казался спонтанным, а в действительности же был духовно подготовленным.

Естественный, размеренный ход жизни иркутских священников вдруг нарушило послание Святейшего Синода о направлении священнослужителей в качестве миссионеров в Русскую Америку. Кстати, причиной послания стал отказ императора Александра I утвердить постановление Синода о закрытии на Аляске русской православной миссии, существовавшей с 1794 года. На призыв епископа отправиться в

Русскую Америку миссионерами все иркутские священники написали, что не желают по причине отдаленности места. Полное свое согласие с ними высказал и священник Иоанн Вениаминов, служивший в одном из лучших приходов в городе и пользовавшийся почетом у прихожан. Семья его уже имела собственный дом, в котором появился долгожданный сын. К тому же доход, благодаря механическим поделкам Ивана, превосходил то вознаграждение, которое предназначалось миссионеру. Житейское благоразумие на этот раз взяло верх. Но промыслы Божьи, по словам автора, готовили отцу Иоанну другую ниву для возделывания.

Став духовным отцом И. Крюкова, недавно появившегося в городе служащего Российско-американской компании, И. Вениаминов с большим интересом слушал его рассказы. «Чего-чего не рассказывал он мне об Америке вообще и об алеутах, в особенности, в чем-чем он не убеждал меня ехать на Уналашку» [13], — позднее вспоминал Иоанн. Однако священник оставался непоколебимым. Прощаясь перед отъездом со своим духовным отцом, И. Крюков вновь заговорил об алеутах, принявших православие, об их усердии к молитве и огорчениях из-за отсутствия пастыря. Как потом утверждал Иоанн, совершенно неожиданно для себя он вдруг весь загорелся страстным желанием оказаться среди этих людей, помогать им в обретении веры Христовой. Конечно, он знал широко распространенную поговорку о том, что от добра добра не ищут. Но отец Иоанн вовсе не искал добро, понимаемое как более высокий материальный достаток. Он сердцем почувствовал, что может, должен помочь людям, не знающим Бога, отыскать к нему дорогу. Ради этого он готов отправиться в неведомые края. Но 26-летний священник Вениаминов тогда еще не ведал, что выбрал богоугодное миссионерское служение на всю свою жизнь.

В дальнейшее путешествие отправились не только Иван с женой и годовалым сыном Иннокентием, но и его пожилая мать и брат Стефан. Путешествие по реке Лене, потом по суши и морю длилось целый год и завершилось на Уналашке — втором по величине острове Алеутского архипелага, где насчитывалось десять селений и 470 жителей-алеутов, рус-

*Знаменская церковь Знаменского монастыря в Иркутске —
одна из самых старых в Сибири*

ских и родившихся от их смешанных браков креолов. В книге представлен экологический обзор острова и сделан экскурс в историю освоения его русскими людьми, рассказано о деятельности первых православных священников, которая затем оказалась прерванной на многие годы из-за отсутствия миссионеров.

Остров стал местом жизни семьи и многолетнего миссионерского служения Иоанна Вениаминова. Сначала они поселились в землянке, потом в скромном деревянном доме, построенном самим миссионером. Он же изготовил всю домашнюю утварь, соорудил стенные часы. Общими усилиями возделали небольшой земельный участок, и этот огород стал для алеутов примером для распространения на острове огородничества.

Обладавший способностями к изучению языков, отец Вениаминов довольно быстро овладел разговорным алеутским. Он приобщал коренных жителей Уналашки к строительству

церкви, обучал их столярному, слесарному, кирпичному ремеслам. Построенная миссионером церковь Вознесения, первая на острове, стала центром распространения православия и притяжением для уже крещенных алеутов. В открытой при ней духовной школе они постигали азы православия и грамотности. Кроме острова Уналашки в приход входило население множества больших и малых островов, и каждый год с весны до осени отец Вениаминов на байдарке посещал их, проводил молебны и совершал требы. Умение объясняться с алеутами на их родном языке, доброжелательность и простота в общении, ловкость при управлении байдаркой усиливали симпатии населения к русскому миссионеру.

Добросовестно и с душой исполняя долг пастыря, отец Иоанн старался быть полезным и науке. Зная с каким рвением ученые собирают всякого рода сведения о неизвестных для них племенах и народах, как для них важна даже малейшая находка, он заинтересовался алеутским языком. Не расставаясь с записной книжкой, Иоанн ежедневно вносил туда для памяти собранные сведения и наблюдения, которые по возвращении домой разбирал и приобщал к своим научным исследованиям. Одним из результатов их стала разработка алеутского алфавита, составление грамматики и словаря алеутского языка. Он считал, что эти сведения будут полезны лингвистам для исследования происхождения сего языка и для выяснения генезиса алеутов. Свой «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка» отец Иоанн представил в Императорскую Академию наук.

Тщательно изучив фауну островов Восточного океана, подробно ознакомившись с образом жизни ценных зверей и способами охоты на них, отец Иоанн Вениаминов на основе своих исследований предложил главному правлению Российско-американской компании (РАК) наиболее разумные способы охоты на зверей. Этим он предотвратил заметно уменьшавшееся год от года количество животных, особенно морских котиков и способствовал быстрому их размножению. Реализация предложений миссионера привела не только к сохранению популяций, но и умножила на несколько сот тысяч рублей доходы РАК от промысла за морскими зверями [47].

Делая извлечения из книги Иннокентия «Записки об островах Уналашинского отдела», Барсуков дает подробное описание внутренней и внешней жизни алеутов, фиксирует их наружность, описывает одежду и жилища. Владевший многими ремеслами, отец Вениаминов восторгался умением алеутов при недостаточных средствах, благодаря терпению и аккуратности, добиваться исключительных результатов в труде. «...Промысловые орудия и байдарки и их одежда доведены, можно сказать, до невозможного совершенства в своем роде. Все доказывает, что много обдуманно, чтобы всякая вещь была удобна и пригодна для своего назначения. Везде видно большое терпение у работающих» [68—69]. В алеутах при всем их хладнокровии и равнодушии видна любовь к детям, и даже нередко в такой степени, какая свойственна только нежным сердцам. «Самый лакомый кусочек и самое лучшее платье родители берегут для детей своих» [58]. Подчеркивалось, что все алеутки умели очень хорошо шить. Миссионеру были приятны такие качества народа, как терпимость, доброта, восприимчивость к обучению. Вместе с тем он сожалел, что алеуты весьма неопрятны в быту.

Через десять лет безвыездного служения на острове Уналашка священника Вениаминова в 1834 году перевели в храм Архангела Михаила в городе Ново-Архангельске на острове Ситха, где располагалось Главное управление Российско-Американской компании и находилась столица Русской Америки. Теперь ему предстояло проповедовать веру Христову среди колошей (индейцев-тингитов), имевших славу дикого и свирепого народа, давно враждовавшего с русскими. Отец Иоанн не спешил к колошам, а прежде стал изучать их язык, обычаи и нравы, выжидая удобный случай для встречи с ними. Когда на Ситхе началась повальная эпидемия оспы, миссионер не мог остаться в стороне. Активно участвуя в борьбе с эпидемией, он приучал колошей к прививкам против оспы, спасал человеческие жизни и тем самым завоевывал их расположение. К «свирепым и кровожадным» колошам миссионер тоже нашел путь, чтобы приобщать их к православной вере. Обозревая 15-летнюю миссионерскую

деятельность отца Иоанна Вениаминова, Барсуков сделал следующие выводы: «Мы смело заключаем, что деятельность его отличалась тем же характером, которым издревле украшалось служение русских проповедников Евангелие. Так, например, разумная осторожность его открывала ему доступ к грубым, но простым и добрым сердцам дикарей, христианские истины были им сообщаемы сообразно с их умственностью, т. е. при полном свободном убеждении, а не путем насилия» [101].

Считая, что в Русской Америке жатвы много, только нет делателей, священник Вениаминов стремился изменить положение к лучшему. Получив разрешение Синода на поездку в Петербург, он отправил семью в Иркутск, оставив при себе лишь младшую дочь Феню, и осенью 1838 года на паруснике «Николай» впервые за 15 лет покинул Русскую Аляску. Его заветная мечта о кругосветном морском путешествии начала осуществляться. Через семь с лишним месяцев парусник, благополучно преодолев Тихий и Адриатический океаны, прибыл в порт Кронштадт. О своем первом знакомстве со столицей отец Иоанн рассказывал с юмором. Столичный чиновник хотел получить от него, «пришельца из Америки, с наперсным крестом и орденом», взятку за прописку паспорта в столице, но им был посрамлен. При знакомстве с обер-прокурором Синода «пришелец из Америки» с осуждением и юмором рассказал об этом эпизоде и неожиданно услышал со смешком: где же еще чиновник достанет денег, у него же небольшое жалованье.

Поскольку Синод проводил свои заседания только в зимние месяцы, в ожидании этого времени Вениаминов получил разрешение выехать в Москву для сбора пожертвований для церкви Русской Аляски. В Москве состоялось знакомство с выдающимся Московским митрополитом Филаретом, с которым сразу же установились сердечные отношения. Прозорливый митрополит тогда заметил, что в отце Вениаминове «есть что-то апостольское». Московские священнослужители, представители аристократии и городской администрации стремились познакомиться с американским миссионером, пленявшим слушателей увлекательными рассказами о Рус-

*Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов)
(1821–1867)*

ской Аляске. Они богато и щедро одаривали его церковной утварью, святыми иконами и деньгами.

За два года пребывания миссионера Вениаминова в Москве и Петербурге (1838—1840) в его жизни и судьбе многое свершилось. В представленной Святейшему Синоду записке «Обозрение Православной церкви в Российской Америке» он дал развернутый анализ состояния православных церквей в отдаленном крае. Его предложения о создании на Аляске постоянной духовной миссии, об увеличении количества церквей и штата духовенства Синод полностью одобрил.

Важно, что положительно оцененные переводы отца Иоанна Катехизиса и Евангелия от Матвея на алеутский язык были рекомендованы к печати. По поручению членов Святейшего Синода Вениаминов написал для священни-

ков-миссионеров «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру». Одоблив написанную на алеутском языке работу «Указание пути в Царствие Небесное», решено было напечатать ее и на русском языке. Настоящим признанием ценности исследования алеутского миссионера инородческих племен Аляски стало издание в 1840 году в Петербурге его крупного оригинального труда «Записки об островах Уналашинского отдела» объемом более 600 страниц.

Знакомство с такими известными людьми, как митрополит Московский Филарет, писатель и религиозный деятель А.Н. Муравьев, баронесса Е.С. Дёлер, граф С.Д. Шереметев и другие, оставило большой след в жизни святителя. Впервые он переживал настоящий духовный и интеллектуальный подъем.

Совершенно неожиданно в начале 1840 года отец Иоанн получил горестную весть из Иркутска о кончине жены Екатерины Ивановны и засобиравшись домой к осиротевшим детям. Выражая искреннее сочувствие своему сердечному другу, митрополит Филарет вдруг предложил ему принять монашество. Отец Иоанн оказался перед трудным выбором. Духовную поддержку он искал в святых местах — Троице-Сергиевой и Киево-Печерской лаврах, где проводил много времени в молитве. В конце ноября 1840 года митрополит Филарет совершил обряд пострижения отца Иоанна в монахи. По собственному желанию он принял новое имя — Иннокентий — в честь первого Иркутского епископа, святителя Иннокентия (Кульчицкого).

Утверждая постановление Синода о создании новой, Камчатской епархии, император Николай I заметил, что нового епископа надлежит именовать Камчатским, Курильским и Алеутским. В книге приведена краткая характеристика отца Иоанна, которая была предоставлена императору. В ней говорилось, что он имел два ордена святой Анны, 15 лет служил в сане священника, построил церковь, сэкономив при этом 17 тысяч рублей (лично же строил! — *Н.Д.*), содействовал открытию школы и дома для девиц-сирот, составил для алеутов грамматику и более шестой части их научил читать и писать. От роду 43 года [125]. Очевидно, эта характери-

Епископ Якутский и Вилюйский Дионисий (Хитров)

стика и помогла императору сделать свой выбор главы новой епархии. По предложению Николая I архиереем Камчатской епархии должен стать алеутский миссионер отец Вениамин, о чем при встрече он лично ему и сказал. «Как Вам угодно, то и свято для меня», — прозвучало в ответ.

Во время ожидания епархиального обряда в Казанском соборе Иннокентия приглашали в Зимний дворец на встречи с великими князьями Михаилом Николаевичем и Николаем Николаевичем. Здесь он увлекательно рассказывал о языческих племенах, о морских путешествиях на байдарке, показывая на карте маршруты своих странствований. Иногда на встрече присутствовал и великий князь, наследник Александр Николаевич — будущий император Александр II.

Так, в кругу иерархов Русской православной церкви появилась необыкновенная личность — архиерей Иннокен-

тий Вениаминов, обладавший многолетним миссионерским опытом и знанием самого дальнего необжитого края России.

Вследствие того, что резиденцией Камчатского, Курильского и Алеутского епископа стал Новоархангельский храм на острове Ситха, Иннокентий в начале 1841 года и отправился туда на попутном корабле РАК, совершая вторую половину своего желанного кругосветного путешествия.

Архиепископ. Более двух лет назад отец Вениаминов покидал о. Ситха священником и миссионером, а вернулся из Петербурга епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Свое епископское служение Иннокентий начал с открытия на Ситхе духовного училища, которое явилось первым православным учебным заведением на американском континенте. Немного отдохнув, он, как всегда на байдарке, отправился на острова к своим прихожанам алеутам, которые утешили его и порадовали. Ему не терпелось увидеть Камчатку, остававшуюся для него *terra incognita*. Природа Камчатки очаровала Иннокентия, он проехал по всему полуострову, затем добрался до Охотска, в Аяне участвовал в достройке храма, который и осветил. Первое путешествие епископа по азиатской части епархии продолжалось 16 месяцев.

С присоединением к епархии обширной Якутской области Иннокентий возводится в сан архиепископа. По его просьбе Синод переводит его резиденцию в Якутск, куда переместилась и духовная семинария. Ректором ее стал протоиерей Дмитрий Хитров, миссионер, знаток якутского языка, человек, очень близкий по духу и судьбе Иннокентию. Под влиянием и руководством архиерея Д. Хитров начал создавать азбуку и грамматику якутского языка и переводить Священное Писание и богословские книги на язык якутов. Спустя несколько лет кропотливого труда он представил в Синод азбуку и грамматику якутского языка и сделанные на нем переводы богословских книг. В деятельности Синода это был второй после Иннокентия потрясающий случай, когда миссионер обогатил свой подопечный народ азбукой и грамматикой родного языка, создав тем самым фундамент для широкого распространения православия и в целом цивилизации.

Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский

И. Барсуков привел в книге любопытный документ архиепископа Иннокентия, в котором подведены итоги его десятилетнего пастырского служения во вновь открытой епархии, уникальной по территории и полиэтническому составу населения [252—292]. В епархии, состоявшей из Новоархангельского и Камчатского духовных правлений, насчитывалось 22 церкви, 37 часовен и 19 часовен строилось на Камчатке. Увеличилась паства с 16,2 тыс. человек в 1841 году до 23 тыс. в 1849-м. Если довольство алеутского духовенства являлось достаточным, то для охотско-камчатского его необходимо было увеличить, о чем архиепископ внес предложение в Синод. В целом нравственное состояние духовенства названо «удовлетворительным». Одной из причин этого реалист Иннокентий видел в том, что во многих местах имелось мало горячительных напитков. Общий взгляд на состояние епархии

сформулировано коротко: «становится приметно удовлетворительнее».

В середине XIX века на внешнеполитическую повестку дня Российской империи встал Амурский вопрос — урегулирование пограничного вопроса с Дайцинской империей, возвращение России приамурских земель, ей принадлежавших в XVII веке, обретение удобного выхода на Тихоокеанское побережье для развития торговли Восточной Сибири с соседними странами. Восточная (Крымская) война, агрессивные действия морских сил Великобритании, США и Франции в акватории Тихого океана в какой-то степени активизировали российскую политику на Дальнем Востоке.

Решение Амурского вопроса выпало на долю Н.Н. Муравьева, в 1847—1861 годах генерал-губернатора Восточной Сибири. В лице Камчатского архиепископа Иннокентия Вениаминова он нашел своего духовного пастыря, единомышленника и энергичного соратника, остро чувствовавшего политическую ситуацию на Дальнем Востоке. После личного знакомства в 1849 году на Камчатке между ними установились сердечные доверительные отношения, сохранявшиеся многие годы. Горячее благословение и содействие архиепископа, его живое Божье слово, сердечное ободрение к делу, заступничество за справедливость — все это придавало административно-бюрократическому управлению генерал-губернатора «человеческое лицо». Вместе с тем Иннокентий не оставлял без своего внимания и влияния материальную сторону жизни, которую он, обладавший многими знаниями и умениями, стремился улучшить, сделать полезнее для людей.

Следует подчеркнуть, что именно Барсукову принадлежит заслуга первым сказать об Иннокентии как о «зорком государственном человеке, экономисте и публицисте, здраво и метко понимающем даже отдаленные пользы России» [380]. Глубокое проникновение в демографические, экономические, природные обстоятельства края, эрудиция позволяли архиепископу предлагать решение проблем, имевших государственное значение, выступать в роли государственного деятеля. При этом он отлично понимал, что этих проблем он — религиозный деятель — не должен касаться. «Подобное

дело совсем не мое. Но я русский и при том, смею похвалиться, не последний по любви к Отечеству, считаю за грех не высказать того, что может служить к пользе его». Эта принципиальная позиция позволяет понять его интерес к гражданским, государственным проблемам.

Качества святителя Иннокентия как «зоркого государственного человека» в полной мере проявились в годы генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева. Сразу же после знакомства архиепископ направил ему записку об улучшении торговли в Северо-Восточной Сибири. Сравнивая торговлю, основанную на монополии в наших американских колониях, и торговлю «свободную» на Камчатке и в других местах северной Сибири, он пришел к выводу о необходимости регулировать так называемую «свободную торговлю», усилить на нее влияние РАК.

В книге кратко воспроизведена история героических событий обороны Петропавловска на Камчатке, рассказано о безуспешной охоте англо-французских кораблей за русским флотом, укrywшимся в неизвестной им гавани, и даже о своем «пленении» англичанами, когда ему удалось убедить их освободить пленных раненых русских моряков и священника.

В 1856 году во время нахождения генерал-губернатора Муравьева в Москве на коронации Александра II архиепископ вместе с третьим амурским сплавом впервые проплыл по всему Амуру. В Николаевске им была создана первая духовная миссия на Амуре, во главе которой встал его сын Гавриил Иванович Вениаминов, живший в городе. К большой радости архиепископа тогда же ему довелось крестить своего первого внука — Иоанна Вениаминова. Прибыв по Охотскому тракту в Якутск, Иннокентий узнал, что указом Святейшего Синода он награжден орденом Российской империи святого князя Александра Невского «за неутомимые подвиги на пастырском поприще в отдаленном крае Отечества».

Обобщая свои впечатления и наблюдения во время путешествия по Амуру, Иннокентий написал заметки «Нечто об Амуре», в которых он изложил свое видение освоения Приамурья. Понимая важность этих заметок, Барсуков поместил

их в специальной главе [381—405], осуществив их первую публикацию. «Мы имеем в подлиннике черновую тетрадь Иннокентия с его планами и набросками касательно Амура, — написал он, представляя читателям заметки. — Тетрадь эта собственноручно им писана, чрезвычайно мелко и со многими выносками и поправками карандашом, которые от времени стерлись, что всего не было никакой возможности разобрать» [376]. Главная цель занятия Амура, приобретения в наше владение такой огромной реки заключалась в том, чтобы яснее определить нашу границу с Китаем. Но эта цель совмещала в себе множество разных целей, частных и общих, отдаленных и ближних, которые обстоятельно и раскрывались Иннокентием. Выражаясь современным языком, заметки представляли проект «Амур», который рассматривал такие важнейшие вопросы, как ближайшие и отдаленные цели занятия русскими Амура, содержал соображения об удобстве реки для судоходства, а ее берегов — для заселения, предлагал решение проблемы, кем заселять и каким способом. Для владения Амуром необходимо укрепить устье реки, устроить гавани и порты, провести железную дорогу, иметь «тяжелый флот». Отметим отсутствие в записках каких-либо упоминаний о распространении православия и церковном строительстве.

Рассмотренные Иннокентием вопросы целиком находились в компетенции генерал-губернаторской власти, возможно, по этой причине свои соображения об освоении Приамурья автор оставил в черновом виде в своем архиве. Без всякой натяжки можно утверждать, что мысли святителя Иннокентия об освоении Приамурья во многом совпадали с планом Н.Н. Муравьева о преобразовании Приамурья, которым, кстати, предусматривалось и учреждение архиепископской кафедры новой Амурской епархии. В святителе Иннокентии Муравьев видел Амурского митрополита. Однако император Александр II это предложение отверг.

Решение вопросов о благоустройстве епархии целиком зависело от Синода, куда святитель был вызван и находился в Петербурге с августа 1857 года по январь 1858 года. К этому времени у него сформировались твердые представления о необходимости реформирования Православной церкви, по-

тому что в управлении Синода он видел засилье светской бюрократии и умаление роли церковных архиереев. Святитель представил членам Синода свои выстраданные соображения об улучшении духовного образования юношества в семинариях. Далеко не все предложения Камчатского архиепископа в Синоде встретили с пониманием и интересом. Тем не менее ему удалось добиться решения об учреждении двух викариатств (викарии — помощники архиепископа) в Якутске и Новоархангельске и переносе кафедры Камчатской епархии из Якутска на Амур. Эти решения должны были значительно улучшить управление огромной Камчатской епархией.

Добравшись до Иркутска в марте 1858 года, Иннокентий остановился в резиденции генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. Вместе они обсудили вопросы предстоящих дипломатических переговоров с Китаем о возвращении левобережья Амура России. Потом по договоренности в апреле они встретились в Сретенске, откуда Н.Н. Муравьев и Иннокентий на особых баржах с двумя вооруженными катерами поплыли по реке для переговоров с китайской стороной о разграничении Амура.

Вопреки пессимистическим прогнозам в Петербурге, переговоры Муравьева с князем И Шанем, уполномоченным Дайцинского правительства, оказались сравнительно короткими и успешными. 16 мая 1858 года под текстом трактата, названным Айгунским договором, свои подписи поставили генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и главнокомандующий И Шань. Левый берег Амура признавался российским, правый берег вниз по течению до впадения реки Уссури в Амур — владением Дайцинского государства. В честь знаменательного события Усть-Зейский пост по предложению Муравьева переименовали в Благовещенск в память о начале службы владыки Иннокентия в иркутском храме Благовещения. В Благовещенске 18 мая преосвященный Иннокентий в присутствии Н.Н. Муравьева провел молебствование о радостном и великом событии, после которого владыка обратился к генерал-губернатору с замечательной речью и начал ее словами: «Наконец Господь помог вам совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог наш,

вложивший в сердце Монарха нашего такую мысль и избравший тебя, богоизбранный муж, в орудие такого великого дела и укреплявший и укрепляющий тебя своею славою». В конце же он сказал: «...Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда, никогда не забудет тебя наша Православная Церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмов; а ты, богоизбранный муж, открыл возможность, надежды и виды к устройению тысячи храмов в сем неизмеримом бассейне Амура» [423].

Завершив торжества, Муравьев и Иннокентий поплыли к устью Амура, основывая новые поселения, одним из которых стала Хабаровка, которую по благословению владыки Иннокентия освятил священник из Благовещенска А. Сизой, предвещаая ей большое и счастливое будущее. В низовьях Амура архиепископ освятил четыре первых амурских церкви, а также освятил место для строительства храма во имя святой Софии, на котором позже возникло поселение Софийск. Но впереди святителя ждало печальное известие. Вернувшись по Охотскому тракту в Якутск, он обнаружил, что в монастыре, где он жил, случился пожар, сгорели его настоятельские кельи со всеми вещами, книгами, архивами и деловыми бумагами.

По прежнему владыка Иннокентий вел обширную переписку. В это время его любимым адресатом стал чиновник особых поручений по дипломатической части при генерал-губернаторе Н.Д. Свербеев, которого он считал очень полезным человеком для восточно-сибирской окраины. В книге приведено письмо архиепископа Н.Д. Свербееву, написанное в несвойственно резком тоне. «Узнав, что вы оставляете Сибирь, не на шутку огорчился. Несчастливая Сибирь! Видно, в нее приезжают из России и самые лучшие люди только для того, чтобы учиться, и, следовательно, от них остаются памятны только их ошибки, совершенно неизбежные до приобретения опытности. Так и вы. Вам бы только что следовало вступить в настоящую службу для блага Сибири с приобретенным вами опытом, но вы уезжаете. На место ваше, конечно, поступит опять неопытный, так же будет учиться и, следовательно, ошибаться. А потом так же — хвост

покажет» [379]. В Восточной Сибири не только церковь испытывала острый недостаток «деятелей», но и государственное управление.

Знаменательным событием и для епархии, и для всей Русской православной церкви, и для истории российской культуры стало создание письменности якутского, тунгусского народов, перевод на эти языки священных книг. В древнем Якутске в Троицком соборе 19 июля 1859 года святитель Иннокентий впервые совершил богослужение на якутском языке. Первые звуки якутского языка, на котором шло богослужение, казались удивительными для якутов. Это до того тронуло их, что Иннокентию была внесена покорнейшая просьба, чтобы 19 июля навсегда стало праздничным днем, так как в этот день якуты впервые услышали Божественное слово в храме на своем родном языке. Вскоре пришло известие из Синода о переносе резиденции Камчатского архиепископа в Благовещенск, и Иннокентий задумал построить там храм и архиерейский дом.

В январе 1860 года преосвященный Иннокентий представил в Синод отчет о состоянии Камчатской епархии, в которой уже действовало 11 миссий (3 в Америке и 8 в Азии, в том числе 2 на Амуре и 2 в Якутске). В епархии насчитывалось 72 церкви и до 130 часовен и молитвенных домов. Только в 1859 году в Приамурье открыли пять приходов [466].

В 1861 году Н.Н. Муравьев-Амурский закончил свой «век» на Амуре. Получив отставку без предложения нового поста службы, он навсегда покинул Восточную Сибирь, а затем и Петербург, поселившись во Франции, на родине супруги Екатерины Николаевны.

Муравьевское дело на Амуре успешно продолжал его единомышленник и ближайший сподвижник М.С. Корсаков. И при нем архиепископ Иннокентий по прежнему ретиво вел богоугодное служение в Приамурье, на Камчатке, в Якутске, Приморье и в Уссурийском крае. Осенью 1861 года владыка побывал в Японии на Хакодате, где встретился с молодым миссионером отцом Николаем. Опытному и начинающему миссионерам было о чем побеседовать. Через год архиепископ из Якутска перебрался на постоянное жительство в Бла-

говещенск, поселился в только что отстроенном архиерейском доме, расположенном в красивом месте впадения Зеи в Амур.

Вхождение левобережья Амура в состав России положило начало заселению его казаками и крестьянами из Сибири. На берегах Амура стали возникать станицы и села. В деятельности архиепископа Иннокентия приоритетной стала забота о строительстве церквей, о создании для новоселов условий для удовлетворения их религиозных потребностей — крещения детей, венчания новобрачных, празднования православных праздников и другое. Вопросы о количестве и месте расположения церквей он согласовывал с местной властью. Средства на их строительство по просьбе владыки выделял Синод, а строили в основном военные. Самим поселенцам под силу было возведение только деревянных часовен. На службу в новые обители архиепископ стремился привлекать выпускников Иркутской духовной семинарии. Первым священником Верховья Приамурья стал ее выпускник А.П. Сизой. Вопрос о священнослужителях являлся для епархии острым. Святитель нередко с сожалением повторял: «Жатвы много, а делателей мало».

У святителя на Амуре имелась «именная станица Иннокентьевская», основанная в 1857 году и названная Н.Н. Муравьевым в честь Камчатского архиепископа. Во время плаванья по Амуру в 1863 году он воздвиг в ней престол и на другой день осветил ее во имя Воскресения Христова. В этот же раз он осветил и новую церковь в станице Екатерино-Никольской — самом большом селении на Амуре, названном в честь супруги генерал-губернатора Екатерины Николаевны. Знакомый с ней лично, Иннокентий в письмах Муравьеву непременно просил передать Екатерине Николаевне его сердечный привет.

По пути следования по Амуру святитель останавливался в селах и станицах, встречался с жителями, осматривал построенные церкви и часовни, отправлял молебны и требы, фиксировал просьбы прихожан с тем, чтобы помочь их удовлетворить. По свидетельству епископа П.В. Громова, престолы едва ли не всех освященных Иннокентием церквей в

епархии были сделаны его руками. К освящению храма «он приезжал на место за сутки назначенного для сего торжества дня и проводил день с топором в руках, а потом уже освящал церковь» [735]. В эту поездку святителю удалось провести миссионерскую встречу и беседу с гольдами. В обратный путь плыли против течения на катере, который находился на буксире парохода. Шли дожди, Амур сильно разлился, высоко поднимавшиеся волны напомнили святителю морской шторм. Целых 75 дней продолжалось опасное путешествие, благополучно завершившееся в Благовещенске.

Поступивший в распоряжение Иннокентия катер сделал плавание по Амуру не таким опасным и неудобным, как прежде на алеутских байдарках. Но на Амуре, могучей и своенравной реке, всякое могло случиться. По словам А. Сизого, «искусный кормчий Камчатской церкви, преосвященный Иннокентий, был искусным кормчим и на воде; сам лично распоряжался во время плавания ходом своей ладьи, управлял рулем и парусом и следил за фарватером, глубиной и шириной бассейна вод амурских» [566]. Из Благовещенска архиепископ ежегодно совершал плавание по Амуру, заходил и на реку Уссури, где уже находилось 26 казачьих станиц. Не пропускал ни одного селения, иногда совершая богослужения под открытым небом. При каждой встрече отец Иннокентий учил прихожан не только молитвам, но и трудовым навыкам, предлагал советы по земледелию, садоводству, пчеловодству, разведению скота.

Святитель взял на себя заботу о приобретении для новых церквей икон и необходимой утвари, о создании церковного благолепия, что в условиях Приамурья являлось чрезвычайно трудным делом. В книге приведены письма святителя Иннокентия разных лет, адресованные московскому первой гильдии купцу Г.М. Корнилову, владельцу ювелирного магазина, ставшему бескорыстным комиссионером и доверенным лицом Камчатского архиерея. То он просит приобрести и выслать пять тысяч медных крестиков («чтобы изображения на них были нехуды»), пятьсот крестиков серебряных и сто позолоченных, то в соответствии с большим реестром отправить богослужебные книги и церковную утварь — све-

тильники, лампы, кадило, кропило, потиры и так далее. В 1863 году, когда был сделан большой заказ для приамурских церквей, Иннокентий послал доверенному лицу свой золотой наперсный крест для обращения его в деньги, которые предназначались для приобретения новой партии церковной утвари. Выделяемого Синодом финансирования не хватало, и святитель не раз отправлял на эти цели в Москву личные средства.

Для обеспечения новых храмов церковной утварью использовался еще один канал — сбор пожертвований в Петербурге и Москве. С этой целью по поручению архиепископа в 1865 году в Москву и Петербург отправился протоиерей Гавриил Иванович Вениаминов. Экспедиция его оказалась удачной: было собрано 3,3 тысячи рублей и множество ценной церковной утвари. Синод передал важные богослужебные книги. В письмах святитель благодарил митрополита Филарета за его дорогой дар — мантию и воздухи (большой матерчатый плат, которым покрываются святые дары в алтаре), а баронессу Е.С. Дёлер — за ценные вещи для храмов.

При всем старании архиепископа темпы возведения церквей отставали от темпов возникновения новых сел и станиц. Вследствие чего архиепископ разрешил отправлять литургии в часовнях, построенных казаками и крестьянами. Для устройства в них, по словам Иннокентия, «иконостасиков» («о настоящих иконостасах, — писал он, — нам теперь и думать нечего») он предложил наклеивать бумажные иконы на доски и использовать их как иконы. Комиссионер Корнилов получил заказ купить и прислать в Благовещенск 600 бумажных хромофотографических икон с изображением Спасителя, Божьей матери, святого Николая и других святых. Для новопоселенцев церковь являлась символом России и важной духовной опорой в жизни, помогавшей им укорениться на новых землях.

Камчатской епархии в 1865 году исполнилось уже 25 лет существования. Среди российских православных епархий она являлась одной из молодых, уникальной по размерам своей территории, по географии, по составу населения. Расположенная на двух континентах — Северной Америки и

Памятник святителю Иннокентию (Вениаминову) в Благовещенске

Северо-Восточной Азии, она включала Аляску, Алеутские острова, Чукотку, Камчатку, Охотское побережье, Курильские и Командорские острова, Приамурье, Уссурийский край, огромную Якутию. Земли эти населяли представители многочисленных народов, каждый из которых имел своеобразный язык, нравы, занятия, обряды, историю. К этому времени в епархии действовало 11 духовных миссий, которые во многом руководствовались теми принципами и методами приобщения иноверцев к православию, которые выработал отец Иннокентий. Благодаря миссионерам часть иноверцев познала дорогу к Всевышнему, что сопровождалось отказом их от варварских обычаев предков. Однако поле деятельности для миссионеров оставалось еще огромным. Переводы богословских книг на языки некоторых народов помогали миссионерам успешнее приобщать их к православной вере. Действовало несколько духовных училищ, семинарий и мно-

жество церковных школ. При святителе Иннокентии в Приамурье и Уссурийском крае возникло 33 храма, в которые он вдохнул божественную благодать и молитвенную силу. Паства епархии год от года увеличивалась. Уникальную епархию 25 лет возглавлял и необыкновенный духовный пастырь — святитель Иннокентий, четверть века ее окормлявший. Русская православная церковь во второй половине XIX века — начале XX века в лице Иннокентия Вениаминова имела выдающегося подвижника веры Христовой, продолжателя святого дела первых апостолов. Осуществленное при нем и с его энергичным непосредственным участием широкое возведение церквей на вновь приобретенных Россией приамурских и приморских землях во многом способствовало их заселению и освоению. Своеобразным признанием миссионерских и епархиальных заслуг Камчатского архиепископа Иннокентия стал именной высочайший указ о включении его в состав членов высшего органа управления русской православной церкви — Святейшего Синода, обер-прокурором которого в это время являлся граф, сенатор Д.А. Толстой.

Вернувшись в Благовещенск из очередного амурского плавания, Иннокентий в начале августа 1867 года получил письмо Главного управления РАК «Об уступке колоний Соединенным Штатам». В нем говорилось, что компания прекращает свои действия в Америке и, следовательно, и свое существование. Православной церкви и духовенству в бывших колониях предоставлены все права, но на чей счет они будут содержаться, было неизвестно. От полученного известия преосвященный Иннокентий пережил душевное потрясение. Его мучил вопрос: что же станет с юной православной церковью, основанной и устроенной его миссионерскими трудами? Она имела малую силу и требовала еще усиленного действия для утверждения, охранения и распространения веры Христовой. Паства же ее была скудна для того, чтобы удерживать духовенство без посторонней помощи. Служба духовенства трудна и требует великого самоотвержения.

В письме обер-прокурору Синода графу Д.А. Толстому Иннокентий покорнейше просил сделать распоряжение о том, чтобы наше американское духовенство не осталось без

окладов. Он спрашивал, на каком положении должны существовать наши православные церкви и духовенство по передаче наших колоний во владение Соединенных Штатов?

И.П. Барсуков посчитал необходимым поместить в книге записку русского посланника в Вашингтоне господина Стекля «Об уступке Соединенным Штатам русских колоний в Америке» [645—653], которую он обнаружил в архиве митрополита. Возможно, благодаря ей владыка узнал полную аргументацию отказа России от своих владений в Северной Америке. В записке говорилось, что Россия являлась единственной европейской державой, владевшей колониями на американском континенте, что обширная территория, которой она владеет на Востоке, составляет не силу, а ее слабость. Наши прибрежья начинались от Японии, простирались по всей северной Азии до Берингова пролива и переходили оттуда по Американскому континенту до 54 градуса северной широты, раскинувшись на многие тысячи миль в длину. Был поставлен вопрос: возможно ли было охранять берега на таком огромном расстоянии и так далеко лежащие от центра империи? Другое дело, говорилось в записке, наша Приамурская область, в особенности ее южные части. Вот где следует сосредоточить наши средства и нашу деятельность. Соседство Японии и Китая обещает выгодную торговлю. Вот здесь должно основываться наше могущество на Тихом океане, утверждалось в письме.

Душевные переживания святителя усиливались тем, что он собрался уйти на покой, о чем сообщил в письме митрополиту Московскому Филарету еще в декабре 1866 года. Он писал, что здоровье его довольно удовлетворительно, он не чувствует немощей и старческих припадков, но зрение ослабевает. При этом сослался на свою природу («у меня дед и старшая сестра в мои годы были слепы»). Пожелания Иннокентия весьма скромны и сводились к тому, чтобы «вблизи себя иметь кроме храма способы врачевания и сына моего с семейством и удобство к воспитанию внуков». Он заботился о месте службы сына Гавриила Ивановича, а для себя — «почел себя весьма довольным, если бы мог получить где-либо келью при храме», а для содержания довольствовался бы одной пенсией по ордену святого Александра Невского.

В 1867 году архиепископу Камчатскому исполнилось 70 лет, в связи с чем он был награжден императором Александром II орденом святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени. В императорском рескрипте, в частности, говорилось: «С истинно апостольскою ревностью и высоким самоотвержением продолжаете Вы, невзирая на ослабевающие силы, великий подвиг насаждения и утверждения Христовой веры среди разноплеменной паствы и с помощью Божьей видимо преуспеваете в сем трудном служении». Орден равноапостольного князя Владимира особо высоко ценился среди высшего духовенства, и святитель Иннокентий стал едва ли не первым среди священнослужителей, удостоенных этой награды.

Как огромную личную потерю воспринял Камчатский архиепископ пришедшее с опозданием в Благовещенск известие о кончине 19 ноября 1867 года Московского митрополита Филарета, почти столетия правившего московской епархией и пользовавшегося огромным авторитетом среди православных. О митрополите писали как о великой нравственной и общественной силе, порожденной мощью личного духа. «Угас светильник, столетия светивший на всю Россию», — эти слова И.С. Аксакова передавали скорбные чувства всех православных россиян.

Многие в Петербурге и Москве задавались вопросом — кто может после Филарета занять это место. Называли имена преосвященного Леонида и ярославского архиепископа Нила. Имя нового митрополита Московского и Коломенского стало известно 5 января 1868 года. Им стал Иннокентий Вениаминов, архиепископ Камчатский. Это известие для духовенства, особенно петербургского и московского, явилось словно гром небесный в солнечный зимний день. Узнав о своей новой ипостаси, Иннокентий долго молился. В том, как складывались обстоятельства жизни, он усматривал волю Божию. И на сей раз в назначении на Московскую митрополию кафедру он увидел волю провидения.

Как стало возможным назначение на высший пост в Русской православной церкви хотя и заслуженного миссионера, но не имевшего связей в столичных кругах аристократии,

высшей бюрократии и церковных иерархов? К тому же Иннокентий не обладал высшим богословским образованием. Этот вопрос И.П. Барсуков в книге не ставил, он лишь подчеркнул особую роль в назначении Иннокентия митрополитом русского духовного писателя и государственного деятеля Андрея Николаевича Муравьева, родственника Н.Н. Муравьева-Амурского, много лет поддерживавшего святителя в его миссионерском служении.

Впервые в отечественной историографии обстоятельства назначения архиепископа Иннокентия на московскую митрополию кафедру раскрываются в монографии И.А. Курляндского. Несмотря на службу в самом отдаленном от центра крае, имя Иннокентия, благодаря его книге и статьям, было известно и в церковных, и в светских кругах. Для синодальной бюрократии святитель в силу своих личных качеств являлся фигурой предпочтительной и удобной. К тому же автор связывает это назначение со стремлением светской власти основать в империи централизованную структуру, занимающуюся миссионерским движением. Думается, что существовало еще одно важное, может быть, решающее обстоятельство — это симпатия императора Александра II к Иннокентию. Она возникла еще у 22-летнего великого князя под впечатлением его удивительных рассказов об Аляске и его миссионерского служения. Поэтому, несмотря на имевшиеся другие вполне достойные кандидатуры, митрополитом был назначен 70-летний Камчатский архиепископ Иннокентий Вениаминов.

Тепло простившись с паствой и жителями города Благовещенска, подарив им храм и архиерейский дом, владыка отправился в дальний путь в Москву. Этому в книге посвящена целая глава, названная «Шествие вновь назначенного митрополита Московского из Благовещенска в Москву». В Иркутске в Градо-Благовещенском соборе, в котором начался его пастырский путь, святитель провел литургию в присутствии массы горожан, среди которых были и те, кто помнил его юным. Конечно, он побывал и в Анге, где простился с могилами родных. По дороге священнослужители встречали святителя Иннокентия как митрополита торжественно, с особыми почестями.

Итак, в январе 1868 года архиепископ Камчатский Иннокентий Вениаминов поднялся на новую, высшую ступень своего пастырского служения Богу небесному и Богу земному, стал первым епископом — Святителем города Москвы. Традиционно Московская епархия занимала особое место среди других русских епархий, претендуя на всероссийскую значимость.

Митрополит. Встреча в Москве, православной столице России, нового митрополита Иннокентия Вениаминова — пришельца из далекого, неведомого края — в книге описана подробно и красочно. И.П. Барсукову довелось быть участником этого торжества. «Живо помнится нам тот прекрасный майский день, в который Москва при колокольном звоне и большом стечении столичного духовенства и народа встречала своего митрополита», — вспоминал он. Для большинства встречавших святитель Иннокентий являлся неизвестной личностью, что усилило притяжение к нему москвичей. Его речь в Успенском соборе Кремля, до отказа заполненного лицами духовного сословия и прихожанами, была проникнута смирением и глубоким поклонением к почившему в Бозе митрополиту Филарету. Необычность ее заключалась в том, что в ней владыка поделился переживаемыми им сомнениями, говорил о своих «недостойствах». «Кто мой предшественник и кто я? — вопрошал он. — Всякое сравнение не в мою пользу, а некоторые даже против меня». Он признался, что, понимая всю высоту и трудность нового служения, у него даже возникло желание уклониться от него, имея при том и видимую к тому причину (очевидно, слабость зрения. — *Н.Д.*). «Но кто я, чтобы мне противиться Богу — Царю Небесному?.. Кто я, чтобы противиться Царю Земному?.. Нет, сказал я себе, пусть будет со мною, что угодно Господу: иду, куда повелено! И вот я пришел! Итак, благослови, Господи, меня приняться за дело» [594]. Обратившись к присутствующим в храме, архиепископ призвал возгласить ектению об упокоении усопшего святителя Филарета, своего предшественника. «Народу в храме была такая масса, что нельзя было перекреститься, — свидетельствовал Барсуков. Благоговейное служение как

Успенский собор Кремля

бы приковало всех к месту. Многие плакали». В цитируемой автором статье газеты «Московские Ведомости» благожелательно описано представление нового митрополита и восприятие его москвичами. Признавая, что служение великого предшественника было чрезвычайным, тем не менее народ столицы воспринял нового пастыря как ангела церкви, своим непосредственным чувством он понял его великое право на Московскую кафедру.

Будучи участником первой литургии святителя в домово́й церкви Троицкого подворья, Барсуков подчеркнул, что благоговейное служение митрополита произвело на всех молящихся «какое-то невыразимо-трогательное впечатление. Когда владыка опу́стился на колени и со слезами на глазах стал в тайне молитвы призывать Святого Духа, глядя на него в эту минуту, не было возможности и самому удержаться от слез» [596].

Традиционно митрополит Иннокентий совершил поездку в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, где совершил литургию при мощах преподобного Сергия Радонежского,

познакомился с наместником Лавры, ректором Академии и другими церковными иерархами. Владыка поселился в московском Троицком подворье вместе с семьей сына Гавриила Ивановича.

Опираясь на собственные наблюдения, а также свидетельства епископа Чудова монастыря Саввы, духовника митрополита, Барсуков описал внешний облик семидесятилетнего Иннокентия и его образ жизни. Ростом он был высок, довольно полный, но вследствие долгой привычки к жизни деятельной живой и легкий в своих движениях. Лицо его было приятное, благообразное, спокойно-величественное. Как все движения, так и разговор Иннокентия отличались безыскусственной, совершенно первобытной простотой, приветливостью и добродушием. Смеялся он весьма громко и искренно, нисколько никем не стеснясь. Вообще о нем можно сказать, что он остался до конца своей жизни таким, каким был прежде, каковым привык быть. «Нимало не ставя себя в зависимость от своего нового высокого положения и не стараясь казаться важнее, сдержаннее и суровее. Может быть в этом-то, — как предполагал Барсуков, — и выразилось сознание и чувство собственного своего достоинства» [605].

Владыка ложился спать аккуратно в 10 часов вечера, а вставал в 4 часа утра. Посетителей принимал всех званий и сословий, бедных и богатых без исключения с 9 часов утра до 3 часов пополудни и потом с 6 до 10 вечера и никогда по этому поводу не роптал. В течение недели бедных приходило до 300 человек, на милости которым в продолжении года выходило до 10 тысяч рублей из личных средств митрополита. По вечерам владыке читали разные газеты или его внучата, или его сын протоиерей Гавриил Иванович. Когда же приходил к внукам репетитор, то владыка присутствовал на уроке, удивляя учителя своими обширными знаниями математических наук, в особенности астрономии. Святитель Иннокентий любил общество и оживленную беседу. Теперь он ездил в карете, к которой не сразу привык. Признавая удобство и покойствие такой поездки, тем не менее ему казалось, что она его расслабляет и связывает. «То ли дело как бывало на Камчатке... пройдешь несколько верст пешком, да еще в пургу, —

с каким удовольствием сядешь потом в нарту и полетишь на собаках». Воспоминания о Камчатке всегда грели его душу.

Знакомство с делами метрополии Иннокентий начал с посещения Московской духовной семинарии, где побывал на экзамене, осмотрел библиотеку, больницу, столовую, спальни воспитанников. Конечно, условия обучения и воспитания семинаристов здесь отличались от убогих провинциальных семинарий, одну из которых он окончил более сорока лет назад в Иркутске. Училищные уставы и методы обучения будущих духовных пастырей, по его мнению, нуждались в совершенствовании. В Свято-Троицкой Сергиевой лавре митрополит осветил церковь во имя праведного Филарета, а также принял участие в торжественном открытии железной дороги от Посада до Ярославля и посетил ряд монастырей. Знакомясь во время поездок с клиром и прихожанами, он обратил внимание, что население беднеет, нищета умножается, сельское духовенство еле-еле сводит концы с концами. В свободные от своих занятий часы владыка находил время посещать своих добрых знакомых, бывал у Шереметевых, Свербеевых, не забыл и своего почетного комиссионера Г.М. Корнилова.

Впервые за свои труды в области этнографии, лингвистики и географии владыка Иннокентий получил общероссийское признание. Он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, почетным членом Императорского Русского географического общества, а также почетным членом Императорского Московского университета. За шестимесячное пребывание в Москве святитель объездил всю свою епархию и осмотрел большинство духовно-учебных заведений и монастырей.

Убежденный, что будущее нравственное направление человека и его развитие как христианина, семьянина и гражданина определяется первоначальным образованием, он прежде всего этим и озаботился. Находясь в Петербурге по делам Синода, он изложил свои мысли о воспитании в особой записке, основу которой составила записка на эту же тему, написанная святителем более 13 лет назад. Тогда он не получил на нее отклика из Синода. Теперь в новом вари-

анте он скорректировал некоторые положения, усилив доказательства необходимости образования народа, который остается совершенно без всякого учения и назидания. «Нынешние училища, не исключая самых высших, — сожалел митрополит, — просвещают только ум, а не ум и сердце вместе...» [625]. В записке он давал ответы на такие важные вопросы: Как и кто должен учить детей? Кого или каких детей учить? Чему и как учить? Где и когда учить? Автор доказывал необходимость повышения роли церкви в обучении детей, предлагал ввести воскресные беседы священнослужителей с детьми. Особо актуальными эти идеи являлись для сельских священников и церковных служителей, принимавших непосредственное участие в народном образовании. Заметим, что вплоть до 1917 года в России не государство, а именно церковь с ее церковно-приходскими школами давала азы грамотности крестьянским детям.

Владыка написал записку «Об общежитии монастырей», которая впервые была опубликована Барсуковым в книге. Видя в монашестве существенное свойство православия, владыка полемизировал с теми, кто, ссылаясь на ослабление монашества, предлагал ликвидировать монастыри и разогнать монашествующих. Соглашаясь с тем, что монашество ослабло, что его нужно исправлять и укреплять, митрополит вопрошал: «Кто скажет мне, что ослабевшее монашество уничтожить должно, тому я скажу: не нужно ли, по вашему мнению, и ослабевшее христианство уничтожить?» [609]. Он ратовал за повсеместное введение общежительного устава в мужских монастырях. Обе записки митрополит представил в Синод.

При встрече в Петербурге с императором Александром II митрополит Иннокентий, по его словам, «высказал ему все, что у меня лежало на сердце», в том числе и о Соборе, на что государь сказал: «Дело это очень серьезное, дайте мне подумать» [636]. Действительно, митрополит поставил перед императором фундаментальную проблему российской православной церкви — о коренном изменении ее положения в Российской империи. Еще будучи архиепископом Камчатской епархии он с огорчением наблюдал за тем, как мед-

ленно, поверхностно в Синоде принимались решения по его обращениям, как бедствовало духовенство не только в Восточной Сибири, но и в Московской епархии, как падал авторитет духовных иерархов в российском обществе. Причину этого он видел в синодальном устройстве Русской православной церкви, введенном в начале XVIII века императором Петром Первым. Отказ тогда от патриаршества, передача руководства русской церковью гражданскому органу Синоду во главе с обер-прокурором, по мнению святителя Иннокентия, ослабили роль церкви в российском обществе. Он скорбел о том, что церковь не имела самостоятельности, что у членов Синода «подвязаны крылья». Осуществленная обер-прокурором Н.А. Протасовым реформа структуры (1836—1855) Синода превратила его в подобие министерства и исполнительного органа, постановления которого утверждал или не утверждал император. Вынашиваемая святителем Иннокентием идея введения древнего соборного устройства Русской православной церкви, а также идея реформирования Синода не нашли поддержки. Если в первый год служения в Москве, по свидетельству викария Леонида, тема соборности церкви не сходила с уст митрополита и являлась постоянной темой бесед, то затем он все реже и реже ее затрагивал. В книге Барсуков лишь слегка коснулся этой серьезной проблемы. Возможно, он сознательно не стал в нее углубляться, поскольку она оставалась злободневной проблемой Русской православной церкви.

Ежегодно на зимние месяцы владыка уезжал в Петербург на заседания Синода. Он не любил столицу и часто говаривал: «Петербург — не что иное, как кузница, где или обожжешься, или выпачкаешься». Очевидно, ему нередко приходилось в Синоде и обжигаться, и пачкаться. Вместе с тем работа в Синоде позволяла митрополиту в какой-то мере совершенствовать церковную структуру не только в Московской епархии, но и в Сибири и на Дальнем Востоке, помогать клиру в решении духовных и материальных задач.

С первых дней своего многолетнего служения он неуклонно придерживался апостольских заповедей. «Он являлся всюду, где можно и полезно быть, принимал личное участие

во всем, в чем можно и нужно принимать участие пастырю церкви. Всякий, имевший в нем нужду, безбоязненно приходил к нему в полной уверенности встретить у него добрый, радушный прием, сочувствие к горю и полную готовность оказать возможную помощь и словом, и делом» [612]. В назначенные дни и часы викарии докладывали митрополиту о положении дел в епархии, а он в зависимости от важности их или писал резолюцию, или ограничивался словесными распоряжениями. Во время нахождения в Петербурге связь с викариями осуществлялась по почте. Митрополит Иннокентий регулярно совершал богослужения в церквях и монастырях епархии, при посещении Москвы императором совершал литургию в Успенском соборе Кремля. При открытии храмов и приделов владыка лично их освещал. По его предложению и проекту в церкви Троицкого подворья был построен новый придел во имя чудотворной иконы Иверской Божьей Матери, который был богато отделан и освещен Иннокентием 17 сентября 1875 года.

Святитель близко принимал к сердцу и старался облегчить нужды местного духовенства, особенно сельского, живущего в глухих захолустьях, наиболее нуждавшегося в поддержке и защите. По его инициативе был решен вопрос о приобретении домов духовенства в собственность церквей, у клира появились удобные помещения, благоустраивались духовные учебные заведения, основан капитал для пособия бедным духовного звания и происхождения, не имевшим право на пособие ни от казны, ни от попечительства. Правила для получения пособия из этого капитала владыка написал сам. И они были утверждены Синодом. Особую заботу Иннокентий проявлял о детях из семей духовного сословия. Для девушек открываются община сестер милосердия и епархиальное женское училище, а для юношей — Московское епархиальное училище иконописания. Для призрения бедных из духовных семейств и одиноких беспомощных лиц при содействии святителя была устроена Островская обитель. При открытии обители все выступавшие в один голос благодарили митрополита, а он в ответ им сказал: «Напрасно приписываете мне более, нежели сколько я сделал. Вы говорите, что я устроил, что я учредил: это не совсем верно.

Мне принадлежит начинание, но чтобы мог я сделать, ежели бы не имели деятелей, не имели сотрудников, которые бы мне способствовали? И так не говорите, что я устроил богадельню, что я ее открыл, а скажите лучше, что она открыта при мне, что было это сделано в мое время, — и это будет верно» [720]. При поддержке и помощи митрополита для прихожан открывались больницы, богадельни, учреждались приходские общества и попечительства. Близкую ему культурно-просветительскую деятельность он осуществлял в Обществе любителей духовного просвещения.

Среди трудов многосложного управления Московской епархией владыка Иннокентий продолжал свое миссионерское служение. Ему выпало счастливое дело создавать Православное миссионерское общество. По поручению Синода самый знаменитый и опытный миссионер России разработал его устав, в котором закреплялись принципы и методы миссионерства, добытые многолетним подвижническим трудом. Находившееся под покровительством императрицы Православное миссионерское общество (ПМО) подчинялось Синоду, а его Совет находился в Москве. Возглавлял Совет Московский митрополит. В книге подробно описаны открытие миссионерского общества 25 января 1870 года, его ежегодные собрания, на которых отмечался рост числа миссионеров среди купцов, промышленников, аристократии, писателей и ученых и т. д. С самого начала Общество имело крепкую финансовую поддержку, которая год от года увеличивалась и создавала возможность поддерживать миссионерское служение в регионах. Выступая в 1872 году на собрании членов общества, владыка сообщил, что в 19 епархиях образовались отделения ПМО, есть возможность назначить более 24 тыс. рублей пособий на места, особенно в Сибирь и Амурскую область. Митрополит считал, что миссионерское дело может получить удовлетворительное развитие только тогда, когда станет предметом внимания всего православного народа. По его предложению решением Синода с 1873 года ежегодно в Неделю православия во всех храмах читались проповеди о миссионерском подвижничестве.

Преосвященные в епархиях, где имелись миссии, жа-

ловались, что в миссионеры нередко принимались лица без предварительного испытания и приготовления, не способные к пастырскому служению. По ходатайству владыки Синод разрешил приспособить к миссионерскому делу московский Покровский монастырь, который стал первой миссионерской обителью с библиотекой, архивом, переводческим и издательским отделами. Благодаря усилиям владыки Иннокентия миссионерство получило «прочные организационные основы и финансовые ресурсы», приобрело общероссийский статус. В рескрипте по случаю награждения Московского митрополита Иннокентия в 1872 году орденом святого апостола Андрея Первозванного говорилось: «...На посту председателя Совета миссионерского общества Вы не перестаете благотворно служить святому делу насаждения и распространения веры Христовой между неозаренными светом учения евангельского инородческими племенами Империи, опытным руководством вашим направляя деятельность общества к наилучшему достижению благих его целей» [724].

С участием митрополита под попечение общества была отдана Российская духовная миссия в Японии, у истоков которой он и стоял. Школа миссионерского служения святителя Иннокентия стала залогом успешности подвижнической деятельности архиепископа Японского Николая (1836—1912), выдающегося миссионера, переводчика священных текстов на японский язык. Хлопоты митрополита о создании в Японии архиерейской кафедры в конце концов увенчались успехом.

В книге большое место отведено взаимодействию владыки с церковью в Северной Америке. По его ходатайству в 1870 году открылась самостоятельная Алеутско-Аляскинская епархия с кафедрой в Сан-Франциско. Посчастливилось святителю увидеть плоды посеянных им семян в неокрапленное евангельским светом скудное языческое поле. Настоящей сенсацией стало прибытие в Москву нескольких алеутов с острова Уналашка единственно за тем, чтобы «полюбоваться на своего просветителя и выразить признательность от своих собратьев» [698]. Такое приветствие излюбленных Иннокентием алеутов тронуло его до слез, он каждого поцеловал и собственно для них в своем подворье совершил торжествен-

ную литургию. Дорогие гости присутствовали на богослужениях в нескольких соборах Кремля. С благоговением и смирением стояли они на молебнах, не спуская взоров со своего первого просветителя евангельским светом.

Митрополит не переставал получать сведения из Америки о религиозно-нравственном положении жителей на островах Тихого океана. Российский посланник в Вашингтоне К. Катакази писал митрополиту, что в его распоряжении находилась записка о положении православных жителей на островах Уналашка, Св. Павла и Св. Георгия. «Как православный и как русский, — писал он, — я душевно радуюсь свидетельству очевидца о том, что православное религиозное образование имело самое лучшее влияние на нравственное развитие жителей сих островов и сделало их истинными христианами». Такое мнение подтвердил и Американский конгресс при решении об административном преобразовании Аляскинской территории. Несколько депутатов укоряли правительство весьма основательно за то, что оно ничего еще не сделало для нравственного и материального блага сего края. Один из них сказал: «Не так поступали Русское правительство и Русское духовенство: из дикарей они делали христиан, из невежд — образованных, они строили церкви, основывали школы, и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а из Санкт-Петербурга и Москвы. Православие — след русской цивилизации на Алеутском архипелаге, которым справедливо может гордиться русская национальность» [713]. Лестные отзывы о прошлой миссионерской деятельности и о религиозно-нравственном положении жителей островов Тихого океана умиротворяюще действовали на владыку.

Стало известно о первой публикации об апостольском служении святителя Иннокентия. В 1877 году в Лондоне на английском языке вышла брошюра, написанная священником Карлом Хейлом, бывшим секретарем Англо-Континентального общества, и посвященная миссионерскому служению святителя в Северной Америке [713]. Это сочинение из Балтимора митрополит получил по почте в Москве. По мысли И.П. Барсукова, оно интересно тем, что содержит

взгляд английского священника на миссионерскую деятельность православной церкви вообще и, в частности, одного из наиболее выдающихся деятелей православного миссионерства — митрополита Иннокентия.

В январе 1877 года исполнилось 10 лет с того времени, когда архиепископ Камчатский высочайшею волею получил назначение митрополитом Московским и Коломенским. Для поздравления владыки в Троицкое подворье собралось московское духовенство, которое поднесло юбиляру богато украшенную икону Иверской Божьей Матери. В приветственной речи протоиерей С.И. Зернов вспомнил, как десять лет назад московский клир и паства радостно, с всеобщим воодушевлением встретили знаменитого просветителя языческих племен Америки, Камчатки и Сибири. «Среди неутомимых трудов многосложного управления епархией, — обращаясь к митрополиту, сказал он, — ты не прерываешь и своего апостольского подвига в качестве вождя и руководителя миссионерской деятельности в русской церкви. Здесь твое служение имеет общецерковное значение. Сообщенным тобою устройством эта область церковно-русской жизни упрочена, можно сказать, навсегда» [759].

Признав, что все главные «общецерковные» инициативы Иннокентия, за исключением отданной ему «на откуп» сферы миссионерской, блокировались правительством, И.А. Курляндский пришел к выводу, что «его положение в последние десять лет жизни можно назвать трагическим». Однако, ни сам митрополит, ни Барсуков отказ правительства от предложений митрополита о реформировании управления православной церкви не называли трагическим. Покорявшийся неисповедимым судьбам Промысла Божьего, владыка мирился со своим положением. Недаром свои письма в Синод с предложениями по благоустройству епархии он нередко заканчивал такими словами: «Исполнятся мои предложения? Слава Богу! Не исполнятся — да будет Его святая воля! И слава Ему всегда и за все».

На основе личных наблюдений Барсуков раскрыл душевные переживания Иннокентия, связанные с усиливавшейся с каждым годом слепотой, невозможностью в полную силу

вести службу митрополита. К тому же до него доходили разговоры его недоброжелателей, ставивших упрек владыке, не уходившему на покой. Этот сюжет в книге дан деликатно и вместе с тем убедительно. После серьезных и печальных раздумий митрополит в 1872 году обратился к императору Александру II с вопросом: не надобно ли ему оставить кафедру по причине потухающего зрения. Государь изволил сказать: «Нет надобности. Дела не стоят на месте, а по епархии для обозрения могут ездить викарии». Это императорское решение в книге прокомментировано следующим образом: «Император, высоко ценивший полувековое его служение в отдаленной стороне и отлично знавший, что потерять такого крепкого подвижника веры легко, но найти подобно ему, готового с крестом в руках умереть за интересы православной церкви и Отечества, трудно, отклонил его просьбу и при этом выразил свою волю, чтобы митрополит Иннокентий оставался на московской кафедре до конца своей жизни» [731]. Но недоброжелатели Иннокентия все более и более «насмехались над его слепотой и над тем, что он еще не на покое», — читаем в книге. Владыка знал все это, но переносил спокойно. Однако он вознамерился в приезд государя в Москву в 1876 году вторично проситься у него на покой. Император «очень милостиво принял его и, так же как в первый раз, отклонил его просьбу. При этом сказал, чтобы он не беспокоился своею слепотою и оставался бы до последних дней своей жизни на московской кафедре и берег бы свое здоровье. Слова императора глубоко тронули владыку и вместе с тем успокоили и ободрили его, он повеселел» [748—749].

О том, что он ослепнет, Иннокентий знал давно и потерю зрения переносил стойко. Его личным секретарем и поводырем стал сын Гавриил Иванович. Митрополит с той же силой продолжал совершать богослужения. Имея превосходную память, он читал наизусть священное Евангелие, по-прежнему вдохновенно проводил литургии. Постороннему нельзя было догадаться, что владыка почти ослеп. Несмотря на участвовавшие недомогания, в обычное время с докладами приезжали викарии. По его словам, дела отвлекали от мысли о болезни, без них ему скучно. В январе 1878 года митрополит Иннокентий

в последний раз курьерским поездом отправился в Петербург для присутствия в Синоде. Предчувствуя близость своей кончины, он сделал распоряжение о пожертвовании церкви в селе Ангинское 6500 рублей, проценты с которых должны были идти на ремонт храма и на помощь причту.

Барсуков тепло описал последнюю свою встречу с владыкой. «Он сидел в своей стеклянной галерее на диване, опершись на руку, с грустным выражением лица; заметив это, мы через несколько минут стали прощаться, прося благословения и извиняясь, что, быть может, обеспокоили его нашим посещением. Владыка остановил нас и сказал: «Вы почему же думаете, что помешали мне? Разве потому, что я сижу таким хмурым? Да что прикажете делать — и желал бы казаться веселым, да не могу: слепота тяготит меня до нельзя, не привык я с детства сидеть сложа руки». При этом он коснулся насмешек над слепотою. «Вам известно, — говорил он, — что я не искал этого места, не интриговал. На то была воля царя. Также всем известно, что я дважды просился на покой и тут не угодно было Государю императору, следовательно, да будет во всем воля Господня, и я терпеливо переносу, уверяю вас, эти насмешки, без всякой злобы, ибо твердо убежден, что в руках Господа власть земли и потребного воздвигнет во время на ней. Все насмешки надо мною, быть может, и справедливы. Бог им судья. А вы, пожалуйста, не стесняйтесь моей хмуростью, заходите ко мне, я ведь не дикарь какой, а напротив я всегда любил и доселе люблю общество и беседы». И когда мы стали прощаться, он благословил нас и, вынув из-за пазухи образок св. Сергия, сказал: «Вот вам на память от 79-летнего старца. Молитесь сему великому угоднику Божьему» [749].

В книге подробно и с большим пиететом описаны последние дни и часы земной жизни владыки. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий почил в Бозе 31 марта 1879 года в 2 часа 45 минут по полуночи на 82-м году жизни. Опубликован подлинник духовного завещания усопшего, которое он из-за боязни полностью ослепнуть написал еще десять лет назад [675—676]. Завещание пронизано просьбой о прощении и чувствами смирения и скромно-

сти. «Прошу и умаяю не говорить никаких речей ни прежде, ни во время, ни после погребения, — завещал владыка. Если при тусклом свете Истины, коим я водился в жизни моей, мне тяжело было слышать похвальные речи и приветствия; то как я должен буду мучиться там, где Сама Истина, слыша похвалы не заслуженные». Святитель допускал произнесение слова в общее назидание на тему «От Господа исправляются человеку пути его», но без всяких ему похвал. «Грешное тело мое похоронить в Сергиевой лавре на общем братском в ограде кладбище, разумеется, если я помру, числясь настоящим оной; иначе — похоронить, где будет угодно властям». Святитель Иннокентий просил не воздвигать никаких памятников, кроме чугунной плиты с самой простою и краткою надписью. В завещании говорилось, что единственным его наследником является его сын, протоиерей Гавриил Вениаминов. Одну свою панагию Благовещения Пресвятой Богородицы на камне он просил передать в кафедральный собор Благовещенский, что в городе Благовещенске на Амуре, другую — Знамение Пресвятой Богородицы на таком же камне — в кафедральный собор в бывших русских колониях в Америке.

Тело почившего митрополита Московского и Коломенского Иннокентия было предано земле 5 апреля 1879 года в Свято-Троицкой Сергиевой лавре в обители преподобного Сергия, в церкви святого Филарета Милостивого, рядом с могилой Московского митрополита Филарета.

Спустя 106 лет после кончины архиерея Иннокентия (Вениаминова) Русская православная церковь 6 октября 1977 года причислила его к лику святых.

3.3. Письменное наследие святителя

Творения. Формировавшийся под влиянием археографического подъема и одного из активных его деятелей Н.П. Барсукова, Иван Платонович вполне осознавал серьезный пробел своей книги о святителе Иннокентии. В ней отсутствовали приложения произведений и писем владыки. Хотя автор стремился как можно больше приводить выдер-

жек из работ, цитировать документы и письма своего героя, этого было явно недостаточно. «Какими бы достоинствами не отличалась биография, — считал И.П. Барсуков, — она не может быть достаточною для восприятия жизни и трудов великого деятеля, если он не будет говорить сам за себя в собственных творениях»⁵⁴.

Полной неожиданностью для Ивана Платоновича стало письмо графа С.Д. Шереметева, лично знавшего покойного высокопреосвященного Иннокентия и почитавшего его память. «Как ни хороша ваша книга, — прочитал он в письме Сергея Дмитриевича, — а все же неизбежным к ней дополнением должно служить издание трудов Иннокентия, его сочинений: «Записки об островах Уналашкинского отдела» и проч., которые теперь редкость. Все это необходимо переиздать». Это мнение С.Д. Шереметева — историка, исследователя и издателя исторических документов, известного благодетеля, к тому же очень богатого человека, — являлось исключительно авторитетным для Барсукова. Автор письма предлагал подумать о предложении и сообщить ему свои соображения. «Я же со своей стороны весьма был бы счастлив чем-либо быть полезным этому изданию»⁵⁵, — написал граф в заключении письма. Как нельзя лучше складывались дела, связанные с будущим изданием трудов Иннокентия. В письме брату Николаю об обеде у графа С.Д. Шереметева Иван написал: «Издание «Творения Иннокентия» он дарит мне, т. е. доход с него, за издание он заплатит... Вот какой прекрасный и сердечный человек»⁵⁶.

Желание Барсукова издать сочинения святителя Иннокентия нашло полную поддержку внуков святителя. «Мы с братом выражаем Вам полное наше согласие и обещание впредь никаких претензий не иметь»⁵⁷, — написал Иоанн Вениаминов. Безусловно, идею горячо поддержали братья, на помощь которых Иван Платонович решительно рассчитывал. Он пишет им в апреле 1885 года: «Желая приступить к изданию первого тома «Творений» митрополита Иннокентия, я, конечно, прежде всего уповаю на Господа, а затем и на Вас, достойнейшие братья — Коля и Саша. Не откажите мне Вашего внимания к моему новому труду»⁵⁸. Он сообщал, что

высылает им карточки на каждое произведение Иннокентия, чтобы они, обладавшие известной опытностью и знаниями, выбрали из них те труды, которые следует поместить в первом томе. К концу года он должен непременно выпустить его в свет.

С самого начала Иван Платонович решил не довольствоваться теми произведениями, которые издавались в разное время еще при жизни владыки и уже составляли библиографическую редкость. Прежде было издано около десяти произведений Иннокентия в формате как журнальных статей, так и отдельных книг. Для Барсукова дорого было все, что когда-либо выходило из-под пера святителя, каждое письмо, каждая уцелевшая строка его сочинений имели цену редкого приобретения. Автор хорошо понимал предстоящие трудности при поиске всего, что написал Иннокентий, служивший от Камчатки и Алеутских островов до Петербурга и Москвы. Могло ли все уцелеть во всей полноте? Он помнил слова владыки о том, что большая часть его рукописей или потонула при беспрестанных плаваниях по морям и рекам, или сгорела. Очевидно, что часть ценных материалов затерялась или стала достоянием неизвестных лиц. Барсуков глубоко сожалел, что не сможет назвать свое собрание произведений Иннокентия полным. Однако он очень дорожил и тем, что в ходе продолжительных и тщательных изысканий ему удалось собрать. Он не терял надежды пополнить собрание произведениями, какие могут быть еще обнаружены. Когда рукопись первой книги «Творения» была уже готова, возникли некоторые препятствия на пути ее публикации. В письме Николаю от 3 марта 1886 года Барсуков написал: «...Статья о (церковном. — *Н.Д.*) расколе запрещена, вследствие чего до сих пор книга и не вышла»⁵⁹. Эта статья в книге отсутствует, очевидно, изъятие ее создало условия для публикации рукописи.

Разные по жанру, формату и содержанию произведения Иннокентия размещались в трех книгах, каждая из которых по содержанию представляла нечто целое. Неизбежное при этом нарушение хронологической последовательности автор устранил тем, что в примечаниях поместил сведения о времени появления каждого произведения. Первая книга «Творе-

ния Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» вышла в Москве в 1886 году, спустя три года после выхода в свет биографии владыки, в течение которых автору удалось сформировать все три книги его произведений, выходившие одна за другой в продолжении трех лет.

С названием книг трудов святителя Иннокентия выразил несогласие духовный цензор протоиерей кремлевского Архангельского собора Платон Капустин. По его мнению, «творениями» принято называть произведения не современных, а древних отцов церкви. К тому же такое название, считал протоиерей, оскорбляло скромный нрав митрополита Иннокентия. В целом соглашаясь, Иван Платонович подчеркнул, что термин «сочинение» или «труды» употребляется для произведений всякого человека, потрудившегося в какой-либо области знаний или искусства. Для человека же положившего почти всю свою жизнь на дело церкви, для вдохновенного восславления Слова Божьего, который при жизни стяжал себе славу апостола — название «Творения» всего достойнее. Этот термин выражает нечто возвышенное, священное, вполне гармонирует с достоинствами главных произведений покойного митрополита.

Открывала первую книгу «Творения» «Автобиографическая записка» Иннокентия, которая служила наилучшим введением к собранию произведений высокопреосвященного владыки. В записке он говорил о себе и о своих миссионерских трудах со смирением и преданностью воле Божьей. «...Могу ли я присвоить собственно себе что-либо из того, что при мне или через меня сделалось доброго и полезного в тех местах, где я служил?» — поставил он вопрос. И дал на него четкий ответ: «Конечно, нет, по крайней мере, не должен. Бог видит, как тяжело мне читать или слышать, когда меня за что-либо хвалят и, особенно, когда сделанное другими или, по крайней мере, не мною одним приписывают мне одному»⁶⁰.

В первой книге собраны произведения, характеризующие важнейшие вехи жизни святителя. Сначала приведено несколько проповедей святителя 1820—1830-х годов, а также его теоретические заметки, написанные в 1830—1840-х го-

дах. Здесь же опубликована замечательная речь Иннокентия, произнесенная им 18 мая 1858 года в Благовещенске после молебна по поводу присоединения к России Амурского края. Тогда святитель сказал, что Муравьев устроил Амурское дело «так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия»⁶¹. Эти его мудрые слова стали самой полной характеристикой деятельности Н.Н. Муравьева на Амуре.

По сравнению с последующими двумя книгами в первой опубликовано самое большое число его работ — 43. Часть их составляли небольшие по объему (одна — три страницы) речи, приветствия, благодарности, посвященные таким событиям, как приезд императора Александра Николаевича в Москву (1869), вступление его в Успенский собор Кремля (1877), открытие Православного миссионерского общества (1870) и другие. Завершением книги явилось «Духовное завещание митрополита Иннокентия» (1869), в котором с новой силой запечатлены его необыкновенная скромность и святая простота.

Одним из значительных произведений первой книги является богословское сочинение «Указание пути в царствие небесное» (168—234). Первоначально миссионер Иннокентий написал его в 1833 году на алеутско-лисьевском языке, и оно адресовалось алеутским прихожанам. По рекомендации Синода оно переводится на русский язык и выдерживает около 50 изданий.

Другое значимое произведение святителя Иннокентия «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» (1841) представляло эксклюзивное обобщение 15-летнего опыта его миссионерского служения. В нем обращает на себя внимание рассуждение святителя о христианстве и об особенностях влияния его не только на иноверцев. «Христианство, — писал он, — есть потребность, удовлетворение и утешение преимущественно сердца, а не одного ума, и потому в преподавании учения веры надо стараться действовать более на сердце, нежели на ум... Кто сердцем восчувствует потребность веры и утешения ее, тот примет ее скоро и удобно, и она в нем будет бесплодна. Но чтобы действовать на

сердце, надобно говорить от сердца»⁶². Вообще, проблема взаимодействия ума и сердца человека в восприятии православного христианства волновала Иннокентия и, судя по его многократным высказываниям, приоритет он отдавал сердцу. Следует упомянуть еще одно замечательное произведение святителя — это «Записка о детском воспитании», в которой обобщен огромный опыт крупного православного педагога в воспитании детей. Забота о воспитании подрастающего поколения красной нитью проходит через всю жизнь владыки и его творчество.

Вторая книга «Творения» включала работы, написанные миссионером, а затем епископом Камчатским в 1839—1858 годах, и начиналась статьей «Состояние православной церкви в Российской Америке», которую он в 1839 году представил обер-прокурору Синода Н.А. Протасову в виде рукописи, когда впервые прибыл в Петербург с острова Ситха. Содержавшая интересные, малоизвестные сведения статья была напечатана в журнале министерства народного просвещения. Непосредственному раскрытию темы предшествовал небольшой исторический экскурс о появлении русских людей на Алеутских островах и Аляске, об освоении этих территорий и распространении православия. Привлекал внимание читателей подробный анализ состояния православных храмов и прихожан, их особенностей, а также характеристика языческого населения.

Во второй книге опубликовано три работы в жанре делового документа «путевой журнал». В 1843 году епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий представил в Синод свой путевой журнал, веденный им во время первого обзора вверенной ему епархии в 1842 и 1843 годах, который впервые опубликован в книге⁶³. В большом (около 150 страниц) аналитическом материале обстоятельно раскрывались состояние и проблемы церковной жизни огромного региона. Видя свою неперенную обязанность в систематическом обозрении всей епархии, он подчеркнул, что это можно сделать не иначе как в течение целого года.

Спустя четыре года святитель Иннокентий вновь совершил обзор своей епархии, посетил Камчатку и Охотское

побережье, о чем свидетельствует напечатанный во второй книге путевой журнал этого путешествия. Из краткого путевого журнала путешествия архиепископа Иннокентия Камчатского по Амуру в 1956 году, на которое он получил разрешение Синода, можно видеть, насколько опасными были эти путешествия, не говоря уже о лишениях и неудобствах. Так, из Аяна в свою резиденцию в Якутск архиепископ добирался во вторую половину ноября 1856 года, как он написал, в «повозочке», которая при сильном ветре несколько раз опрокидывалась. Один раз он упал на камень и довольно сильно ушиб бок, а передвигаясь по замерзшей реке Мая, повозочка опрокинулась в полынью и одежда оказалась промокшей.

К этому путевому журналу непосредственно примыкает имеющая огромное самостоятельное значение записка святителя Иннокентия «Нечто об Амуре» (1856). В ней он изложил свои чрезвычайно важные, ценные мысли о могучей реке Амур, впервые проплыв по ней вместе с очередным амурским сплавом. По сравнению с частично опубликованной в биографии статьей «Нечто об Амуре» здесь, в книге, она была представлена полностью. Цель записки по объяснению автора состояла в том, чтобы сказать свое слово в развернувшейся дискуссии о малоизвестной реке Амур после того, как по ней прошли два сплава (в 1854 г. и 1855 г.). Одни участники дискуссии считали лишним «занимать Амур, когда у нас без того много места, еще не заселенного». Другие — называли Амур неудобным к судоходству, иные же — превозносили достоинства реки «до чрезвычайности». «Представился и мне случай сплыть по Амуру, — написал архиепископ Иннокентий, — и кое-что заметить, слышать и видеть. И с моей стороны было бы даже недобросовестно не высказать моих замечаний и мнений касательно Амура»⁶⁴. А увидел и заметил он немало. В его распоряжении находились записки ботаника-исследователя К.И. Максимовича, проплывшего в этом же году из Мариинска до Усть-Стрелки и кратко описавшего амурские берега. Какие-то наблюдения ученого Иннокентий признавал, уточнял и дополнял, с какими-то не соглашался. Его подход к оценке Амура носил комплексный, всесторонний характер, включавший

внешнеполитический, демографический, переселенческий, социальный и экономический аспекты.

Река Амур, одна из крупнейших рек не только в России, но даже в мире, течет на протяжении почти пяти тысяч верст, принимая в себя множество рек с обеих сторон (по современным данным, длина водотока реки 2824 км. — *Н.Д.*). Главная цель занятия Амура, по мысли Иннокентия, состояла в приобретении в наше владение огромной реки, что позволило бы яснее определить границу России с Китаем. Отдаленную же цель он видел в том, чтобы «благовременно и без столкновения с другими державами приготовить места для заселения русских, когда тесно будет в России... А это может быть очень в непродолжительные времена, потому что население быстро растет. Ближайшая цель занятия Амура виделась в необходимости снабжения Камчатки, приморских и заморских российских территорий хлебом и другими сибирскими продуктами, а также в возможности сбыта товаров, производимых в Сибири, особо в Забайкалье, удобным и вернейшем путем по реке.

Тщательно изучив берега реки, он пришел к выводу о пригодности их для заселения, называл районы приоритетного освоения, а также предлагал методы переселения. Опыт амурских сплавов доказывал, что сообщение рекой летом безопасно и весьма удобно и на баржах, и на пароходах. В статье имеется сюжет и об обеспечении безопасности будущих российских владений на Амуре, включавший возведение крепостей, портов, постройку железной дороги, создание «тяжелого» флота. Вот какие общероссийские, гражданские мысли овладели епископом Иннокентием во время его первого путешествия по Амуре. Он не придал их гласности, однако в своей архипастырской деятельности крепко поддерживал действия генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, который вопреки европоцентристской политике правительства упорно добивался и в конечном счете добился решения Амурского вопроса в интересах Российской империи.

Заканчивает вторую книгу отчет архиепископа о состоянии Камчатской епархии в 1857—1858 годах. В нем обстоятельно,

с цифрами и фактами анализировалась жизнь монастырей, церквей, духовенства, состояние паствы, училищ при церквях. Главным достижением стало осуществление по милости Синода перевода нескольких священных книг на якутский язык и их издание в 1858 году. Сделан вывод об увеличении год от года численности паствы благодаря росту рождаемости и обращения в христианскую веру язычников. В целом состояние Камчатской епархии в 1858 году «видимо улучшается во всех отношениях», — констатировал святитель Иннокентий.

Увидевшая свет в 1888 году третья, последняя книга «Творения» содержала фундаментальный труд владыки «Записки об островах Уналашкинского отдела»⁶⁵, который впервые был опубликован в 1840 году и стал уже библиографической редкостью. «Записки» представляли собой результаты многолетних исследований миссионером Алеутских островов и материковой части полуострова Аляска. В предисловии автор писал, что прожил десять лет в отдаленном от России крае, несколько раз путешествовал по нему и смог снискать расположение и доверчивость его жителей, по возможности узнать их язык, характер, обычаи и весь их быт. Он считал себя обязанным передать любезным соотечественникам (он написал — «соотечичам») результат десятилетних своих наблюдений. «Все, что я смог видеть, понять, заметить и собрать любопытного, достойного внимания, — подчеркнул автор, — содержится в «Записках об островах Уналашкинского отдела».

Вениаминов придал «Запискам» четкую структуру, разделив их на две части, в каждой по три отделения. Первая содержит географические и этнографические данные, сведения об ахтинских алеутах, имевших одинаковый с уналашкинцами язык, характер и даже обычаи, а также и свои особенности, описанные прежним тамошним священником Я. Нецветовым. Вторая часть посвящена колошам — обитателям острова Ситха и других прилегающих к нему островов. Как добросовестный исследователь, автор привел замечания ученых-путешественников, посещавших этот край и интересовавшихся геологическими (г. Постельс), ботаническими (г. Мортенс, г. Кагельский и г. Шамиссо) проблемами. Географическое положение мест он обозначал по последним

описаниям г. Литке, г. Воронковского и других, конечно, с указаниями источников. Климатологические выводы основаны на собственных наблюдениях миссионера, которые велись на продолжении семи лет. При описании умственных способностей и характера уналашкинских алеутов, подчеркнул исследователь, он не сверялся ни с чьими данными, а руководствовался собственными наблюдениями. Черты их характера снимались самим миссионером с натуры и только в некоторых случаях подсказаны туземцами, но и в этих случаях все проверялось им лично.

Уже при первичном знакомстве с книгой, в которой бросаются в глаза несколько таблиц, читатель убеждается в ее научно-исследовательском характере. Стоит перечислить названия таблиц: 1. Извлечения из метрических книг о родившихся и умерших в Уналашкинском отделе с 1822 по 1837 год, т. е. за 14 лет; 2. Таблица о морских котах. О числе котов в 1817—1838 годы на островах св. Павла и св. Георгия. 3. Метеорологические наблюдения за 1825—1834 годы: высота барометра каждого месяца, высота термометра каждого месяца, направление и сила ветров каждого месяца, состояние погоды каждого месяца.

Наряду с общими довольно подробными «замечаниями» о жителях островов и материковой части полуострова особо анализировались алеуты по следующим позициям: Селения; Жилища; Одежда; Байдары; Пища; Имущество; Орудия; Рукоделия; Астрономия и счисление времени. Болезни и лечение их; Язык; Предания; Сказки, песни, игры. В качестве дополнения приведена записка о прежних обычаях и вере ахтинских алеутов.

Изучая в течение нескольких лет живших на острове Ситха и прилегавших островах индейцев-тлинкитов (колошей), славившихся как «зверский и кровожадный народ», исследователь Вениаминов по существу реабилитировал их. «Едва ли колоши заслуживают названия «зверских и кровожадных», потому что мщение за обиды есть общий закон всех диких, не имеющих иного закона другого, кроме внутреннего, врожденного. Колош не ищет крови, но только требует кровь за кровь... Сама мстительность их происходит не столь-

ко от раздражительности, сколько от обычая и честолюбия». В «Записках» глубоко рассматривались такие вопросы, как происхождение и вера колошей, их предания, обычаи, способности, характер, просвещение, язык и другое.

Появившаяся более 180 лет назад книга святителя Иннокентия до сих пор сохраняет обаяние серьезного научно-исследовательского труда. Сочинение вполне отвечает таким современным требованиям, как новизна темы, репрезентативность полевых материалов, абсолютная самостоятельность в разработке проблемы и в ее решении.

Мотивацией изучения островных народов служило получение объективных и разносторонних о них знаний, которые, по мнению Вениаминова, являлись залогом успеха его миссии — приобщения язычников к православию. Логика самого этнографического исследования вывела автора на такие сюжеты, как климат, природная среда, сохранение флоры и фауны, напрямую влиявшие на бытование островитян. Работа над «Записками» проходила при отсутствии научной библиотеки, ученой среды, в ограниченное свободное время от больших миссионерских дел. Единственными помощниками являлись дети Вениаминова, которые в его отсутствие аккуратно снимали показатели с барометров и термометров. В то время многие миссионеры, служившие в отдаленных, малоизвестных регионах, занимались сбором этнографических, антропологических и эколого-географических материалов, предметов флоры и фауны. Однако научное исследование такого масштаба и качества, как «Записки об островах Уналашкинского отдела», смог осуществить только И. Вениаминов, богато одаренный от природы, обладавший огромным интеллектуальным ресурсом и высокими нравственными качествами.

Впервые предпринятое издание трудов святителя Иннокентия, содержавших свыше шестидесяти его произведений, священнослужители Москвы и Петербурга встретили с интересом. После выхода в свет первой книги И. Барсуков написал брату Николаю: «На пасху был с визитом у князя Долгорукова и встретил там митрополита Исидора с преосвященным Александром, который меня узнал и на-

говорил мне множество любезностей относительно моей последней книги. Рецензию же до сих пор я нигде не встречаю. Ну бог с ними»⁶⁶. При отправке книги «Творения» в Ковно (Каунас, Литва) священнику Александро-Невского кафедрального собора Иоанну Вениаминову Барсуков обратился к нему с просьбой посодействовать распространению новой книги среди православных прихожан. В ответ он получил от внука святителя описание безрадостной картины в городе. «В нашем крае совершенно нет любителей духовной литературы, даже и просто читателей чего-либо кроме газет. Потому что все чиновники — люд весьма занятой, а вне служебного времени, конечно, ничего не делающий. Поэтому при всем желании содействовать распространению памяти о моем Деде не могу встретить нигде участия. Духовенство? Да и тут далеко не уедешь, потому что нас всего четверо во всей Ковно, и наша братия крайне нуждается в копейке»⁶⁷.

После предоставления (поднесения) через председателя Синода К.П. Победоносцева книг «Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» императору Александру III автор был удостоен Высшей благодарности. Книги продавались «весьма туго», надежда на достойный гонорар таяла, словно выпавший снег в конце мая. Известие о том, что министерство народного просвещения рекомендовало творения Иннокентия для библиотек военно-учебных заведений, порадовало автора, как и устная похвала «Творений» и «самые любезные письма» со всех концов с благодарностью и восхищением. Он хорошо понимал, что сделанное им служит сохранению вечной памяти о выдающемся русском православном архиерее.

Письма. Только спустя десять лет после выхода в свет последней книги «Творения» И. Барсуков начал подготовку писем митрополита Иннокентия к изданию. Такая продолжительная пауза объяснялась тем, что в начале 1888 года он согласился с предложением князя М.С. Волконского написать биографию графа Н.Н. Муравьева-Амурского. К тому же вскоре после ее издания он вынужден был покинуть Москву и переехать в Петербург, где стал жить и служить.

Для историка и археографа И. Барсукова переписка, письма являлись важнейшим источником при написании биографии. Они позволяли автору, а затем и читателям услышать из первых уст мотивы тех или иных поступков героя, понять происходившую в нем скрытую от окружающих внутреннюю борьбу добра и зла, вникнуть в семейные взаимоотношения, как правило, носившие скрытые свойства. Субъективный характер писем как источника давал возможность автору создать правдивый, всесторонний, многогранный, можно сказать, объективный образ описываемой личности. И. Барсуков ратовал за принцип правдивости, объективности в исторических исследованиях.

Еще при работе над жизнеописанием митрополита Иннокентия Иван Платонович был озабочен поиском его писем, которые не прекращались в течение почти двух десятилетий. Особо плодотворными они оказались после издания произведений святителя, когда Барсуков обратился к духовенству с просьбой передать ему письма Иннокентия для их публикации. В письмах братьям Иван часто информировал их о новых поступлениях посланий митрополита. Преосвященный Алексей, епископ Дмитриевский, сообщал он, обогатил его 40 письмами Иннокентия, а от протоиерея А.И. Телегина получил 16 замечательных писем святителя. Настоящей удачей стало для него знакомство с епископом Уфимским, бывшим Якутским, Дионисием, многолетним сердечным другом святителя Иннокентия. В августе 1885 года Иван сообщает старшему брату: «Вчера пил у меня чай епископ Уфимский, бывший Якутский, Дионисий, который очень напоминает собой Иннокентия, такого же типа человек»⁶⁸. Потрясающе меткое суждение о Дионисии! Позднее Барсуков написал письмо Дионисию и попросил у него письма Иннокентия, которых у него «не одна сотня», во временное пользование. Дионисий сообщил, что письма разложил по годам, на большее у него нет сил, так как он серьезно болен и готов передать их Ивану Платоновичу во временное пользование. Позднее епископ Дионисий подарил историку письма дорогого ему человека. Благодаря продолжительным и тщательным поискам у Барсукова сложилась крупная коллекция писем святителя

Иннокентия, написанных им многочисленным адресатам на протяжении нескольких десятков лет. Подготовка их к печатанию включала расшифровку текста, так как многие письма Иннокентий писал в своих многочисленных походах, часто при освещении лампы или лучины. Отразилась на его почерке и усиливавшаяся с годами слепота. Немало времени заняла атрибуция этих ценных материалов и подготовка примечаний.

Для начала публикации эпистолярного наследия владыки Барсуков выбрал 1897 год — год столетней годовщины со дня рождения Иннокентия — митрополита Московского, Коломенского, апостола Восточной Сибири и Аляски. В предисловии к первой книге «Письма» Барсуков написал, что считает своим нравственным долгом при выпуске этой книги воспользоваться случаем восстановить светлый образ митрополита Иннокентия в памяти остающихся в живых почитателей его. Безусловно, это являлось правильным авторским решением.

Со времени кончины владыки прошло почти два десятилетия, значительно ускорился темп российской общественной жизни, в ландшафте которой произошло много разнообразных событий и проявились новые явления, набросившие пелену забвения на совершенное подвижниками XIX века во славу России. Напоминая главные вехи жизни и деятельности Иннокентия, Барсуков в первую очередь коснулся его миссионерской службы на Алеутских островах, Аляске и в Восточной Сибири. Ссылаясь на слова императора Николая I и митрополита Московского Филарета, он подчеркнул, что отечественные современники называли его служение и по духу, и по силе апостольским. И не только российские, но и иностранные. Американский священник Карл Хейль озаглавил свое сочинение об Иннокентии «*Innocent of Moscow the Apostle of Kamchatka and Alaska*», в котором именовал его «героем миссионерства»⁶⁹. Указывая «полудиким духовным своим чадам» путь в Царство Небесное, подчеркнул Барсуков, апостол заботливо, по-отечески изыскивал и указывал им средства к улучшению и земного своего существования. Для этого он тщательно изучал их

языки, верования, поверья, обычаи, промыслы, орудия, жилища, пищу, ремесла, а также воздух, воду и землю. Такими исследованиями он много послужил и науке, и промышленной разработке местных природных богатств, снискав у русских и заграничных ученых уважение и благодарность. В качестве иллюстрации отличного владения святителем столярным и механическим ремеслами приведены два факта: искусно сделанное им кресло, подаренное А.Н. Муравьеву и хранившееся в Киеве в музее Академии наук, и часы его собственной ручной работы, находившиеся в Хабаровске в Приамурском отделе ИРГО⁷⁰.

По мнению историка, верховный иерарх русской церкви Святейший Иннокентий в сонме наших православных иерархов «обрисовывается отличительными, ему только свойственными самобытными чертами». «Он был до очарования прост и доступен, ласков и приветлив, прям и беспристрастен, держал себя проще и смиреннее самого обыкновенного смертного», — свидетельствовал Иван Платонович, в течение нескольких годов общавшийся с митрополитом. Несмотря на то, что владыка не смог получить высшее богословское академическое образование, он обладал такими обширными и многосторонними познаниями, «какими не многие ученийшие иерархи обладали в его время»⁷¹, как утверждал автор.

Методика публикации эпистолярного наследия митрополита Иннокентия, использованная Барсуковым, являлась общепризнанной, выработанной археографами XIX века. При соблюдении хронологического принципа письма распределены по трем книгам в соответствии с тремя ипостасями владыки — миссионер, епископ, митрополит. Однако при этом допущены отступления, что диктовалось необходимостью по возможности равномерного размещения писем по книгам. Первая книга начиналась письмами 1828 года, а третья завершалась посланиями 1878 года, то есть хронологические рамки переписки охватывали полстолетия. Естественно, что за такой продолжительный промежуток времени менялись адресаты, содержание и интенсивность корреспонденции.

В вышедшей в 1897 году первой книге «Письма» содержалась переписка миссионера Ивана Вениаминова 1828—

1855 годов, периода его пребывания в сане священника Аляски, а также частично его корреспонденция в начальные годы служения Камчатским епископом. В продолжение 15 лет для миссионера Вениаминова письма являлись единственной коммуникацией с Большой землей и каналом решения со Святейшим Синодом насущных вопросов миссионерского дела. За доставку почты отвечали корабли Российско-Американской компании, каждый раз осуществлявшие кругосветное путешествие. Ответы на свои вопросы и просьбы миссионер получал из Синода через 1,5—2 года. В августе 1849 года в письме обер-прокурору Синода Н.А. Протасову он пожаловался, что до сих пор не получил ответов на те бумаги, которые послал из Аяна в 1847 году. «Не знаю, где найдет Вас это мое письмо, посылаемое вокруг света... на корабле Ситха, — написал он Н.Н. Муравьеву в 1849 году. — Но все равно, где бы оно ни нашло Вас, лишь бы только в полном здравии душевном и телесном»⁷².

Письма второй книги, появившейся в 1898 году, охватили корреспонденцию архиепископа Камчатского Иннокентия за 1855—1865 годы — время активного участия его в процессе присоединения Приамурья и Приморья к России, освоения новых территорий и утверждения в них света православия. Это был период самой интенсивной переписки святителя. В одном из писем из Аяна в 1856 году он написал: «...Я получил огромную почту в нескольких тюках и ящиках. Надо все разобрать, надобно что-нибудь написать в Америку»⁷³.

Письма третьей книги, появившейся в 1901 году и завершившей иннокентьевский цикл историка, содержали переписку митрополита Московского и Коломенского в 1865—1878 годы. Ежегодное присутствие после 1867 года на заседаниях Синода в Петербурге позволяли митрополиту напрямую решать церковные вопросы, а находясь в Москве, непосредственно общаться с клиром, что значительно сократило объем его переписки. Этому в немалой степени способствовала и потеря им зрения.

За время работы над третьим томом в распоряжении Барсукова оказались дополнительные рукописи произведений Иннокентия. Их он поместил в третьей книге в качестве

приложения. Это два письма святителя к Д.В. Поленову (археологу и библиографу, 1858), а также: «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества»; «Касательно переводов священных книг на якутский язык и о прочем по сему предмету» (донесение Св. Синоду из Якутска, 1857); «Нечто об алеутско-лисьевском языке и в особенности о буквах оного», «Записка Иоанна Вениаминова, перепровожденная им графу Ф.П. Литке» (1837).

Барсуков придерживался принятой в то время методики публикации эпистолярного наследия. Письма публиковались под номерами, при этом во всех книгах нумерация была общая. Всего в трехтомнике опубликовано 625 корреспонденций владыки. Большое значение придавалось оглавлению, в котором под соответствующими номерами обозначались лица, которым адресовались письма Иннокентия и указывались страницы в томе. В тексте же подобные сведения отсутствовали. На некоторых страницах помещались примечания. Так в одном из них речь шла о внуке святителя — Иване Гавриловиче Вениаминове. По окончании курса в Московской классической гимназии он поступил в Александровское военное училище, которое окончил в числе первых. Был произведен в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка. Прослужив некоторое время в полку, в чине поручика вышел в отставку. С благословения архиерея Алексея стал служить священником в г. Ковно, затем был настоятелем церкви святого Духа в г. Харькове. По существу, аналогичный же путь был пройден и Евсеем Гавриловичем Вениаминовым, прежде чем он стал священнослужителем.

Важно, что иногда в примечаниях петитом приводились письма адресатов, позволявшие глубже понять то или иное положение в ответах Иннокентия. Иногда давались ссылки на центральные архивы, из которых были извлечены те или иные послания. Называлась канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода, а также архив князя П.П. Вяземского. Все письма начинались с обращения. Например, к митрополиту Филарету святитель обращался так: «Высокопреосвященнейший Владыка, Милостивейший Архипастырь и Отец». Письма протоиерею Димитрию Хитрову начинались

словами: «Возлюбленный мой о Господе Отец Протоиерей Димитрий», а после того, как он был возведен в сан епископа: «Преосвященнейший Владыка, Возлюбленный о Господе Брат и Сослужитель». К гражданским лицам Иннокентий обращался так, как было принято в гражданской переписке: «Милостивый Государь», «Ваше Высокопревосходительство», «Ваше Сиятельство» (официально к Н.Н. Муравьеву). В конце каждого письма приводились полная дата и указание места его написания. Принятое деление на деловую и личную в отношении переписки Иннокентия оказалось не целесообразным, так как зачастую в личных письмах святитель ставил и решал церковные и административные вопросы, и наоборот — в деловых посланиях касался личных проблем.

Круг общения святителя был необычайно широк. Его корреспондентами являлись духовные, светские лица, а также собственные дети. Особо следует выделить письма святителя императорам Николаю I и Александру II, носившие характер поздравлений или выражения благодарности (книга 1-я), а также обер-прокурорам Святейшего Синода — Н.А. Протасову, А.П. Толстому и Д.А. Толстому (во всех трех книгах). В посланиях в Синод содержались размышления архипастыря об устройстве миссий на Аляске, отчеты о деятельности духовных учебных заведений, прошения о содержании камчатского духовенства, о финансировании клира приамурских церквей, о переносе резиденции архипастыря из Ситхи в Якутск, затем — в Благовещенск и многое другое.

Из переписки со священнослужителями в первую очередь надо сказать о письмах Иннокентия митрополиту Московскому Филарету, с которым после личного знакомства в 1839 году установились дружеские отношения. Им не мешали и разногласия, возникшие по проблеме духовного образования юношества. Дело в том, что во время нахождения в 1857 году в Петербурге Иннокентий представил в Синод и митрополиту Филарету свои соображения о воспитании духовного юношества, содержавшие критику его состояния, и предложения об усовершенствовании, предполагавшие усиление воспитательного фактора в подготовке будущих духовных пастырей.

Являясь автором созданной много лет назад системы подготовки кадров для церковных приходов, митрополит Филарет весьма скептически отнесся к новациям Иннокентия. Между ними началась переписка. Чтобы раскрыть суть возникших разногласий, Барсуков посчитал необходимым в книге привести петитом большое письмо владыки Филарета епископу Иннокентию (от 19 ноября 1857 года), в заключении которого назидательно и как бы с укором говорилось: «Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленных не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо возстать не вдруг против всех недостатков, но и в особенности против более вредных и предлагать средства исправления не вдруг всепотребные, но сперва преимущественно потребные и возможные»⁷⁴. В ответном письме митрополиту Филарету архиепископ Камчатский с достоинством выразил сожаление о своей записке. «Мне камнем ложится на сердце мысль, что я, быть может, много оскорбил Вас своими мнениями, простите. Но мне и грешно и стыдно утаивать от Вас что-либо подобное, пусть лучше падет на меня гнев Ваш, нежели поступить мне противу совести»⁷⁵. Узнавший о возникших несогласиях А.Н. Муравьев спешит поддержать Иннокентия, к которому всегда благоволил. «...Нельзя ожидать от Владыки Московского, чтобы он изменил свое мнение касательно духовного образования: он его создал и с ним состарился...»⁷⁶ И это письмо так же было опубликовано петитом.

В начале декабря 1866 года из Благовещенска Иннокентий отправил два письма: одно — в Петербург в Синод Д.А. Толстому, другое — в Москву митрополиту Филарету, посвященных одному вопросу — об оставлении им архипастырского поста. «Здоровье мое, благодарение Господу, довольно удовлетворительно, и я, можно сказать, еще не чувствую немощей и припадков старческих. Но зрение мое видимо слабеет... и это не от какой-либо болезни, а по природе нашей (у меня дед и старшая сестра в мои годы были слепы); и судя по ходу ослабления зрения моего, оно, полагаю,

не прослужит далее 1868 года»,⁷⁷ — сообщал он Толстому. (В то время врачи не умели лечить катаракту.) Опасаясь совсем лишиться зрения, святитель предполагал оставить вверенную ему паству и даже назвал своего преемника — епископа Гурия. В ответе обер-прокурор заметил, что «указываемому Вами преемнику епископу Гурию прежде получения Вашего письма дано от Святейшего Синода другое назначение. Не следует ли это принять за указание Промысла, чтобы Вы не оставляли Вашей паствы, для блага которой Вы столь много потрудились и благосостояние которой так много зависит от опытного Вашего управления»⁷⁸.

Рассказав митрополиту Филарету о потере зрения, архипастырь откровенно написал ему: «Теперь моя забота: куда мне затем идти, где поместиться и провести остаток дней моих, с тем чтобы вблизи себя иметь кроме храма и способа врачевания и сына моего с семейством... и удобство к воспитанию внуков и внучат моих»⁷⁹. Впрочем добавил, что был бы доволен, если бы мог получить где-либо келью при храме. Он интересовался возможностью устройства в Москве. Что касается собственно для него жизненного содержания, то считал, что ему будет достаточно и одной пенсии по ордену св. Александра Невского. В заключении письма святитель написал: «...Могу ли я питать себя надеждою на помещение в Москве, и не иначе как вместе с сыном моим. Когда я был в силах, я не хотел иметь его вблизи себя; но теперь мне становится нужною помощь родных. Наемники — всегда наемники, особенно у слепых»⁸⁰. Наряду с грустными, печальными мотивами в большом письме Иннокентий выразил и радостные настроения в связи с неожиданным успехом по сбору средств для наших новоустроенных церквей. «Если мы получим еще обещанное г.г. золотопромышленниками и душеприказчиками Милютина и Куманина, тогда наш общий капитал амурских церквей, и теперь простирающийся до 40 000 рублей серебром, будет приносить весьма значительный доход»⁸¹. Сообщалось об освящении новых храмов в селениях крестьян-переселенцев, о крещении приамурских туземцев, о корейцах, в значительном числе выселявшихся из своего отечества в наши пределы. Ответа на это письмо Иннокентий не полу-

чил по причине кончины Московского патриарха Филарета. А для святителя Иннокентия Провидение уготовило другой путь, путь высочайшего духовного пастырского служения.

На протяжении более двух десятков лет любимым адресатом Иннокентия являлся Дмитрий Хитров — епископ Якутский, Вилюйский, а затем — Уфимский. Из общего числа писем, опубликованных в трехтомнике, на долю писем Д. Хитрова приходилось около 270 — более трети. Переписка особо интенсивной стала во время работы Д. Хитрова и его помощников над переводами богословских книг на якутский язык. Иногда в Якутск Иннокентий писал по два, три письма в день. Перед поездкой в Москву для корректуры назначенных для печати богословских книг на якутском языке протоиерей Д. Хитров получил большое письмо Иннокентия с указаниями и советами. Все якутские слова, которые не вполне выражают значение русских или славянских слов предлагал он непременно печатать курсивом, показать, что употребляются только по крайней нужде, за неимением лучших слов. Слова и мысли Евангелия, которые не могут быть переданы на якутском языке (искушение, исповедать, отвергнуться), представить митрополиту Филарету и просить Его истолковывать их и перефразировать как можно проще и удобнее для передачи на якутский язык или в Святейший Синод, без их согласия не печатать. Предлагалось 200 экземпляров Евангелия, назначаемых для употребления в церквях и часовнях, напечатать в большом формате и на клееной бумаге для удобства и лучшей сохранности.

Будучи ректором духовной семинарии в Якутске, протоиерей Дмитрий получил важное письмо святителя, в котором содержалась оценка работы учебного заведения. «Первые воспитанники Ваши нехуды, а сравнительно с другими — даже очень хороши. Но сравнение не оправдание пред Богом и совестью. Желательно, чтобы вторые вышли хорошими, а третьи — отличными, примерными христианами и служителями церквей. Чтобы сделать воспитание лучше, вам самим надобно улучшаться... В служении и на молитвах будьте внимательны и осторожны. Ваши ученики плохо читают. Вы читали мою записку о воспитании духовного юношества. Чтению на-

добно учить три курса: разбирать писаное и печатное, читать с соблюдением знаков препинания с выражением и приличною декламациею. Ученики худо молятся и кланяются»⁸².

Переписка с Д. Хитровым для Иннокентия со временем стала своего рода душевной потребностью, в которой он касался и простых житейских дел. Из Благовещенска в конце декабря 1862 года святитель пишет своему молодому сердечному другу: «Что это сделалось с Вами, вот уже, кажется, десятая или 12 почта — от Вас ни словечка? Аль руки замерзли от наставших морозов, аль на сердце что-нибудь скребет?» С долей юмора так описан Благовещенск: «теперь уже настоящий город, — в нем были и бывает воровство, был пожар, был взрыв порохового погреба, на днях было убийство (виновный найден) и хотят строить театр... правда, собора еще нет... Купцы наши, видно, истые прогрессисты: на театр пожертвовали, а на церковь ни гроша»⁸³. Из другого письма Иннокентия (1872): «Якутск Ваш пустеет. Стариков становится менее и менее. Наконец, и из многих Шиловых осталось одно только шило, да и то тупое. Сломится оно — и Шиловы останутся только на Огуречной станции; но те из простого и нехорошего уклада. Дай Бог царства небесного Ивану Яковлевичу; чего другого — а пирогов несравненно меньше будет у Вас»⁸⁴. Уже епископа Якутского и Вилюйского Дионисия митрополит Иннокентий в письме (июль 1871 г.) предостерегал от ошибочных поступков по незнанию. «По новым положениям, — сообщал он в письме, — не можете никому давать деньги взаймы ни копейки без разрешения Св. Синода ни попечительских, ни церковных... Жалованье учителям училищ предполагается производить от казны, а Вам, вероятно, дадут что-нибудь и на учеников. Но советую Вам написать об этом господину обер-прокурору с изложением всех Ваших нужд и просить больше денег». В письме есть любопытное замечание: «Что духовенство колобродит и у Вас, это не новость для нас. То же делается в настоящее время почти везде»⁸⁵. В письмах священнослужителям святитель Иннокентий давал полезные советы об опеке клира и паствы, по-отечески наставлял их и оберегал от опрометчивых шагов.

С 1870 года, когда владыка почти потерял зрение, дело-

вую переписку с настоятелями монастырей, главами церквей, чиновниками от имени и по его поручению вел викарий Московской епархии Леонид. Личную же переписку он доверял только сыну Гавриилу Ивановичу. Иногда в письмах близким людям он писал сам насколько слов или строк. При публикации таких писем Барсуков обязательно обозначал написанное рукой владыки. Примечания в третьей книге содержали важную информацию, например о внуках Иннокентия.

Светских постоянных корреспондентов у святителя имелось сравнительно немного, но личное общение и переписка с ними доставляли ему удовольствие и радость. Он дорожил дружбой с А.Н. Муравьевым — христианским писателем, автором религиозно-нравственных сочинений, имевшим авторитет в церковных кругах и при царском дворе. Только с ним Иннокентий обсуждал деликатные вопросы, касавшиеся отношений американских миссионеров к российской миссии на Алеутах и Аляске. Вот как он писал об этом в большом письме (1849): «Американские миссионеры следят за моими движениями, они желали бы, чтобы поле наше (т. е. вверенное мне здесь в Америке) засеяно было чистым протестантизмом». Иннокентий задавался вопросом: «Знают ли об этом наши? Я полагаю, что не знают, иначе на требование мое деятелей и средств к их существованию отвечали бы что-нибудь»⁸⁶. Другим деликатным вопросом являлось отношение руководства Российско-Американской компании к русской миссии. Святитель обратил внимание на то, что РАК управляется «почти одними лютеранами, главный деятель ее финляндец, ныне присылают на службу в Америку финляндцев и немцев».

По рекомендации А.Н. Муравьева Иннокентий в 1849 году на Камчатке познакомился с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, который являлся двоюродным родственником Андрея Николаевича. «Мы расстались с ним (Н.Н. Муравьевым), — написал ему святитель, — как нельзя лучше, по крайней мере, мое сердце было и есть пред ним открыто совершенно. Я даже высказал ему и такие мысли, которые немногим можно открывать, и в от-

ношении к нему я еще и тени сомнения не имею насчет его чистоты действий и расположения ко мне...» В другом письме: «Я полюбил его от всего сердца, как истинного русского. Благодарение Господу, что наконец Он послал к нам такого человека. Молю и не перестану молить Бога, чтобы Он продолил его жизнь и помог ему исполнить все, что он желает... Я обещался писать ему при всяком случае и исполню»⁸⁷. Сразу же между светским и духовным деятелями установились доверительные, сердечные отношения, которые стали залогом успешных преобразований на крайнем Востоке Сибири в интересах России.

Многие письма святителя генерал-губернатору Муравьеву историк ранее опубликовал или процитировал в биографии. Выделим лишь некоторые малоизвестные сюжеты. Как участник решения Амурского вопроса и заключения Айгунского договора о границе с Китаем архиепископ Иннокентий был представлен Н.Н. Муравьевым к ордену святого Владимира. Узнав об этом из Синода, решавшим вопросы награждения духовных лиц, Иннокентий исходатайствовал замену ордена крестиком на клубок. Такой наградой — алмазным крестом на клубок — он и был отмечен императором. Отвечая Муравьеву на поздравление с наградой, архиепископ написал, что «очень доволен; она та самая, которую я желал; она, по моему, и приличнее, и виднее, и красивее, чем орден; а между тем, и выгоднее для моего кармана (ибо я не только не плачу 180 рублей, но еще получил вещь, стоящую 1409 рублей серебром), а главное менее будет завистников»⁸⁸. Последнее его особенно тревожило, так как он знал, что священнослужители исключительно редко награждались высокой наградой и искренно считал себя недостойным этого ордена.

В начале 1859 года граф Муравьев получил из Якутска письмо владыки, в котором он просил его приказать кому следует доставить двух священников — выпускников Новоархангельской духовной семинарии — на Амур, к месту службы на каких-либо казенных баржах, чтобы сэкономить прогонные деньги. «Люд они небогатый; всякая лишняя копейка пригодится им на обзаведение на месте»⁸⁹. В 1868 году в ответе на письмо графа Муравьева-Амурского Гавриил Ива-

нович по поручению митрополита Московского написал, что владыка искренне благодарит графа и его супругу за память и расположение к нему. «Что говорит Москва в настоящее время о своем новом Владыке, определенно сказать трудно, — писал он. — До меня доходят разные слухи, которые можно выразить так: белое духовенство за Владыку, а черное — против. То же можно сказать относительно аристократии и купечества». Далее идет небольшой абзац, который без письма Муравьева расшифровать не удастся: «В двух вопросах (о которых Владыка никому не писал) он так далеко зашел, что воротиться назад уже невозможно. Здоровье Его Высокопреосвященства, славу Богу, хорошо, но зрение слабеет сильно. По уведомлению докторов у него катаракта». В конце письма митрополит собственноручно написал: «Простите Бога ради, что не пишу сам. Примите уверение, что я тот же в отношении к Вашему Сиятельству, что был прежде. Преданный Вам Иннокентий, митрополит Московский»⁹⁰. Очевидно, это послание стало последней точкой в многолетней переписке двух замечательных личностей, которые подружились на Амуре и много там потрудились на благо России.

В круг адресатов святителя входил и Н.Д. Свербеев — чиновник особых поручений по дипломатической части при генерал-губернаторе, участник сплавов по Амуру, хорошо образованный молодой человек, к которому Иннокентий питал теплые дружеские чувства. В одном из писем из Якутска святитель высказал Н.Д. Свербееву беспокойство по поводу неудачного начала деятельности Амурской компании — торгового предприятия, с которым связывались большие надежды. Он с болью писал, что корабли пришли на Амур на два месяца позже намеченного срока, один из них разбился в Де-Кастри, на Амуре сгорела баржа с грузом, не сложились отношения начальника компании с местными чиновниками. «А жаль, очень жаль особенно нам, приамурцам, что так плохо начинаются дела нашей компании. Все это доказывает, что мы, русские, ничего еще не умеем делать, — нам надобно начать с азов... А между тем толчок, данный преобразователем России, отуманил наши головы, и мы думаем, что мы уже звезды хватаем»⁹¹.

С известным семейством Шереметевых Иннокентий познакомился еще в первый приезд в Петербург и Москву в конце 1830-х годов. С тех пор он находился в регулярной переписке с баронессой Е.С. Дёлер (урожденная Шереметева). В конце 1850—1860-х годов владыка вел интенсивную переписку с доверенным лицом Г.М. Корниловым о приобретении и посылке икон, богословских книг, разнообразной утвари для церквей Камчатки, Якутска и Амура. Среди адресатов Иннокентия были легендарные мореплаватели, исследователи, первопроходцы — Ф.П. Литке, А.С. Норов, В.С. Завойко и другие. Корреспонденция святителя светским лицам наглядно иллюстрирует его широкий диапазон интересов, связанных с освоением дальневосточных земель.

Приведенные в книгах письма святителя Иннокентия своим детям, а у него было их шесть человек: два сына — Иннокентий и Гавриил и четыре дочери — Екатерина, Ольга, Прасковья и Фекла, убедительно дополняют его привлекательный нравственный образ. Письма проникнуты трогательной отеческой заботой о детях, их будущем, скорбью об их ошибках и утратах, горестными чувствами о старшем сыне Иннокентии. Благодаря заботам отца сыновья окончили духовные семинарии, а дочери получили образование и воспитание в одном из перворазрядных закрытых женских учебно-воспитательных заведений Петербурга — Патриотическом институте. Личная жизнь их сложилась по-разному. Младшая дочь Фекла, как и до нее сестры, училась в Патриотическом институте в Петербурге и оставалась одна без родных. Побывавший в столице по миссионерским делам Гавриил Иванович, вернувшись на Амур, рассказал отцу о встрече с сестрой, а также передал ее письмо. В ответ Иннокентий из Аянского порта в начале июля 1849 года написал «милрой Кушаньке» откровенное послание, стремясь повлиять на ее тревожащее отца поведение. «Теперешнее твое состояние, можно сказать, самое счастливое, — писал он. — Теперь тебе все предметы света кажутся не иначе как в розовом цвете, и ты мечтаешь о вешдашнем, непрерывном счастии. Увы! Все это обман. Божье слово говорит: весь мир во зле лежит; многими скорбями

надлежит нам дойти и доходить до надлежащей нам цели... Геня мне рассказал, что ты не совсем прилежно учишься и шибко важничаешь, ведешь себя как баронесса... Советую и прошу тебя не важничай и веди себя проще и будь со всеми ласкова. Кто гордится, тот показывает, что он глуп. Умные люди никогда не гордятся и не важничают, и притом Бог знает, кем ты будешь в свете. Графиней тебе не бывать; не быть тебе и богатой, потому что я приданого тебе дать не могу. Кушанька, моя милая, утешь меня. Учись хорошенько, молись Богу усерднее и перестань важничать и гордиться. И часто не сердись. Удерживай твою вспыльчивость, иначе худо тебе будет потом»⁹². Впоследствии Фекла вышла замуж за священника и поселилась в Петергофе.

Старшая же дочь Екатерина жила вблизи отца. Она была замужем за священником И.И. Петелиным, который служил на Аляске, в Аяне, в Мариинске. У них было четверо детей, «очень умных и здоровых». Семья сильно нуждалась и еле-еле сводила концы с концами. Святитель по возможности помогал ей.

Узнав из письма дочери Прасковьи о ее намерении идти в монастырь, отец написал ей о своем благословении. «Прекрасно ты говоришь, что ты «хочешь идти в монастырь для спасения души», что желала бы молиться Богу с душою, которая могла бы гореть любовью к Нему... Приятно и утешительно слышать такие речи, если они и не твои, а чужие... Но я скажу тебе, что исполнение этого желания есть верх совершенства христианина, и очень, очень немногие достигают этого. О, если бы ты достигла хотя бы до половины, даже сотой доли твоего желания, ты была бы счастливейшая»⁹³. Избранный монашеский путь давался Прасковье с трудом. В письмах к отцу она откровенно рассказывала о своих сомнениях, душевных переживаниях, просила совета и наставлений. «В минуты твоих сердечных нестроений или искушений, — просил святой Иннокентий дочь, — пиши ко мне; пиши ко мне, если можно, хотя бы каждый день, и всю историю твоего сердца... С любовью и радостью буду получать и читать твои письма и по силам буду отвечать тебе. Будь терпелива и мужественна, молись о себе и об отце твоём»⁹⁴.

18 июня 1851 года, став монахиней, Прасковья приняла имя Поликсены и обитала в Тихвинском монастыре.

В конце 1853 года Иннокентий пережил семейную утрату — скончалась дочь Ольга, бывшая жена петербургского священника. Узнав, что Поликсена по завещанию сестры Ольги получила 1000 рублей серебром, отец написал ей: «Значит, ты теперь богаче меня... Куда тебе столько денег? А между тем сестра твоя Катя обременена семейством, и муж ее нездоров, а денег у нее нет»⁹⁵. Он посоветовал Поликсене, если она хочет стать истинною монахиней, разделить деньги: половину передать Кате, а другую половину — брату Иннокентию. О непутевом старшем сыне, который доставил немало горестных переживаний, владыка несколько лет переживал сильную отцовскую скорбь. Ведя беспорядочную и праздную жизнь, тот был осужден и одно время даже сидел в тюрьме. Отец отрекся от сына, но продолжал оказывать ему материальную помощь. По поводу сына ему пришлось объясняться с Н.Н. Муравьевым. Генерал-губернатор получил прошение от мещанина Иннокентия Вениаминова из Нарынского края с прошением о жительстве в Приамурском крае. Муравьев обратился к епископу с письмом за советом. С горечью и глубокой болью отец ответил, что каждый год на его содержание он отправляет 200 рублей и сын Гавриил Иванович — 25—50 рублей. А между тем Иннокентий умеет писать иконы. «Надобно полагать, что не край и не способы проживания заставляют его переменить место, а скука, происходящая от праздности и беспорядочной жизни»⁹⁶. Ответ отца был отрицательным.

Выполняя свое обещание, святитель-отец не оставлял ни одного послания Поликсены без ответа, несмотря на большую занятость. Его письма, содержавшие сведения о жизни сестер и брата Гавриила, способствовали поддержанию родственных отношений в семье. Так, в январе 1863 года он написал Поликсене: «Моя возлюбленная, я всегда тебя поминаю и нередко вспоминаю. Но я не писал тебе потому, что был большею частью в разъездах... Сестра твоя Катя здорова, обременена детьми, двух дочерей отдала уже замуж: одну за духовного, а другую за военного, и на руках еще две дочери.

Брат твой Гавриил теперь живет со мною в Благовещенске, здоров, а также и вся его семья. У него два сына и кто-то еще родится... Я, славу Богу, на здоровье на свое еще не могу жаловаться, хотя мне вот уже 65 лет от роду... В прошедшем году я был в дороге... год и 13 дней».

В лице Гавриила Ивановича святитель имел единомышленника и незаменимого помощника. Он стал первым амурским миссионером и около десяти лет усердно обращал живущих в низовьях Амура гольдов в христианскую веру. В письмах к нему отец никогда не забывал о его жене, о своей единственной невестке. «Милые, любезные, уважаемые мною, дети мои, Геня и Катя!» — так нередко он обращался к ним. В письмах сыну Иннокентий наряду с миссионерскими делами давал советы и о воспитании появившегося у них первенца. «Не менее тебя я радуюсь и благодарю Господа за Ваню... О будущей его судьбе рано еще думать. Теперь заботься только о лучшем воспитании его и неослабном надзоре, дабы он не видел и не слышал худых слов и примеров»⁹⁷. Для ослепшего митрополита сын Гавриил Иванович — протоиерей Новодевичьего монастыря — стал надежным его помощником, секретарем и поводырем. Он умер через год после кончины святителя, в 1880 году.

Письма владыки своим детям раскрывают его педагогические взгляды, позволяют почувствовать его сердечную, ласковую заботливость. Он готовил их к суровой действительности жизни, о чем искренне, с болью в душе писал в письмах дочерям-бесприданницам.

По объективным обстоятельствам собранная и опубликованная И.П. Барсуковым коллекция писем владыки Иннокентия не являлась полной. Однако по значительности ее объема — около 630 писем, по ее полувековой продолжительности, по разнообразию корреспондентов, актуальности тематики, связанной с решением Амурского вопроса, с присоединением и освоением огромной территории Приамурья и Приморья, наконец, по особенностям стиля и языка эта коллекция, безусловно, обогатила эпистолярное наследие России XIX века. Она придала ему своеобразную читательскую привлекательность и познавательность. Благодаря ей

российская историческая наука смогла нарастить, увеличить свой первоисточниковый ресурс, которым широко пользуются исследователи XXI века.

Завершая главу, в которой сжато воспроизведен сотворенный И.П. Барсуковым образ святителя Иннокентия (Вениаминова), уместно сделать несколько обобщений. Создание семикнижного издания «Иннокентий — митрополит Московский и Коломенский», состоявшего из книги о жизнеописании святителя, трех книг «Творения» и трех книг «Письма», стало главным делом историка и археографа И.П. Барсукова, которому он посвятил четверть века (1876—1901). Историческая заслуга историка, его личный подвиг состояли в том, что он, почувствовав и осознав масштабность, значимость и уникальность личности владыки, первым, по собственной инициативе составил биографию, а затем подготовил к изданию его письменное наследие. С этой целью Барсуков провел огромную кропотливую поисковую собирательную работу по формированию иннокентьевского архива, ставшего источниковой основой для написания биографии и издания письменного наследия святителя Иннокентия. При этом удалось сберечь многие документы и свидетельства от исчезновения и гибели, сохранить их для потомков.

Автор представил современного апостола Иннокентия российскому читателю во всей своей простоте и скромности, во всем величии и народности, в главных своих ипостасях — как миссионера Аляски и российского Дальнего Востока, архиепископа Камчатского, митрополита Московского и Коломенского.

Широко освещена миссионерская деятельность Иннокентия, в основе которой лежала любовь к ближнему («любовь созидает»), терпимость, отказ от национализма и насилия. Двадцатилетнее миссионерское служение владыки в Русской Америке, сопровождавшееся созданием алеутско-лисьевской письменности и перевода на алеутский язык ряда священных православных книг, привлекло пристальное внимание американских миссионеров, из среды которых вышла книга об апостольской миссии святителя на Аляске.

В произведениях святителя содержатся важные сведения об Алеутских островах, Аляске и освоении их русскими. С именем Иннокентия (Вениаминова) навсегда связаны перевод священных книг на якутский язык и проведенное им первое богослужение на якутском языке в Якутске. Владыка и его сын Гавриил Иванович стали первыми православными миссионерами, принесшими свет православия язычникам Приамурья и Приморья. Венцом миссионерства Иннокентия стало создание Православного миссионерского общества (1870) — первого подобного общества в России на тех принципах и основах, которые были проверены в ходе его апостольского подвижничества.

Большую часть жизни и службы владыка провел на крайнем Востоке России. Она совпала со временем энергичной деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева по утверждению российской государственности на дальневосточной земле. Полностью разделяя преобразовательские планы генерал-губернатора, архиепископ Иннокентий встал в первые ряды его сподвижников и соратников, участвовал в двух сплавах по Амуру и в процессе заключения российско-китайского договора о границе. Под его руководством и при личном участии в Приамурье и Приморье появляются храмы, церкви, часовни, в которых ведется богослужение, совершаются требы, отмечаются православные праздничные дни. Утверждение православия явилось залогом укоренения здесь тысяч переселенцев — крестьян, казаков из Сибири и Забайкалья.

Десятилетнее пасторское служение Иннокентия митрополитом Московским и Коломенским состояло в управлении церковнослужителями, церквами, монастырями, духовными учебными заведениями и было отмечено крупными архиерейскими трудами. С целью облегчения нужд духовенства, особо нуждавшегося сельского, по инициативе митрополита вводится новое пособие, открываются общины и новые училища для детей из семей духовного сословия, устроена обитель для призрения бедных и одиноких.

Предметом особой его заботы, как и прежде, являлось просвещение юношества, повышение уровня духовного

образования и воспитания. Крупными мазками показана деятельность митрополита как члена Святейшего Синода — высшего государственного органа в России, ведавшего делами православной церкви. Как приверженец соборного устройства Русской православной церкви и реформирования Синода Иннокентий не нашел поддержки. На посту председателя Православного миссионерского общества он много сделал для организационного и финансового укрепления и распространения его идей. Подчеркнуто взаимодействие с церковью в Северной Америке и с Российской духовной миссией в Японии. На основе личных наблюдений Барсуков касался и душевных переживаний митрополита, связанных с усиливавшейся с каждым годом слепотой.

В целом владыка Иннокентий представлен самобытной, разносторонней, одаренной Провидением и природой личностью, которой под силу были исследования в богословии, этнологии, географии, лингвистике. Архипастырь — «не последний по любви к Отечеству» — выдвинул немало важных идей о государственном освоении российского Дальнего Востока.

Барсуковское издание раскрыло феномен превращения Иоанна Попова — сына безвестного сибирского пономаря — в выдающегося иерарха Русской православной церкви, причисленного во второй половине XX века к лику святых.

В третьей книге «Письма», вышедшей уже в начале XX века и завершавшей огромный труд И.П. Барсукова о митрополите Иннокентии и одновременно и активную творческую деятельность автора, имеется небольшое заключение. В нем сформулирована мысль о том, что жизнь русских святителей слита с жизнью народа, и, следовательно, и память о них должна быть священной для потомства. Он выразил надежду на то, что память о преосвященном Иннокентии будет долго жить в России, и в этом, он надеялся, поможет его труд.

4. Милость графа С.Д. Шереметева и житейские невзгоды

С выходом книги-биографии святителя Иннокентия в 1883 году в жизни И.П. Барсукова и его семьи произошли важные перемены. Он стал служить в Странноприимном доме князя Н.П. Шереметева близ Сухареvской площади⁹⁸. Письма братьям и жене Анне Михайловне позволяют реконструировать в общих чертах это десятилетие его жизни и службы в знаменитой богадельни Москвы.

Отправляясь на службу в банк и проходя мимо дома Шереметева, Иван Платонович не переставал восхищаться его необычностью и великолепием. Он напоминал чудесную сказочную птицу, расправившую свои крылья, готовую вот-вот оторваться от земли и взлететь в небеса. Среди многочисленных барских усадеб Москвы дом выделялся размерами и изысканностью. Конечно, Барсуков знал трогательную историю его создания, согласно которой идея постройки дома принадлежала возлюбленной князя Н.П. Шереметева, крепостной актрисе Прасковье Ивановне Ковалевой-Жемчуговой (1768—1803), вышедшей замуж за мецената и покровителя искусств и родившей ему сына. Ранняя смерть любимой жены стала для князя побудительным мотивом превратить дом в своеобразный памятник ей. Официально открытый в 1810 году дом, который стал именоваться Странноприимным (т. е. принимающим странников, бродяг, бездомных), с самого начала являлся приютом для больных и бедных людей,

первой богадельней Москвы. Поначалу некоторые москвичи это воспринимали как прихоть и чудачество богатого барина и предрекали богадельне короткий век. Время шло, а приют для обездоленных и несчастных, благодаря заботам потомков князя, продолжал существовать.

Надо сказать, что Иван Платонович без восторга согласился служить в Странноприимном доме. Жалованье в 600 рублей в год более чем скромное. Его смущала и должность — помощник главного смотрителя Дома. С другой стороны, при отсутствии других вариантов предоставление жилья и медицинского обслуживания для многодетной семьи являлось несомненным благом. К тому же служба в Доме имела государственный статус, что давало надежду в дальнейшем при определенных условиях получить пенсию.

Немаловажным обстоятельством стало и то, что с 1871 года Дом находился под попечительством внука князя Н.П. Шереметева — графа Сергея Дмитриевича, известного в высшем свете как очень богатый человек, историк, автор многочисленных статей и книг, издатель памятников древней письменности и благотворитель. Для выполнения своих творческих заказов и проектов граф обладал способностью находить одаренных, исключительно работоспособных авторов без особых претензий. Так, с начала 1880-х годов старший Барсуков — Николай Платонович — являлся редактором, а граф — издателем многотомного Полного собрания сочинений князя П.А. Вяземского, внука и наследника которого графиня Екатерина Павловна была замужем за Сергеем Дмитриевичем. Одновременно Александр Платонович Барсуков создавал обширное многотомное историческое сочинение, посвященное предкам стародавной фамилии России «Род Шереметевых».

Испытывая большие сомнения, Иван написал братьям: «Если бы я не был так очарован графиней и не сочувствовал бы стремлениям по поддержке и процветанию Странноприимного дома, я бы положительно отказался от этой службы»⁹⁹. Приказом по министерству внутренних дел от 9 января 1885 года И.П. Барсуков был утвержден в должности первого помощника главного смотрителя Странноприимного дома в

*Странноприимный дом князя Н.П. Шереметева в Москве.
Ныне — научно-исследовательский институт им. Склифосовского*

Москве 1 июля 1884 года¹⁰⁰. В Петербург братьям пошло сообщение о том, что теперь вместо банка Иван Платонович ходит на службу в канцелярию приюта, а семья, состоявшая из шести человек, переехала в Дом и заняла большую квартиру. Воодушевленный ласковым обращением графа, перекрестившись, Иван Платонович принялся за новое дело с душевным рвением. Главным смотрителем богадельни, фактически ее управляющим уже несколько лет являлся Борис Сергеевич Шереметев — старейший в роде, племянник графа, принадлежавший к нетитулованной части рода Шереметевых. Барсуков находился в непосредственном его подчинении.

Знакомясь с внутренней жизнью приюта, Барсуков обнаружил его плотную заселенность. В богадельне проживали более ста человек (срок проживания ограничивался годом), в стационарной больнице лечились до 100 пациентов, в отделении для приходящих больных из-за большого их наплыва прием был ограничен до 150 человек в день. Гордость Дома составляла медицинская помощь нескольким десяткам раненых солдат, участникам Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Для больных воинов здесь были зарезервирова-

ны специальные бараки. Больница Странноприимного дома имела тесные связи с медицинским факультетом Московского университета, его профессура практиковала в богадельне, которая служила практической базой для подготовки студентов медицинского факультета¹⁰¹. Вслед за хирургической клиникой Н.В. Склифосовского в операционной Дома стали проводиться полостные операции. О Странноприимном доме в Москве все чаще говорили как о доступной, «беднежной» Шереметевской больнице.

Другое назначение Дома — помогать бедным, нищим, обездоленным людям — оставалось традиционным. Существовало до десятка видов пособий, в том числе выдача приданного бедным невестам и сиротам, выходящим замуж, выкуп заключенных за мелкие долги, пособия для обедневших ремесленников и т. д. Эта часть деятельности богадельни особо интересовала Ивана Платоновича, поскольку в его ведении находилась касса денежных средств Дома. Имелась церковь Живоначальной Троицы со священником, диаконом, причетниками, певчими и регентом, а также библиотека, созданная врачами и служащими. В обслуживающий персонал входили несколько десятков человек: главный врач, лекари, фельдшеры, аптекарь, служащие канцелярии и бухгалтерии, повара, прачки и т. д. Вообще, Странноприимный дом не только в Москве, но и в России в целом представлял собой крупное благотворительно-медицинское учреждение, признанное императорской властью.

Идеи и дело милосердия для Ивана Платоновича — православного русского человека — были близки и понятны. Он с энтузиазмом взялся за дело. «Я в настоящее время положительно не имею свободной минуты. Так все запущено в Странноприимном доме, просто голова кругом идет»¹⁰², — признавался он братьям.

Иван Платонович был очарован графом, прежде всего его личностными качествами, его щедростью и благотворительной деятельностью. Вот граф пожертвовал 100 тысяч рублей на учрежденный предками Странноприимный дом, вот он дарит Барсукову доход с издания «Творения Иннокентия». Какой прекрасный и сердечный человек! — восторгается

Граф С.Д. Шереметев (1844—1918)

Барсуков. Но спустя время подмечает, что граф «страшно изменчив и непостоянен».

Высокий, стройный, умеющий поддержать беседу, тактичный, со светскими манерами Иван Платонович нравился графу С.Д. Шереметеву, и он постепенно приблизил его к себе и своей семье. Письма Ивана к братьям в эти годы полны рассказами о проведенном времени вместе с графом. То в Наугловом доме на Воздвиженке в Москве в присутствии графини и по желанию графа он читает «прекрасно и тепло написанное» предисловие к пятой книге А.П. Барсукова «Род Шереметевых», то в подмосковном имении Кусково по вечерам он знакомит графа и его сыновей Дмитрия и Бориса с только что написанными главами своей будущей книги «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский». Описываются приятные путешествия по многочисленным графским усадьбам, участие в приемах, устраиваемых в Кусково. Вот лишь несколько выдержек на тему «граф и я» из писем Ивана 1884—1888 го-

дов. «Когда же вы приедете ко мне в Кусково? У меня очень хорошо». «Вчера я обедал у графа Сергея Дмитриевича. Он был очаровательно хорош со мною». «Был у графа, который принял меня радушно, просидел у него вечер». «Граф был у меня в квартире, но я был в библиотеке Дома, а Анна не смогла принять его, так как болела недавно родившаяся дочка». «Меня почти никогда не бывает дома: я часто езжу в Кусково...» Сообщает об участии в праздновании дня ангела графа. «Провел время очень весело». Восторгается литургией, выступлением хора Чудова монастыря, подарками, приводит меню праздничного обеда: ботвинья, лососина разварная, спаржа с голландским соусом, желе с фруктами и мороженое.

Как доверенное лицо графа Иван Платонович был приглашен на бал Российского дворянского собрания в Москве, состоявшийся 31 января 1887 года. По словам Барсукова, он там «лицезрел лорда Черчилля и его леди, которая очаровала его своей красотой и манерами» (вполне возможно, что это был лорд Р. Черчилль, известный английский политик, депутат палаты общин, отец Уинстона Черчилля — с женой). «На балу графиня Екатерина Павловна была также очень эффектна, а на ее бриллианты засматривался сам лорд, так как на леди была только одна бриллиантовая звезда на голове. У графини же вся шея и грудь были усыпаны бриллиантами». Перечисляются фамилии аристократов, присутствовавших на балу. И завершающим аккордом этого рассказа — «с графиней М.В. Мусиной-Пушкиной я прошелся по зале под руку»¹⁰³. Возможно, в тот момент Ивану Платоновичу казалось, что жизнь вполне удалась.

Высшим проявлением доверия графа Шереметева к Барсукову стало приглашение его на праздник и прием с участием императора Александра III. В январе 1884 года на Фонтанке, в петербургском дворце графа С.Д. Шереметева — флигель-адъютанта императора Александра III — состоялся домашний детский спектакль, зрителями которого стали император с супругой Марией Федоровной, великие князья Николай Александрович, Георгий Александрович и великая княгиня Ксения Александровна. Иван Платонович был очарован самим императором и его семейством.

Иван Федорович Горбунов — артист, писатель.

Ф.И. Шаляпин его называл «образцом великого художника»,
который движением лиц и глаз и жестом умел рисовать целые картины

Через два года, в 1886-м, И.П. Барсуков вновь оказался среди приглашенных на прием, устроенный графом для императора с семейством в знаменитом старинном подмосковном имении Кусково. Продолжительный прием прошел блестяще с демонстрацией роскошного убранства дворца, а также всемилостивейших знаков внимания царей и императоров к роду Шереметевых, электрической иллюминацией, фейерверками и фонтанами. На встрече выступил популярный в то время, талантливый актер устного рассказа И.Ф. Горбунов с миниатюрой «Земское собрание». В хоровом исполнении прозвучали старинные русские песни, в том числе «Вниз по матушке по Волге». В заключение приема император, обращаясь к императрице, произнес: «Такого вечера у нас в Крыму не было».

Александр Платонович Барсуков

Позднее Иван Платонович написал, но не опубликовал записки «Из моих воспоминаний об императоре Александре III», в которых он выразил свое восхищение императором, его «русскостью». «Любовь его ко всему русскому просвечивалась во всех его действиях. С каким удовольствием он слушал русские песни... Его идеально образцовая семейственность влекла в семейную обстановку»¹⁰⁴. Барсуков подчеркнул высокое покровительство Государя науке вообще и истории в особенности, его милостивое поощрение всего, что могло бы повести к более точному изучению истории Отечества. Много лет спустя, упоминая в своих мемуарах посещение Александром III вместе с семейством имения в селе Кусково, граф С.Д. Шереметев как-то между прочим, небрежно вспомнил «одного из зрителей». «Трудно мне описать

Император Александр III (1845—1894)

подробности этого дня, и притом на расстоянии стольких лет. Тогда же И.П. Барсуков, один из зрителей, составил все-му обстоятельное описание с точностью камер-фурьерского журнала»¹⁰⁵. Заметим, что это было единственное упоминание имени И.П. Барсукова в мемуарах.

Близость к графу, к его семье, тесное общение с ними, очевидно, создавали у Барсукова иллюзию собственной важности и значимости в обществе. Он чувствовал себя не служащим богадельни, а автором известных книг, признанных и высоко оцененных в обществе.

Современники старших братьев отмечали, что и Николай Платонович, и Александр Платонович любили общение с древними дворянскими родами, вращались в кругу представителей русских дворянских фамилий, сохранявших tradi-

ции далекого прошлого — Вяземских и Шереметевых. Думается, это не было раболепием, заискиванием перед сильными и богатыми аристократами, а скорее являлось проявлением генетического кода дворянства — служить верой и правдой царю и его окружению, выражением вассалитетного менталитета дворян. При этом в кругу аристократии они нередко встречали своим талантам сочувствие и поддержку, в том числе и материальную.

Среди обитателей Странноприимного дома находилось несколько привилегированных жильцов. Один из них — П.В. Шумахер, которого Барсуков и устраивал на жительство. Ему была предоставлена солнечная комната, где стояла новая мебель — прекрасная кровать, кресла, мраморный умывальник и даже молодой человек для услужения. «Явился Иван Платонович Барсуков и отнесся ко мне с особым вниманием, предлагал исполнить все мои желания и требования по части устройства комнаты»¹⁰⁶, — написал Шумахер своей покровительнице. За сгорбленными плечами старого больного одинокого человека была необыкновенная жизнь, которая «всякому бы показалась чем-то сказочным, неслыханным и прямо невозможным», — считал Барсуков.

Активный участник Амурской эпопеи Петр Васильевич с сердечным сочувствием отнесся к написанию Барсуковым биографии графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Несмотря на разницу лет, они подружились. Рассказы старого амурца погружали Барсукова в атмосферу времени, когда Н.Н. Муравьев разбудил Восточную Сибирь и увлек тысячи офицеров, солдат, крестьян и казаков в движение к Тихому океану.

Анна Михайловна заботливо опекала Петра Васильевича, посылала ему то удавшийся торт, то соус, то блины. А он слал «чудесной, милой, доброй Анне Михайловне» записочки с благодарностью. Довелось Ивану Платоновичу распоряжаться похоронами П.В. Шумахера, ушедшего в лучший мир 11 мая 1891 года, но успевшего высказать свои восторги автору о только что вышедшей книге о графе Н.Н. Муравье-ве-Амурском. П.В. Шумахер был погребен на кладбище в Кусково. Позже о необыкновенном человеке Барсуков написал заметки, которые остались неопубликованными. «Мне не

Библиотека Странноприимного дома. В глубине — И.П. Барсуков.
На фото его рукой написано: «Без чтения книг заживо могила»

встречался в жизни собеседник, равный П.В. Шумахеру по занимательности, начитанности и тонкому остроумию»¹⁰⁷, — утверждал он.

Иногда к Ивану Платоновичу обращались знакомые с ходатайствами об устройстве того или иного одинокого человека на жительство в Доме. Так, к нему обратился внук святителя Иннокентия — Иоанн Вениаминов, служивший в Ковно священником, с письмом. «Чувство христианского братолюбия заставляет меня пренебречь чувством щепетильности. Не найдете ли возможным замолвить при случае графу Сергею Дмитриевичу о мне и моей просьбе устроить 60-летнюю вдову в Странноприимный дом. Я знаю ее лично и могу рекомендовать как достойное такой милости лицо»¹⁰⁸. Конечно, несчастная вдова нашла приют в Шереметевской богадельне.

Судя по всему, отношения Ивана Платоновича со своим непосредственным начальником — главным смотрителем Дома Борисом Сергеевичем — оставляли желать лучшего. По

этому поводу между Иваном Платоновичем и графом состоялся большой разговор. Об этом он написал брату Николаю. Граф «...намылил мне голову относительно моей слабости в отношении к Борису Сергеевичу и представил мне в пример тактичности в обращении тебя и Сашу. Когда же я возразил ему на это, что братья мои действительно несравнимо тактичнее меня, но они Борису Сергеевичу посторонние, гости, следовательно, им это легче дается. А я подчиненный. На это граф мне ответил: Вы несколько не подчинены ему, он не может Вас уволить от службы, следовательно, Вы должны быть самостоятельны относительно его». О тяготах своей службы Иван в письме написал: «Тяжело, очень тяжело иметь дело с дядей и племянником. Ради бога, заступись за меня, как только можешь. Я служу верою и правдою графу и ни за какие тысячи не променяю его ни на кого другого, так как никогда не вылезу из Странноприимного дома. Одним словом, лучше служить я не могу, а лучше меня служить никто не может»¹⁰⁹.

Равнодушное отношение главного смотрителя к делам приюта, безделье вызывали к нему неприятие Барсукова. Из письма братьям: «За последнее время Борис Сергеевич, который сидья сидит на своей террасе и пьет ведрами кахетинское и всех угощает, а долги его растут и растут». Когда у Ивана Платоновича появилась надобность на неделю по делам уехать в деревню, он просит об отпуске не у своего непосредственного начальника, а обращается к Николаю Платоновичу, чтобы он испросил у графа на это разрешение. От очарования, которое он испытывал ранее к Борису Сергеевичу, посвятив ему свой труд об Иннокентии, теперь не осталось и следа.

Горестные раздумья о своем зависимом положении И.П. Барсуков изложил в большом письме Николаю Платоновичу (январь 1889 г.). Он писал, что граф Сергей Дмитриевич забыл его, как приехал в Михайловское, не написал ему ни единой строчки и не пригласил к себе по приезду в Москву, как бывало прежде: «А мы его Дом на своих плечах везем (в данном контексте «мы» — это «я». — Н.Д.). Жизнь бедного человека ужасна! В особенности, если бедный человек честно относится к своим служебным обязанностям. Долой правда, да здравствует подлость!»¹¹⁰.

Семья Ивана Платоновича продолжала пополняться. Анна Михайловна в Странноприимном доме родила троих детей — двоих сыновей Сергея и Михаила и дочку Аполлинарию, которая появилась на свет слабенькой и через год умерла. Остальные повзрослели, были здоровы, благополучно переходили из класса в класс. Об успехах детей в учебе Иван Платонович с радостью писал братьям. Так, весной 1890 года он сообщал, что Борис зачислен во второй класс с похвальным листом, Евгения окончила учебный год с похвальной грамотой, Зина же перешла в последний класс одною из первых учениц, в следующем году она окончила гимназию с золотой медалью. По этому случаю Александр Платонович поздравил племянницу душевным письмом. Поблагодарив брата, Иван написал, что три раза перечитал письмо и никогда не забудет его содержания, в котором столько ума и сердечной теплоты.

Как-то Александр Платонович получил от племянницы Зинаиды письмо и посылку с лекцией В.О. Ключевского «Добрые люди Древней Руси», прочитанной им в аудитории исторического музея в пользу пострадавших от неурожая. Среди «добрых людей» В.О. Ключевский назвал и предка З.И. Барсуковой по материнской линии государственного и культурного деятеля XVII века Ф.М. Ртищева. «Аудитория была полна, — писала Зина о впечатлении. — В.О. Ключевский — один из наиболее любимых профессоров, читал превосходно, лекция была полна глубокого чувства и произвела сильное впечатление на аудиторию. Я уверена, что многие после этой лекции вышли гораздо более хорошими, чем были до лекции. Примеры таких людей возбуждают желание быть такими же и напоминают нам о несчастных братьях. И как прекрасно закончил профессор Ключевский свою лекцию: «Жить — значит любить ближнего, т. е. помогать ему жить, больше ничего не значит жить и больше не для чего жить»¹¹¹.

После окончания гимназии Зина устроилась в университет корректором. В одном из писем Барсукову (11 апреля 1891 г.) Ключевский между прочим написал, что он «в бумажном долгу перед Вашей дочерью» и пользуется случаем, чтобы уплатить этот долг, и просит передать «моему доброму кредитору прилагаемые при сем две статьи»¹¹².

Старший сын Александр, которому в 1889 году исполнилось 20 лет, активно переписывался с петербургскими дядями. С малых лет он поздравлял их с днем ангела и крупными религиозными праздниками. Кстати, это делали все дети, как только овладевали письмом. Александра интересовали книги Николая Платоновича, он их читал и сообщал свои впечатления автору. «На днях я прочел третью книгу Вашего Погодина, от которой я прямо в восхищении»¹¹³. В другом письме он писал: «Зная, что Вы большой охотник до старины, я посылаю в дар Вашей библиотеке случайно приобретенные мною исторические документы за весьма дешевую цену. Из них — один конца прошлого столетия, а другие два — начала XIX века». В постскриптуме он написал: «Ловко Вы отделали в газете «Новое время» своего глупого критика»¹¹⁴. Взрослые дети проявляли интерес к литературной деятельности отца и готовы были ему помогать.

В 1890-е годы в письмах Иван Платонович признавался, что здоровье его стало портиться, день хорошо, а два — плохо. Его все больше тревожили мысли о будущем детей, их образовании и месте в обществе. Как-то он откровенно написал братьям, что проживет еще лет десять, и добавил, что «надо позаботиться о детях»¹¹⁵.

Установившийся ритм семейной жизни нарушило известие о получении Анной Михайловной в наследство имения с центральным селом Яринским в Тверской губернии Калязинского уезда. Согласно официальным данным имение было небольшое, всего 255 десятин земли (свыше 260 гектаров) вместе с наделами крестьян двух деревенок. Отправившись в деревню, Иван Платонович прошел все имение пешком и остался доволен. Мечтавший остаток жизни провести в деревне среди природы, он был очарован Яринским. По его словам, «село до высшей степени уютное и какая-то Божья благодать над ним». Его душе стало спокойнее — теперь будет что завещать детям. К тому же «имение сильное, от которого в недалеком будущем можно ожидать большие доходы».

Историк до мозга костей, Иван Платонович решил воспроизвести историю села Яринского, которая уходила в глубь веков. В рукописном отделе Российской государственной библиотеки в черновом варианте сохранилась его рукопись

«Село Яринское Тверской губернии Калязинского уезда, старинная вотчина бояр Ртищевых с 1620 года по настоящее время (по выпискам из писцовых книг)», над которой он работал в начале 1890-х годов. Очевидно, возникшие большие неприятности и резкие перемены в жизни не позволили автору доработать рукопись и ее опубликовать. Тем не менее она имеет историографическое значение в контексте научной деятельности Ивана Платоновича Барсукова. Работа посвящена «жене Анне Михайловне Барсуковой, рожденной Ртищевой» и имеет эпиграф — стихи А. Жемчужникова, хорошо передающие тогдашние чувства автора.

За все, что есть в тебе, за все, что слышу, вижу,
За тихий твой простор, за красоту твою,
За то, что нет в тебе того, что ненавижу,
Родимый угол мой, тебя я так люблю.
Прими же ты меня под сень свою радушно!
Покой целительный дай сердцу и уму!
На людях, как в тюрьме, становится мне душно;
Мне хочется пожить на воле одному.

Подмосковное село Яринское, говорится в начале рукописи, расположено на почтовой дороге, ведущей в г. Углич, в 70 верстах от святой Троицкой Сергиевой лавры, в 35 верстах от Троицкого Макарьевского Калязинского православного монастыря, таким образом, почти в середине между двумя святынями, чтимыми православным народом, к которым ежегодно стекается масса богомольцев со всех концов России.

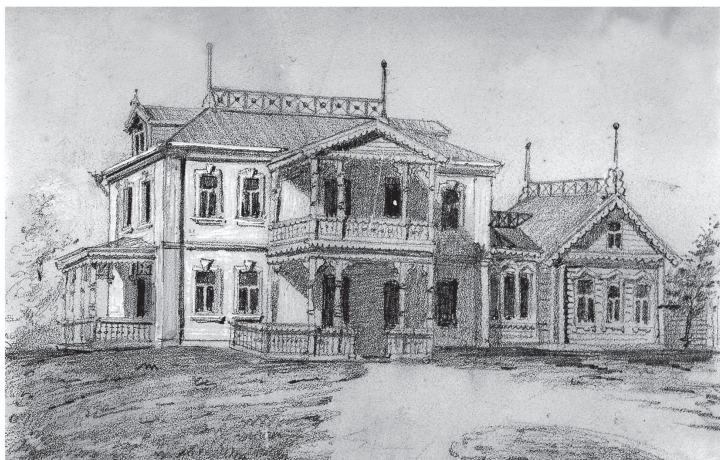
Приведен интересный сюжет о родоначальнике боярского рода Ртищевых. Их предок именитый муж Прокопий служил при великом князе Дмитрие Иоанновиче Донском. У него был сын Лев по прозвищу Широкий Рот. Потомки его — Ртищевы — служили российскому престолу стольниками. За честную ретивую службу они жалованы государями поместьями. Так, в царствование Михаила Федоровича — родоначальника царской династии Романовых — в Дмитриевских писцовых книгах упомянуто поместье Яринское боярина Степана Ртищева, которое затем перешло его сыну Дмитрию Степановичу. Ссылаясь на труды В.О. Ключевского и А.П. Барсукова, автор рукописи особо рассказал о владельце Яринского боярине Федоре Михайловиче Ртищеве (вторая

половина XVII века), который своими заботами о народном просвещении и щедрой благотворительностью снискал себе право на благодарную память потомков. Анализируя данные писцовых книг, автор выделяет годы упадка (войны, эпидемии) и расцвета села Яринского, доводит свое повествование до конца XIX века и заканчивает его следующей фразой: «В настоящее время, то есть с 14 июня 1891 года, село Яринское состоит во владении статского советника жены Анны Михайловны Барсуковой, рожденной Ртищевой».

Славная древняя история Яринского усилила желание его новых хозяев возродить имение, которое между собой называли Ярилино.

Братья не разделяли оптимизма и энтузиазма Ивана, считая Яринское журавлем в небе, синица же в руках его — это служба, которая кормит семью. Но решение Ивана о благоустройстве имения было непреклонным. Он заказывает архитектору проект многоквартирного дома в два этажа, который строится рядом со старым домом, приводит в порядок запущенный сад, сажает фруктовые деревья и розы. Находясь в отпуске, с пяти часов утра и до девяти вечера он трудится в поле и лесах, успевает сделать «очень много полезного». В письмах «милому и бесценному другу Анюте» в Москву, где она находилась с детьми, сдававшими экзамены, Иван Платонович подробно писал о своих занятиях хозяйством: каких рабочих и за какую плату нанял, какие деревья посадил, что посеял в поле и так далее. В некоторых письмах имеются приписки, обращенные к детям. «Милые и бесценные друзья мои Саша, Зина, Геня, Боря, Сережа и Миша, крепко вас целую и обнимаю, сердечно благодарю вас за ваше милое поздравление. Радуюсь, что Евгения и Борис хорошо сдают экзамены, и каждый день молюсь о вас Богу. Просите мамашу, чтобы поскорее приезжали в Яринское. У нас так хорошо, что просто рай земной».

В благоустройство Яринского Иван Платонович и Анна Михайловна, оказавшаяся замечательной хозяйкой, вложили немало своих душевных и физических сил и потрясающего усердия, благодаря которым село, по словам сына Саши, стало «прекрасной барской усадьбой». Спустя три года в письме братьям хозяин имения написал: «У меня весь сад

*Дом в селе Яринском Колязинского уезда Тверской губернии,
в котором И.П. Барсуков провел последние годы жизни.
Рисунок архитектора с дарственной надписью*

оделся зеленью. Сирень, черемуха цветут, соловьи поют...
Какая поэзия и сколько мечтаний бывало в прежние годы в
эту прелестную пору...»

Творческая работа, для которой Иван Платонович буквально урывал время, ограничивая себя в отдыхе и сне, еще более сплотила братьев, свидетельством чего является их интенсивная переписка, которая во многом носила характер обмена мнениями по научным проблемам. В письмах Николаю и Александру Иван благодарил их за дружеские наставления и советы, прислушивался к дружелюбным критическим замечаниям и интересным предложениям. Когда Иван Платонович в газете «Московские ведомости» прочитал заметку, содержащую, на его взгляд, несправедливую критику вышедшей книги Николая Платоновича, он тотчас отправил ему телеграмму: «Прочти в Московских 18 апреля». Братья обменивались книгами, газетами, оказывали друг другу раз-

личные услуги. Например, по просьбе Ивана Платоновича петербургские братья присылали копии архивных документов и материалов, брали на себя ответственную и кропотливую работу редактора и корректора.

Отличавшиеся друг от друга характерами, темпераментами, образом жизни, братья Барсуковы обладали единой фундаментальной личностной основой, состоявшей из христианских ценностей и дворянского кода жизни. Им были присущи исключительная работоспособность и порядочность. Трех братьев-историков, имевших общие творческие интересы, заключавшиеся в исследовании истории России, в течение десятилетий соединяла, объединяла тесная, сердечная связь, дружба и братство. Современники отмечали, что подобное братство редко можно встретить в жизни. В этой братской триаде патриархом, коренником, лидером, конечно же, являлся старший брат Николай Платонович, ставший известным историком, архивистом, археографом, автором крупных биографических трудов, к тому же большой души человек.

Современники не догадывались, что в течение десятилетий братья считали своим долгом оказывать материальную помощь имевшему многодетную семью Ивану Платоновичу. При этом сами жили на скромное жалованье, которое иногда дополняли гонорарами. Хотя ежемесячные денежные переводы в Москву составляли 30—50 рублей, они были той палочкой-выручалочкой, которая спасала многодетную семью в моменты отчаянного безденежья. «Вчера получил от тебя денежку, которая меня просто спасла. Очень, очень благодарен тебе и никогда не забуду твоего внимания ко мне»¹¹⁶ (из письма Ивана — Николаю Платоновичу). Когда однажды он получил перевод на 95 рублей, то написал старшему брату, что ему даже стало совестно получать такую щедрую помощь. Отмечая свое 50-летие, Иван Платонович признался братьям: «...Я не перестаю возбуждать вас к денежной помощи. Грустно, очень грустно. Это меня мучает и мучает до слез»¹¹⁷. И еще одно грустное признание: «Родных, которые искренне бы нас любили, у нас нет... Все мы живем врозь. Ограничиваемся только перепиской». Вместе с тем как никто другой братья умели радоваться творческим успехам друг друга, ста-

новились первыми рецензентами вышедших книг. «Получил истинно братское письмо, — написал Иван Платонович братьям, когда вышла книга о Муравьеве-Амурском. — Оно меня тронуло до глубины души. Вы радуетесь, когда слышите обо мне хорошие отзывы. Что может быть выше подобного чувства? Дай бог, чтобы оно сохранилось между нами до гроба, до которого, между прочим, недалеко»¹¹⁸.

В июле 1893 года братья получили тревожное письмо от Ивана, в котором он сообщил о ревизии в Странноприимном доме и в каком-то паническом состоянии просил у братьев большую сумму денег, клялся, что ее вернет непременно с процентами. Однако просьба оказалась не выполненной из-за отсутствия денег.

Обнаруженную в результате ревизии кассы большую недостачу средств (4,5 тыс. рублей) помощник главного смотрителя Барсуков объяснял тем, что выдавал деньги своему непосредственному начальнику Б.С. Шереметеву. Но недостача была столь значительна, что это объяснение вызывало недоверие. Иван сильно переживал резкую перемену в отношении графа к себе, испытывал постоянный страх из-за боязни получить отказ от места службы. Перед ним во всей жестокости реальности вставал вопрос: в случае потери службы в богадельне куда деваться с семьей без гроша денег? От переживаний Анна Михайловна заболела и слегла в постель. Иван Платонович не мог найти себе места. «Я совершенно потерял голову, хожу как шальной, — написал он братьям. — Граф преследует меня письмами самыми колкими. Моя виновность состоит в том, что я выдавал Борису Сергеевичу деньги из кассы». В письме графу, копию которого он направил братьям, Иван Платонович поставил прямой вопрос: «Чем я заслужил Ваше недоверие, когда в течение многих лет твердо и неуклонно во всем следовал Вашим указаниям и усердно служил интересам Странноприимного дома? Может, в чем-то другом навлек на себя гнев Ваш? Если так, то почтительнейше прошу Вас, Ваше сиятельство, вывести меня из моего удручающего положения, ибо я совсем потерял голову».

Долгие мрачные, нравственно удручающие дни терзаний Ивана Платоновича от неизвестности завершились в кон-

це августа 1893 года. «Милому и бесценному другу и ангелу» Анюте, находившейся в деревне с детьми, он пишет: «Вчера я, едва-едва скрепя сердце, явился к графу Сергею Дмитриевичу и высказал ему сквозь слезы всю суть моего дела... Я растерялся и не мог уже более говорить и стоял перед графом как безумный. Граф же, заметив это состояние, ободрил и обещал мне много хорошего»¹¹⁹. Это «хорошее» заключалось в том, что Барсуков дает в кассу Дома расписку на 4600 рублей и будет выплачивать по 74 рубля в месяц. Граф, по словам Барсукова, очень сочувственно отнесся к его делу, но все-таки советовал ему подать в отставку. При этом до получения нового места службы семье разрешалось пока оставаться в Доме. Барсуков также получил обещание графа предоставить ему «хорошее место службы». Немного успокоившийся, Иван Платонович нарисовал Анне Михайловне «картину маслом»: «Я буду служить, а ты будешь хозяйничать в имении. И если все пойдет хорошо, то мы скоро уплатим все наши долги и заживем хорошо»¹²⁰. Скоро ли? На это потребуется не менее пяти лет. В таком случае единственным источником существования семьи будет доходность хозяйства, что целиком зависело бы от умения Анны Михайловны им управлять.

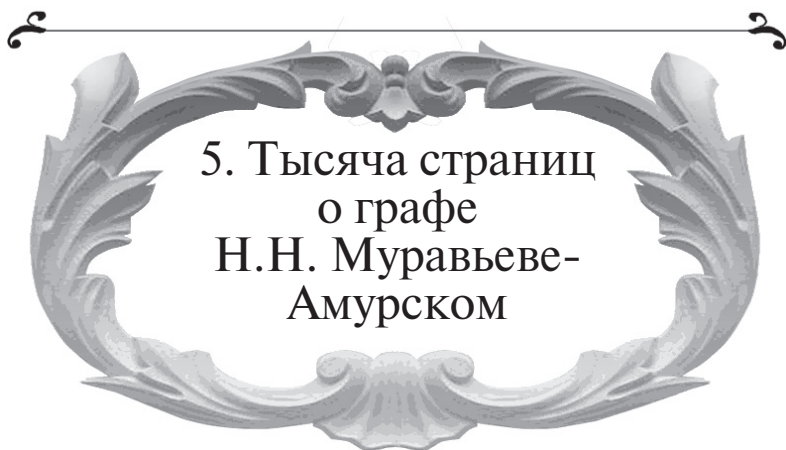
О душевном состоянии Ивана Платоновича говорит и такой эпизод. В начале марта 1894 года он согласился взяться за издание передовых статей М.Н. Каткова (25 книг), что могло «обеспечить его пенсионом на всю его короткую жизнь», а в начале мая отказался от этого выгодного дела, так как положительно не мог взяться за него вследствие расстройства своих дел и душевного состояния¹²¹.

По распоряжению графа в мае 1894 года, прожив в Странноприимном доме около 12 лет, И.П. Барсуков с семьей покинул его и переехал в деревню, не имея каких-либо средств, не представляя, как они будут дальше жить. Имевший службу старший сын Александр остался в Москве, но оказался в катастрофическом положении. «Переехал из Дома на Солянку, в дом при храме Всех святых за 25 рублей в месяц. Жалованья хватит только на оплату жилья. Мамаша обещала выслать шесть рублей»¹²². Александр искал работу по переписке текстов или корректуре.

Найти в Петербурге место службы, которое бы удовлетворяло многодетную семью, даже для Николая Платоновича с его обширными связями оказалось непростым делом. Помог князь М.С. Волконский. В полученном с нарочным письме от братьев Иван прочитал, что граф Ламздорф предлагает ему место секретаря и бухгалтера в открывающемся в Петербурге Ксенинском институте. Жалованье 1800 рублей в год, квартира. В конце письма: «Отвечай, согласен ли? Ответ уплачен». В ответ Иван писал: «Я не мог бы явиться в Петербург, потому что, клянусь вам, у меня нет буквально ни копейки денег. Занять здесь негде, крестьяне должны мне за пахоту земли, но со слезами просят повременить». Он откровенно писал о своих сомнениях и опасениях. «Что, если этим назначением я испорчу всю свою будущность? Говоря откровенно, мне далеко не по душе бухгалтерия. Перспектива остаток своей жизни посвятить бухгалтерии меня убивает и повергает в уныние»¹²³. Он просит братьев самим решить вопрос о его новой службе. Братья настаивали, чтобы Иван сам принял решение. В конце концов в столицу был отправлен короткий ответ: «Согласен». Так, в середине 1890-х годов Иван Платонович Барсуков становится жителем Петербурга и служащим новооткрытого женского учебно-воспитательного заведения — Ксенинского института¹²⁴.

Много лет спустя Иван Платонович вспоминал: «В Странноприимном доме я служил почти 12 лет, занимал должности 1-го и 2-го помощника главного смотрителя и состоял членом Совета. Увлеченный высокими целями учреждения, я отдал этой службе все свои силы и способности, как говорится, вложил в него всю свою душу, но в результате получил только нравственную усталость и тяжелые, болезненные воспоминания»¹²⁵. Однако вопреки всем жизненным передрягам и неудачам десятилетие службы в этом благотворительном учреждении оказалось самым плодотворным в творческой деятельности И.П. Барсукова. Именно в эти годы он выпустил три книги «Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» (1886—1888) и две книги «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский» (1891).

5. Тысяча страниц о графе Н.Н. Муравьеве- Амурском

5.1. Договор с князем М.С. Волконским

Окрыленный успехом книги о митрополите Иннокентии, получив поддержку графа С.Д. Шереметева, И.П. Барсуков незамедлительно приступил к подготовке к печати письменного наследия святителя. Совершенно неожиданно из Петербурга он получил предложение князя М.С. Волконского написать книгу о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском.

Печальное известие о кончине в Париже 18 ноября 1881 года графа Н.Н. Муравьева-Амурского вызвало у князя М.С. Волконского страстное желание издать о графе книгу, которая бы увековечила его имя, сохранила в анналах России память о выдающемся государственном деятеле и русском патриоте. Так он хотел выразить и личную признательность Н.Н. Муравьеву за смелое и заинтересованное участие в трагической судьбе семьи Волконских, в частности, и в его личной судьбе.

Михаил Сергеевич родился в Забайкалье в семье декабриста С.Г. Волконского и его жены — Марии Николаевны, одной из муз А.С. Пушкина, которая в числе первых жен декабристов отправилась в сибирскую ссылку к мужу. Благодаря Восточно-Сибирскому генерал-губернатору Муравьеву, привлечшему на службу юношу-изгоя, М.С. Волконский

семь лет выполнял его ответственные поручения и вошел в знаменитую когорту муравьевских соратников.

Являясь равнодушным свидетелем того, как в Петербурге все глубже становилась пропасть забвения графа Муравьева-Амурского, искренне уважавший и высоко его ценивший Волконский не мог с этой несправедливостью смириться. В первую очередь он обратился к императору Александру III и получил разрешение собирать материалы в архивах высших государственных учреждений. Родственники и знакомые графа Муравьева-Амурского, его сподвижники — «сибиряки» и «амурцы» — поспешили сообщить разнообразные данные. Амурская графиня Екатерина Николаевна передала князю все бумаги, оставшиеся после смерти мужа. Также документы передали младший брат графа Александр Николаевич, его сестра Екатерина Николаевна Моллер и его племянник граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский. Великий князь Константин Николаевич как только узнал о предполагаемой книге, прислал князю подлинники переписки с графом, предоставив право предать ее гласности. Следует заметить, что некоторые документы князю приходилось приобретать за счет личных средств. За несколько лет стараниями Волконского и его друзей была собрана значительная коллекция разнообразных архивных документов и материалов, посвященных Н.Н. Муравьеву.

Формируя архив, князь искал автора будущей книги прежде всего в кругу бывших муравьевских сподвижников, обладавших литературным даром. Он попытался привлечь к написанию книги М.И. Венюкова, который в 1857—1858 годах являлся адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири по части Генерального штаба. Публицист и мемуарист жил в Париже. Шли переговоры с Б.В. Струве, в 1848—1855 годах служившим чиновником особых поручений при Н.Н. Муравьеве, председателем Иркутского губернского правления. Он заявлял о своем намерении написать мемуары о графе Муравьеве-Амурском. По разным причинам эти попытки оказались безуспешными.

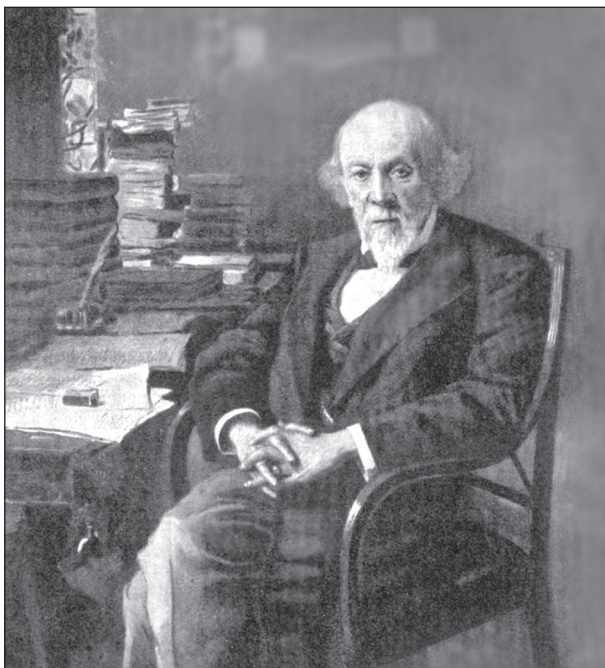
Расширив круг поисков, М.С. Волконский, ставший товарищем министра народного просвещения, обратил внимание на малоизвестного историка Ивана Платоновича Барсу-

кова. Его книга «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», в которой раскрывались во многом неизвестные и малоизвестные страницы истории апостольского служения святителя и его активного участия в Амурской эпопее, получила положительные отзывы, а автор удостоен награды.

Только что занявший пост директора архива министерства народного просвещения Николай Платонович Барсуков по просьбе князя обратился к брату Ивану с интересным и важным предложением — составить биографию графа Муравьева-Амурского. Выход книги планировался в довольно сжатые сроки, в 1889 году к 80-летию со дня рождения графа.

Каковы же были изумление князя и растерянность старшего брата, получивших из Москвы отказ. В начале января 1885 года Иван Платонович в письме брату дал исчерпывающее объяснение своего решения: «Жизнь этого деятеля (Муравьева-Амурского. — *Н.Д.*) более или менее [мне] известна, — отметил он, — так как она тесно связана с жизнью покойного митрополита Иннокентия, и я с удовольствием взялся бы за этот труд; но служба моя и срок работы принуждают положительно отказаться. Я не понимаю, возможно ли принять труд на срок, ведь это не сшить сюртук и т. п. Я люблю работать, не будь срока и при полной свободе. Наконец, у меня на руках еще издание «Творений» Иннокентия, которое протянется по крайней мере лет пять. Во всяком случае, очень и очень тебя благодарю за столь лестное для меня предложение, от которого я по изложенным обстоятельствам с грустью должен отказаться»¹²⁶. Очевидно, главной причиной отказа являлось глубокое погружение Барсукова в мир святителя Иннокентия, желание представить читателям его богословские и научные труды, которые он назвал «Творениями» и над подготовкой к изданию которых углубленно работал. Категоричность отказа, казалось, навсегда закрыла проблему.

Спустя почти три года после отказа Волконский узнал, что Барсуков завершил подготовку трехтомного сочинения произведений Иннокентия и повторно сделал ему предложение стать автором биографии Муравьева-Амурского. На этот раз Барсуков ответил согласием.

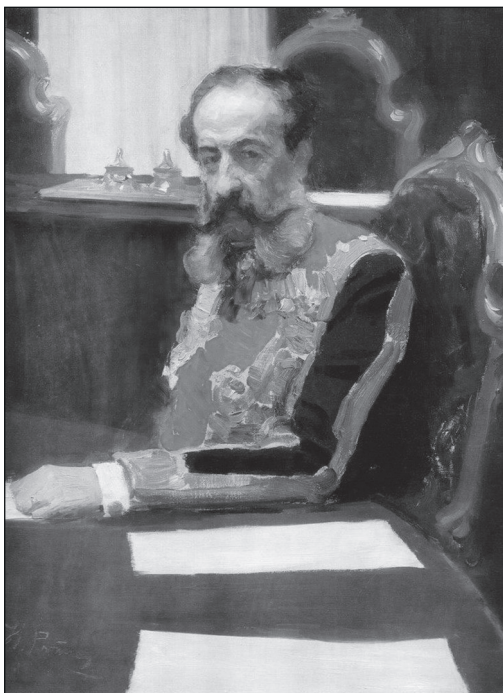
*Николай Платонович Барсуков.
Портрет кисти художника Н.П. Богданова-Бельского*

Почему князь Волконский «прикипел» к Барсукову, почему именно ему хотел передать представлявший большую ценность муравьевский архив, что привлекло его в этой малоизвестной личности? Для князя Волконского лучшей рекомендацией Ивана Платоновича как автора и человека являлось доброжелательное отношение к нему графа С.Д. Шереметева — аристократа, издателя, автора нескольких книг. Немаловажным фактом стала служба под началом князя в министерстве старшего Барсукова — Николая Платоновича, известного в столице историка, археографа, автора нескольких книг и профессионального издателя летописей и мемуаров.

Приехав в Петербург, Иван Платонович познакомился с князем М.С. Волконским, и установившиеся творческие

и личностные их связи будут продолжаться много лет. Они согласовали условия составления биографии Н.Н. Муравьева-Амурского, и 5 апреля 1888 года Барсуков заключил с князем договор, в котором имелось несколько условий¹²⁷. Автор обязался на основании переданных ему Волконским-издателем извлечений из правительственных архивов, копий с официальных документов, частных писем, записок и других материалов составить биографию Н.Н. Муравьева в двух томах. В первом томе объемом от 25 до 30 печатных листов должен быть помещен текст биографии, а во втором — объемом не более 50 листов — приложения: акты, проекты, официальная переписка и прочее. Биография и том приложений должны быть сданы издателю не позднее 4 сентября 1889 года. Окончательная редакция биографии предоставлялась на усмотрение издателя. Автор брал на себя обязанность просмотреть одну корректуру обоих томов и мог потребовать предоставить ему из типографии обе корректуры каждого листа. В договоре речь особо шла об архиве, переданном Волконским автору во временное пользование. «Материалы, принятые мною, Барсуковым, по особым четырем отдельным описям от князя Волконского, составляя его собственность, должны быть возвращены мною в целости по окончании работы, т. е. 4 сентября 1889 года». Автор обязался никому их не передавать и не пользоваться ими для каких-либо иных своих статей в журналах, газетах или для отдельных сочинений.

Договор определил отношения автора с издателем во время написания биографии. Барсуков обязался следовать указаниям Волконского относительно удлинения или сокращения тех или иных частей биографии. За свой труд автор получит по 50 рублей за каждый лист биографии и по 10 рублей за каждый лист приложения. Все расходы на издание М.С. Волконский взял на себя. Таким образом, в отличие от книги об Иннокентии, новая книга носила, можно сказать, заказной характер, при этом отношения издателя и автора закреплялись заключенным договором. Важно, что издатель предоставил автору во временное распоряжение архив, который в ходе работы по требованию Ивана Платоновича продолжал пополняться.

Портрет князя М.С. Волконского (1832—1909). И.Е. Репин. Этюд

Взяв на себя обязательство написать биографию Н.Н. Муравьева-Амурского и составить книгу приложений за полтора года, Барсуков ясно представлял, что взвалил на себя огромную ношу, которая потребует от него больших умственных и физических усилий, поскольку работать над книгой сможет только в свободное время от службы в Странноприимном доме.

С самого начала, несмотря на имевшиеся договоренности, между автором и издателем возникли трения, даже разногласия, носившие принципиальный характер. Как только первые главы были готовы, в соответствии с договором Барсуков отправил их по почте в Петербург М.С. Волконскому и с умеренным оптимизмом стал ждать его реакцию. Из письма князя Барсуков узнал, что первые главы рукописи он прочел

«с большим интересом, читаются они легко и завлекательно». Вместе с тем князь сделал, по его словам, частные замечания, полагая, что «можно было бы еще кое-что выпустить из нападок графа слишком желчных» на тогдашнюю администрацию Кавказа. При этом он высказал мнение, касавшееся изложения деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева. «Я разумею, — писал издатель, — что характер личного повествования должен уступить изложению проектов, мероприятий, преобразований и т. д.»¹²⁸

В этих суждениях князя Иван Платонович с тревогой почувствовал непонимание им авторских представлений о будущей книге, в целом концепции биографии и ответил ему большим письмом. Сначала он поблагодарил князя за лестный отзыв о первых главах книги. «Я буду всегда рад, — утверждал он, — если Ваше Сиятельство найдет нужным исправить какие-либо встреченные Вами недостатки, неизбежные при спешном труде, или сделать какие-то сокращения...» Но... по поводу того, чтобы выпустить некоторые желчные нападки Муравьева на администрацию Кавказа, сделать это, по мнению автора, «будет неудобно, ибо может послужить в ущерб характера Муравьева»¹²⁹. «Его нападки... были вполне справедливы... вследствие поступков администрации с ним... Если же эти нападки набрасывают тень на тогдашнюю администрацию, то в этом нет никакого вреда, ибо речь идет о временах, давно минувших, а ошибки прошлого могут послужить уроками для настоящего. По моему мнению, прежде всего и во всем должна быть историческая правда»¹³⁰.

«Повествование о деятельности Муравьева в Сибири по сравнению с предыдущими главами, конечно, изменится», — согласился Иван Платонович. При этом он твердо заявил: «Совершенно отступать от раз принятой системы я нахожу для себя совершенно невозможным; характер личного повествования должен быть все-таки удержан как самый правдивый способ изложения...». Он доказывал, что его задача состоит в том, «чтобы правдиво очертить личность Муравьева и его заслуги государству по тем данным, какими мы только могли располагать».

В новом послании от 27 января 1889 года М.С. Волконский

уклонился от обсуждения поставленных автором проблем, но сделал замечание по поводу отсутствия в тексте авторских выводов и заключений. Так деятельность Муравьева на Кавказе, считал он, «требовала бы общей сводки этой деятельности, а равно и объяснения некоторых черт его характера, обрисовавшихся в его письмах в слишком густых красках...»¹³¹. Реакция автора на это замечание издателя была незамедлительной. «Муравьев, — пишет он, — при его честном характере, при возвышенно-благородных порывах сослужить государству полезную службу, весь высказывается в своих письмах со всею искренностью и неподдельностью чувств; уклоняться от тона этих писем и вдаваться в объяснение его характера — значит, по моему мнению, уклоняться от строгой объективности, какой положил я держаться в книге, предоставляя читателю самому делать непосредственные выводы, какие ему благоугодно будет». И продолжая свою мысль, отстаивая свое авторское право, Иван Платонович убежденно, категорично написал: «Если отнять у Муравьева его раздражительность, желчность, его горячность в суждениях о начальствующих лицах, от чего бы все это не зависело, — то Муравьев не будет Муравьевым. Таково мое мнение»¹³². Отвага, настойчивость, убежденность в своей правоте, с которыми И.П. Барсуков отстаивал «самый правдивый способ изложения, принятую им «систему», стали для М.С. Волконского полной неожиданностью. Ему казалось, что автор, не избалованный читательским вниманием, будет чутко прислушиваться к замечаниям и послушно следовать указаниям издателя. К счастью, выяснение спорных позиций не дошло до конфликта. Князь не стал настаивать на отказе от «личного повествования», от «системы», которую автор считал наиболее целесообразной и самой правдивой. Важно подчеркнуть, что в письмах князя, адресованных автору, даже между строк нельзя обнаружить проявления высокомерия или недоверия Ивану Платоновичу, которые в подобной ситуации другой издатель вполне мог бы высказать «историку из богдельни».

Еще в апреле 1888 года И.П. Барсуков сообщил М.С. Волконскому, что он «с благословения высокоприосвященного митрополита Исидора и благословенного епископа Уфим-

ского Дионисия приступил к занятиям по составлению биографии». При первом знакомстве с архивом Барсуков обнаружил огромный массив личных и деловых писем Муравьева, основной поток которых пришелся на сибирский период его жизни, когда переписка являлась чуть ли не единственным средством коммуникаций. Чем больше писем он читал, тем сильнее проникался уважением и симпатией к незаурядному человеку, к его высоким помыслам беззаветного, самоотверженного служения Отечеству. Ценно, что письма позволяли проследить, проанализировать становление Муравьева как выдающегося государственного деятеля России. Восхищаясь своим героем, Иван Платонович работал с необыкновенным усердием, горячо, с огромным наслаждением. Он находился в постоянной переписке с князем, который по его запросам направлял дополнительные копии документов: послужной список графа, послужной список его отца Николая Назарьевича Муравьева и другие. Творческий настрой всемерно поддерживали братья, снабжавшие необходимой литературой, а им Иван Платонович сообщал об этапах написания биографии. Так он писал: «...Бьюсь как рыба об лед. Жду не дождусь доехать до Сибири, авось тогда пойдет полетче, т. е. материала будет больше. В настоящее время я окончил турецкую кампанию и приступаю к польской...»¹³³.

На начальном этапе работы над биографией соперником, конкурентом Барсукова выступил Б.В. Струве, заявивший о своих претензиях на создание книги о Муравьеве. До Барсукова доходили его рассуждения о том, что только непосредственный участник процесса решения Амурского вопроса сможет написать книгу о графе Муравьеве-Амурском, достойную его памяти. Иван Платонович вполне осознавал уязвимость своего авторского положения. Поэтому как волю Промысла он расценил дружбу с замечательным соратником Н.Н. Муравьева, первым автором работ об обороне Камчатки и истории Амурского вопроса П.В. Шумахером, его поддержку и помощь. На свои трудные вопросы Барсуков получал подробные письменные ответы знатного амурца. В книге приведены ссылки на публикации Б.В. Струве 31 раз, на П.В. Шумахера — 35 раз. Важно, что и сам М.С. Волкон-

ский в 1849—1856 годах служил чиновником по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири и успешно выполнял ответственные задания генерал-губернатора.

Порой отношения с Волконским становились неровными, нередко обостренными. Вынужденный спешить, Иван Платонович нервничал, сердился, энтузиазм, с которым он приступил к написанию книги, покидал его. Об этом свидетельствует следующее письмо братьям, в котором он с горечью писал: «Моя рукопись гуляет по всему Петербургу... Вся масса людей читает мою рукопись, каждый дает замечания. Князь пишет официальные письма. Так он пишет: «Последние тетради еще интереснее первых, но не могу не сказать, что чем дальше Муравьев становится государственным деятелем, тем ощутимее становится и недостаток конкретного объективного изложения». Вот и расхлебывай последнее слова»¹³⁴. В состоянии нервного срыва Барсуков написал князю, что лучше он писать не может, да ему и некогда, поскольку он каждый день на службе в Странноприимном доме, что книгу он пишет вечерами и ночами. Тем не менее последняя глава книги была закончена 21 августа 1889 года, даже немного ранее договоренного срока.

Однако Волконский не спешил с публикацией рукописи. В письме братьям Иван Платонович описал встречу в Москве с князем, который «о Муравьеве говорил очень неопределенно», и сообщил им свое важное решение: «Я усиленно принялся за пересмотр всего сочинения и когда кончу, то запакую и отложу в сторону и примусь снова за Иннокентия»¹³⁵. Он решил подготовить к публикации еще и письма Иннокентия. Через месяц Барсуков, находившийся в отпуске, пишет старшему брату: «Я до такой степени углубился в своего Муравьева, что даже забыл числа, поэтому прости, что так долго не отвечал тебе... У меня теперь переписывают Муравьева три писца»¹³⁶.

В первых числах июня 1890 года Иван Платонович по приглашению князя приехал в Петербург для окончательной шлифовки текста рукописи. «У князя Волконского я каждый день,— сообщал он жене Анне Михайловне, — не исключая и воскресных дней утром от 9 часов и до одного часа попо-

лудни. Занимаемся с ним очень усердно, и он, по-видимому, очень доволен моим трудом, но все-таки делает различные добавления. Завтракаю у него каждый день и изредка обедаю...»¹³⁷ По словам Барсукова, свой труд он «окончил вторично» 29 июня 1890 года. Настроение поднимали «любезные письма» Волконского, в которых он благодарил автора за его труд, при этом подчеркивал, что в печатном виде он чрезвычайно выигрывает и полон интереса. Князь обещал все сделать для сохранения цельности книги. Для печатания он выбрал Синодальную типографию в Москве.

Сочинение И.П. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» в двух книгах — биография и приложения — вышло в свет в марте 1891 года. Вместо первоначально планировавшегося выхода сочинения к 80-летию графа Н.Н. Муравьева-Амурского оно появилось в год десятилетия его кончины. Автор назвал свой труд «громадным». Действительно, первая книга — биография Муравьева-Амурского — насчитывала семьсот страниц, вторая — свыше трехсот страниц, в целом — свыше тысячи страниц.

Эпиграфом сочинения Барсуков взял слова святителя Иннокентия, сказанные им 18 мая 1858 года по поводу присоединения Амурского края к России и обращенные к Муравьеву-Амурскому. «...Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже те самые, которые будут наслаждаться плодами твоих подвигов: то никогда, никогда не забудет тебя наша православная церковь». Эти слова на титуле книги подчеркнули, что Иннокентий и Муравьев связаны временем и местом служения на крайнем Востоке и любовью к этому отдаленному краю. Одновременно трудясь там, каждый на своем поприще стяжал себе славу великими заслугами Отечеству.

Необходимо сделать одно важное уточнение. После полного названия книги «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам» на титуле в скобках написано: (Материалы для биографии). Не биография, а именно «материалы для биографии». «Мы первые сознаем неполноту нашего труда, обнимающего столь

долгий период времени и такое множество событий, сознаем, что несмотря на все внимание, с которым мы отнеслись к фактам, документам и сообщениям современников, в нашем труде могли оказаться пробелы и даже некоторые ошибки», — объяснил И.П. Барсуков в названии «Материалы для биографии». Он даже дал свой адрес, по которому каждый, кому дорога история Восточной Сибири и преимущественно Приамурского края, мог адресовать ему свои замечания. Иначе добросовестный, честный автор поступить не мог. Однако талант автора и время превратили «Материалы для биографии» в главное и до сих пор непревзойденное жизнеописание графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

В тексте книги Барсуков, как правило, воздерживался от каких-либо оценок в адрес Муравьева, предоставляя читателю возможность это сделать самостоятельно. Тем ценнее высокая авторская оценка графа, имеющаяся в предисловии. В обстановке забвения заслуг Н.Н. Муравьева-Амурского утверждение Барсукова о «его выдающейся роли» в укреплении российской государственности можно признать личным подвигом автора книги.

Определяя источниковый формат своего сочинения, автор на первое место поставил письма. В предисловии он подчеркнул, что главное достоинство писем в их подлинности, в непосредственном отражении прошедшего. Письма — это «фотография известных моментов прожитого времени», это «летописи частные, личные, драгоценные для художника и вполне пригодные историку для воспроизведения подробностей общей картины». Для автора из рукописных материалов «самое важное значение имели письма». Свою заслугу он видел и в том, что собрал в одно целое известное до сих пор о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском из печатных изданий.

В предисловии сказано о решающей роли М.С. Волконского и его соратников в создании муравьевского полноценного архива материалов и документов, в том числе извлеченных по позволению императора из архивов высших государственных учреждений. Особо была подчеркнута роль вдовы графа Екатерины Николаевны, передавшей все оставшиеся после смерти мужа бумаги, участие великого князя

Константина Николаевича, предоставившего право предать гласности свою переписку с графом, а также родственников и соратников Муравьева в создании ценной архивной коллекции.

Что касается архитектоники книги, то по сравнению с предыдущей книгой о святителе Иннокентии она являлась более совершенной и удобной для читателей. Текст биографии разбит на 77 глав без заглавий. Каждая глава имеет свой порядковый номер, обозначенный римской цифрой, год и перечень вопросов, которым посвящена глава. В оглавлении сначала идет год, затем перечень вопросов и указываются страницы, что помогает читателю ориентироваться в большом тексте. По мере усложнений обстоятельств и деятельности главного героя одному году посвящалась уже не одна глава, а несколько. Например, 1849 году посвящено пять глав, 1854 году — шесть, 1858 году — четыре главы. И если в первоначальных главах в перечень вопросов входили 2—5 предложений, то в этих главах они доходили до 20—25. Сноски и примечания даны в конце каждой страницы.

Придерживаясь проблемно-хронологического метода и принципа объективности, основываясь на солидной источниковой, документальной базе, Барсуков создал жизненный образ потомственного русского дворянина, посвятившего свою жизнь России, обеспечению ее безопасности и благополучия. А в это время русская художественная литература и публицистика все больше и охотнее исследовала феномен «лишнего человека» и «нигилиста» в российском обществе.

Высоко чтя источниковедческую ценность писем Муравьева, Барсуков наполнил ими текст биографии. В книге приведено более 50 писем Муравьева, написанных на протяжении почти 30 лет любимому брату Валериану Николаевичу. Они носили откровенный, иногда исповедальный характер и раскрывали его мировоззрение, душевное состояние, отношения с людьми и т. д.

Приведенные в книге более 60 муравьевских писем двоюродному брату и ближайшему соратнику, сменившему его на посту генерал-губернатора, М.С. Корсакову помогали

вникнуть в особенности функционирования генерал-губернаторской власти, в ее взаимоотношения со столичными ведомствами, узнать о «тычках и подножках», которые часто возникали на пути Муравьева. И все же во многих случаях Н.Н. Муравьев не мог позволить себе быть до конца искренним и откровенным. «Не вините меня, — писал он М.С. Корсакову в Петербург, — что я пишу вам слишком осторожно: всех подробностей нельзя писать, некоторые надо рассказывать с глазу на глаз; почте я их не доверяю».

Приведенные в книге многочисленные письма графа разнообразным корреспондентам — родственникам, сподвижникам, государственным и общественным деятелям — во многом являются образцом эпистолярного творчества, которым так славился XIX век и культуру которого в век мобильной и глобальной связи человечество ныне по существу утратило. Письмам Н.Н. Муравьева присущи энергичность, четкость, логичность изложения, афористичность и образность придают им особую привлекательность. В подтверждение несколько цитат. «Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала». На просьбу брата Александра беречь свое здоровье Николай Николаевич ответил: «Напрасно ты убеждаешь меня беречь мое здоровье; это все равно как солдата, идущего на приступ, убеждать беречь свою жизнь». Современные аспекты размышлений Муравьева о патриотизме: «Патриотизм не есть добродетель, а свойство, необходимое для всякого гражданина какого бы ни было государства. Но это свойство не должно лишать человека чувства правды и справедливости».

Близость к народной жизни, знание ее, умение общаться с казаками и крестьянами нашли отражение в обильно приводимых в письмах русских пословицах и поговорках. Такие перлы народной мудрости, как: век живи, век учись; не мытьем, так катаньем; сердит, да не силен; бог высоко, царь далеко; худой мир лучше доброй драки; маленькая собачка до старости щенок; отзвонил и с колокольни долой и др., рассыпаны по многим письмам. Автор органично употреблял их наряду с целыми фразами на французском языке.

Владение быстрым пером, умение логично, убедительно

излагать свою мысль, точно формулировать аргументы и выводы — все это в значительной степени содействовало успеху графа Н.Н. Муравьева-Амурского в административной управленческой деятельности. Благодаря удачно подобранным и искусно скомпонованным письмам повествование в книге нередко велось словами самого Муравьева, что придавало ему привлекательный автобиографический характер.

Вторая книга сочинения И.П. Барсукова представляет собой продолжение биографии графа и является достоверным документальным подтверждением его масштабной преобразовательной деятельности на крайнем Востоке России.

Биография графа Н.Н. Муравьева-Амурского в двух книгах, написанная И. Барсуковым и изданная на средства князя М.С. Волконского, встретила в российском обществе интерес и одобрение. Отправляясь в 1891 году морским путем в Хабаровку на открытие памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому с участием наследника престола Николая Александровича (через три года императора России), В.В. Муравьев — любимый племянник графа — по рекомендации князя Волконского взял с собой несколько книг Барсукова. Их он преподнес цесаревичу Николаю Александровичу, главному начальнику Приамурского края А.Н. Корфу, князю Э.Э. Ухтомскому и другим. Внимательно следя по газетным сообщениям о пребывании наследника Николая Александровича в Приамурском крае, Барсуков прочитал об открытии памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровке. Однако о сотворенном графу письменном памятнике-книге даже не упоминалось, и это автора сильно огорчило. Позднее он узнал, что книга была вручена наследнику и помогла ему вникнуть в историю присоединения Приамурья и Приморья к России.

Естественно, что первые отзывы о своей книге автор получил от братьев. «Ты уже чересчур возвеличил мой труд, назвав его «замечательным»¹³⁸, — написал он Николаю Платоновичу. «Твоя биография достигает... высшего интереса со времени назначения Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири, — прочитал автор в развернутой рецензии брата Александра. — Главы о сибирской службе Муравьева, по моему мнению, составляют веский вклад в нашу истори-

*Престолонаследник Николай Александрович, Приамурский
генерал-губернатор А.Н. Корф, военный губернатор
Амурской области А.С. Бенеvский. 1891 год*

ческую литературу. Мастерская группировка важных писем, искусное изложение всего хода Амурского дела, всех перипетий его, привели меня в восторг, и я от всего сердца поздравляю тебя с успехом»¹³⁹. Деятельность Н.Н. Муравьева в Восточной Сибири Александр Платонович сравнил с деятельностью Петра I: «Но особенно хорош Муравьев в беспредельной пустыне Амурской! Чего-чего не натворил он там в какие-нибудь десять лет! В своих распоряжениях о сплавах, заселениях он точь-в-точь Петр Великий... Несомненно, Петр Великий был идеалом Муравьева. Недаром же он назвал его именем отдаленный залив Японского моря».

Не раз Ивану Платоновичу довелось слышать хорошие, даже хвалебные устные отзывы о книге. «Я до настоящего времени не могу жаловаться на своих рецензентов: они меня милуют», — писал он братьям. Из письма профессора В.О. Ключевского: «Милостивый государь Иван Платоно-

вич, не знаю, как благодарить Вас за новую Вашу книгу, которой займусь в каникулы...»

По горячим следам рецензии на книгу опубликовали «Биржевая газета», газеты «Новости» и «Гражданин», журнал «Вестник Европы» и другие. Одни авторы считали, что книга вышла к десятилетию кончины графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Другие указывали на счастливое совпадение появления книги с путешествием наследника цесаревича Николая Александровича по обширному Амурскому краю, приобретение которого для России составляло незабвенную заслугу графа. Третьи ссылались на новые проекты о продолжении строительства Сибирской железной дороги, идею которого одним из первых выдвинул Муравьев. Во всех отзывах содержалась характеристика Муравьева-Амурского как прозорливого государственного деятеля и необыкновенной личности. В «Вестнике Европы» подчеркивалось, что государственные способности и характер графа Муравьева, по не зависящим от него обстоятельствам, более пошли на борьбу часто бесплодную с препятствиями, нежели на самое дело. Несмотря на это, имя Н.Н. Муравьева-Амурского будет всегда произноситься с вполне заслуженным им уважением, особенно благодаря труду Барсукова, посвященному его памяти.

К сожалению, рецензенты в большинстве своем проигнорировали заслуги автора в воссоздании объемного портрета графа Амурского и явно поскупились на добрые слова в его адрес. По мнению же Барсукова, рецензии «более или менее одинаковы вследствие их скороспелости. Господа рецензенты читали книгу поверхностно, на главные факты они не потрудились обратить особое внимание. Во всяком случае, спасибо им и за это; по крайней мере, не бранятся»,¹⁴⁰ — великодушно заметил он. Критические суждения о книге сводились к обвинению в «панегирическом тоне» и «комплиментарности», хотя в книге воссоздавался сложный, противоречивый, взрывной характер генерал-губернатора.

На инициированном М.С. Волконским заседании Ученого комитета министерства народного просвещения отзыв о книге представил известный профессор С.Ф. Платонов,

который считал, что монография интересна и назидательна. В ней главное внимание обращено на процесс занятия и закрепления за Россией реки Амур, который изложен с «чрезвычайной обстоятельностью, престапующею рамки простого жизнеописания». Удачное и обстоятельное описание присоединения Приамурья, по мнению профессора, составляет главную заслугу автора перед нашей исторической наукой, которая в успехах государственной и народной колонизации видит один из важнейших процессов нашей истории. К удачам автора профессор отнес стиль изложения книги, характеризовавшийся спокойным, проникнутым эпическим ровным отношением к лицам и событиям. Был сделан вывод: труд господина И.П. Барсукова — хорошее приобретение нашей исторической литературы. Ученый комитет министерства рекомендовал книгу «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский» для фундаментальных и учебных библиотек средних учебных заведений¹⁴¹.

Безусловно, книга привлекла общественное внимание к выдающейся личности и крупным государственным заслугам графа Муравьева-Амурского, явилась достойным пополнением книжного фонда российской исторической науки и стала наглядным свидетельством наличия в России талантливого историка Ивана Платоновича Барсукова.

В благодарность за пунктуальное выполнение договора, за книгу, которая превзошла все ожидания издателя и получилась интересной, цельной и убедительной, Волконский представил автора к правительственной награде. В августе 1891 года появился царский указ о награждении И.П. Барсукова орденом Святого Равноапостольского князя Владимира IV степени. Получение награды явилось одним из немногих счастливых, возвышенных моментов в суровой, полной лишений жизни Барсукова и знаком высокого признания его как русского историка.

Высшей наградой для Волконского стала благодарность графини Е.Н. Муравьевой-Амурской. В одном из писем князю она написала: «Как же выразить Вам, дорогой Мишель, мою признательность за все то, что Вы делаете и сделали в память о моем дорогом покойном. Только такое сердце, как

у Вас, было бы способно заняться этим делом и довести его до конца. Любой другой отказался бы от этого и не вынес бы всех трудностей, которые Вы испытали»¹⁴².

Написанная в конце XIX века с явным пиететом Муравьеву-Амурскому и одновременно правдиво и добросовестно, книга И.П. Барсукова, несмотря на наличие некоторых архаизмов, и ныне служит образцом создания книг историко-биографического жанра. И в XXI веке она сохраняет научную и источниковедческую ценность и служит основой национальной памяти россиян о выдающемся государственнике, патриоте графе Н.Н. Муравьеве-Амурском.

Завоеватель без сраженья, победитель без войны.

Л.П. Волков

5.2. Книга первая. Биография графа*

От пажа до генерала. Первую главу книги (1809—1827), посвященную первым восемнадцати годам жизни будущего графа, Барсуков начал с генеалогических сведений о роде Муравьевых, который происходил от древнего, давно угасшего дворянского рода Аляповских. От двух сыновей Василия Аляповского, Ивана и Осипа, прозывавшихся первый — Муравей, а второй — Пуша, произошли дворянские фамилии Муравьевых и Пушиных.

Отец Н.Н. Муравьева — Николай Назарьевич Муравьев, по молодости успел послужить трону и в горном батальоне в Нерчинске, и семь лет в Англии на английском военном корабле, после чего командовал русским линейным кораблем. Несколько лет он губернаторствовал в Новгородской губернии, а при императоре Николае Павловиче стал сенатором и управлял собственной Его Величества канцелярией. Женат был дважды — в первом браке на Е.Н. Мордвиновой, а во

* В параграфе все ссылки даны на книгу: И. Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: биограф. материалы по его письмам, офиц. документам, рассказам современников и печат. источникам. Приамур. геогр. о-во. Репр. изд. Хабаровск, 1999. Книга первая. Ссылки приведены в тексте в виде указателей страниц в квадратных скобках.

втором — на Е.А. Моллер. Всех детей у него было 17 человек, из которых многие умерли малолетними. В 1840 году он имел девятерых взрослых детей: от первого брака три сына — Николай, Валериан, Александр и три дочери и от второго брака три дочери.

Старший сын Николай родился 11 августа 1809 года в Санкт-Петербурге. К большому горю семьи, его мать — Екатерина Николаевна — добрая, образованная, религиозная, скончалась рано. Для приготовления к поступлению в университет Николай был отдан в частный пансион. Расположенный к Николаю Назарьевичу Александр I приказал принять двух его сыновей в пажеский корпус Его Величества, представлявший собою аристократическое элитное военное учебное заведение. Хорошо подготовленный основательным домашним и пансионским воспитанием паж Николай Муравьев не испытывал никаких трудностей в постижении учебной программы и учился на «отлично». Как первого ученика корпуса, его определили камер-пажом к великой княгине Елене Павловне, недавно появившейся при российском императорском дворе после бракосочетания с великим князем Михаилом Павловичем — братом императора Николая I. Вместо двух лет целых три года он состоял камер-пажом при великой княгине, дожидаясь своего 18-летия, с которого начиналась офицерская служба в армии. Милая, образованная великая княгиня всего на три года была старше своего пажа, и между ними установились дружеские отношения. С годами Елена Павловна стала пользоваться большим влиянием при дворе. Император называл ее «умом семьи». Она в течение многих лет покровительствовала Муравьеву.

Довелось Николаю Муравьеву участвовать в коронации императора Николая Павловича 22 августа 1826 года в Москве. В память об этом событии он получил серебряную медаль — первую в жизни. Курс обучения в пажеском корпусе он окончил в 1827 году. Имя его — отличного воспитанника — было вырезано на мраморной доске корпуса. В том же году прапорщик Н. Муравьев поступил на службу в лейб-гвардию Финляндского полка, заслужившего особое

расположение императора Николая I за верную службу в трагический день 14 декабря 1825 года.

Незадолго перед производством в офицеры его отец, зная по опыту, сколько искушений, уколов самолюбия предстоит молодому, небогатому офицеру на его новом поприще, шлет Николаю письмо, «исполненное любви, попечений и разумных наставлений». Вот лишь некоторые отцовские наставления: «Ничего возможного не жалеи на полезное, в бесполезном никому не следуй, никому не стыдись отказать, не угодить. Нет более укоризненного как бесполезное! Ибо оно родит и вредное. Не стыдись показаться недостаточным в кармане. Ничего нет возвышеннее как сердцем быть богаче своего кармана! Любовь чистая, к бытиям ощущающаяся, все вознаградит» [10]. С такими мудрыми отцовскими напутствиями Муравьев вступил на военное поприще.

Моложе на два года старшего брата Валериан Муравьев после окончания пажееского корпуса тоже находился на военной службе. Начавшаяся между братьями переписка, продолжавшаяся свыше сорока лет, явилась для Барсукова важнейшим источником жизнеописания Н.Н. Муравьева и почти единственным свидетельством для воссоздания начальных лет его службы.

Первое боевое крещение Николай Муравьев получил в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов: участвовал в освобождении Варны и Сизополя. При взятии последнего редута с тремя пушками под крепостью Шумлоу он был в числе первых, бросившихся в ров и взшедших на вал. За этот подвиг, «за мужество, неустрашимость» получил чин поручика и первую награду — орден св. Анны 3-й степени с бантом. Командиры отмечали, что поручик Николай Муравьев вел себя благородно, поручения выполнял с усердием и ревностью. Участие в военных действиях императора Николая I и великого князя Михаила Павловича еще более укрепило монархические ценности молодого Муравьева. Поразившая Муравьева лихорадка не прекратилась и в Петербурге. У него даже возникла мысль об отставке по болезни из армии. Как воспитанник пажееского корпуса и камер-паж великой княгини Елены Павловны он продолжал пользо-

Г Р А Ф Ъ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКИЙ

по его письмамъ, официальнымъ документамъ, рассказамъ со-
временниковъ и печатнымъ источникамъ.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФИИ)

«...Еслибы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя
потомство и даже тѣ самыя, которые будутъ наслаж-
даться плодами твоихъ подвиговъ: то никогда, никогда
не забудетъ тебя наша Православная Церковь.» (Изъ
речи Иннокентія, митрополита Московскаго, къ графу
Н. Н. Муравьеву-Амурскому. См. Твор. Иннокентія, митр.
Московск. и Коломенск. Кн. I, стр. 145. 1886 г.)

Ивана Барсукова

действительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
при Московскомъ Университетѣ, и члена-корреспондента Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1891.

*Титульный лист книги И. Барсукова «Граф Николай Николаевич
Муравьев-Амурский»*

ваться ее вниманием. Ему неоднократно приходилось пред-
ставляться по ее приглашениям.

В польскую кампанию, в трудную восьмимесячную войну
1831 года, под руководством генерал-лейтенанта Е.А. Голо-
вина его адъютант-поручик Муравьев «прошел превосход-
ную боевую школу, школу малой войны, которая так полезна

для развития в будущем военных дарований самостоятельно-го начальника». Разнообразные поручения, даваемые Головиным, при исполнении которых 22-летний поручик не раз имел дело с бывалыми польскими генералами, во многом послужили в дальнейшем развитию его не только военных, но и дипломатических способностей. Н.Н. Муравьеву была вручена Высочайшая грамота следующего содержания: «В воздаяние ревностной службы Вашей и отличия, оказанного в сражении против польских мятежников сего 1831 года мая 8-го числа, где вы, командуя взводом, отличною храбростью подавали пример неустрашимости нижним чинам, Всемилостивейше пожаловали Мы Вас Кавалером ордена св. Владимира 4-й степени с бантом» [48]. За участие же в разгроме корпуса польских мятежников 4 сентября 1831 года при Рахове он был награжден Золотою шпагой с надписью «За храбрость». Сверх того он получил польский знак отличия «За военное достоинство» 4-й степени.

И вдруг 23-летний орденосный штабс-капитан Николай Муравьев резко меняет образ своей жизни. Увольняется из армии по болезни и уезжает в казенное имение отца Стоклишки (Виленская область), чтобы вывести его из кризисного состояния. Это имение, предоставленное Николаю Назарьевичу императором Александром I, являлось единственным источником финансовых поступлений большой семьи Муравьевых. В книге Барсуков не дал объяснения такому неожиданному для многих поступку Муравьева, но подчеркнул, что отец Николай Назарьевич, «не позволяя своим детям никаких возражений, требовал безусловного повиновения, тем более когда дело касалось до денежных расчетов». Четыре года отданы спасению имения отца, но молодому человеку при всем его рвении не удалось наладить хозяйство... Вместе с тем он приобрел некоторый опыт организации хозяйства, планирования, выявления рисков. В конце концов, арендное хозяйство, по его словам, «опротивело», стоклишинские дела были «очень дурны», самолюбие Муравьева сильно страдало. Он рвался на военную службу и в начале 1838 года поступил майором для особых поручений к генералу от инфанте-

рии Е.А. Головину, назначенному командиром отдельного Кавказского корпуса.

Кавказская война, охватившая территорию от Черного до Каспийского моря, стала важным этапом в жизни и военной карьере Н.Н. Муравьева, помогла ему проявить незаурядные способности, здесь он чувствовал себя в своей тарелке. Офицер Муравьев принял самое деятельное участие в нескольких экспедициях против горцев. Это были в высшей степени трудные походы по непроходимым лесам, по скалистым горам, когда жизнь подвергалась опасности от кинжала, пули, в быстрой реке, под снежным завалом или на дне каменной пропасти. Участвуя в штурме крепости Шамиля Ахульго (1838), он получил серьезное ранение — пуля раздробила предплечье правой руки.

В начале апреля 1840 года Муравьева назначили исправляющим должность начальника одного из отделений Черноморской оборонительной линии с производством в полковники. Наконец-то он получил самостоятельный участок службы, где мог сам распоряжаться. Приведя из воспоминаний сослуживца Г.И. Филиппсона о характере деятельности полковника Муравьева такие слова: «господствующими страстями его были честолюбие и самолюбие», Барсуков позволил себе сделать небольшое отступление. «Из всех действий Муравьева, из его писем и донесений мы убеждаемся, что он действительно не был чужд этой страсти, как и всякий смертный, но не она, а польза службы всегда стояла для Муравьева на первом плане; одним словом, честолюбие его всегда связывалось с тем значением и властью, которые он признавал необходимыми для достижения своих государственных целей» [70].

Муравьев получил отделение Черноморской береговой линии, которое являлось одним из трудных, если не труднейшим на Кавказе. В состав его входила Абхазия, девять крепостей и укреплений, защищаемых линейными батальонами, а в горах — многочисленные горские племена, враждовавшие между собой и с русскими. «Дела береговой линии со всех сторон в таком виде, — считал Муравьев, — что человеку заботливому и дорожающему репутацией здесь служить нель-

зя» [74]. Вместо двух батальонов ему дали две роты, пароход и транспорт отсутствовали, в его распоряжении находилось только несколько запаршивевших горных лошадей. По словам нового начальника береговой линии, круг действий его так обширен, а доверия и средств так мало при решении дилеммы: «или мы отстоим, или потеряем Абхазию».

Серьезную угрозу представляли активные действия убыхов — самого храброго и предприимчивого народа среди горцев. Волнения среди горцев распространились по всей береговой линии. Муравьев вел переговоры с князьками племен и постепенно привлек их на свою сторону, добился от командующего выделения транспорта, дополнительных рот, артиллерии, средств на строительство в Гаграх сторожевого поста, для разработки дороги в Цебельде и устройства поселения в Дале.

Сведения о первых успехах в стабилизации ситуации на самом трудном участке Черноморского побережья дошли до столицы. За отличие в службе в июне 1841 года Муравьева произвели в генерал-майоры. На Кавказе он оказался единственным, кто стал генералом в 32 года. По мысли И. Барсукова, слава, которой заслуженно пользовался на Кавказе Муравьев, зависела не столько от блестящих военных подвигов, сколько от необыкновенных административных способностей, от искусства его обращаться с враждебными горскими племенами. В крае, где все дышало войной, он всецело следовал политике мирных завоеваний. Своей благородной личностью Муравьев умел внушить к себе неограниченное доверие со стороны многих владетельных и влиятельных лиц в среде горских племен, расположить сами племена к добровольной покорности Русскому правительству. Другими словами, русский офицер Муравьев, имея значительный военный опыт, проводил на Кавказе политику «мирных завоеваний», и она оказалась весьма эффективной.

В эти годы в письмах наряду со служебными проблемами Муравьев обсуждал семейные дела, заботился о благополучии братьев и особо Валериана, который тоже находился на военной службе и испытывал серьезные финансовые затруднения. Когда стало известно, что Валериан увлекся кар-

точной игрой — распространенным времяпровождением офицеров и иллюзорным средством улучшения финансового положения, старший брат в большом письме, ссылаясь на собственный опыт, предупреждает его об опасности, просит брата дать ему честное слово, что играть он больше не будет. Намерение Валериана жениться вызывало оживленное обсуждение этой важной новости. При этом старший брат категорично выступал против того, чтобы Валериан просил у отца денег на свадьбу. Как можно «требовать то, чего там нет и взять нигде. У них не только 20 тыс., но и 5 тыс. никогда не бывают свободны», — написал он. Финансовое будущее семьи он описал так: «Сестрам остаться на мужниных хлебах, тебе — на жениных, Саше — на жалованье, а мне — в Америке». Очевидно, Николай Николаевич в будущем допускал свою службу в Российско-Американской компании на Аляске, в Русской Америке.

Его финансовое положение желало много лучшего. В письмах он часто упоминал о невыплате ему добавок, о продолжительных задержках жалованья. Находясь в отпуске в Петербурге, новоиспеченный генерал Муравьев, по его словам, большею частью ходил пешком, ибо экипажи разорительны, в спектакли и концерты не ездил, потому что на этот предмет особой суммы не имелось, и побывал только один раз на концерте знаменитого Листа. Умеренность в пище и питье играли также немалую роль в его петербургской жизни. Не без юмора он писал брату, что так поправляет свое здоровье, поскольку пешая ходьба и умеренность в еде очень полезны. Нет худа без добра или, как еще говорят, — все к лучшему!

Проблемы личной жизни. Судя по всему, Н.Н. Муравьев не обладал богатырским здоровьем, к тому же его мучили лихорадка и не залеченная в течение четырех лет рана руки. О серьезности ранения и его последствиях можно судить по письмам брату, которые генерал нередко писал левой рукой. Как-то он признался, что на днях сам вынул из раны большую кость и нащупал еще новую, что в пятый раз рана закрылась, но положение разбитой кости прежнее. По молодости он руководствовался тем, что должен «твердостью все пере-

ломить и переносить хладно то, что других приводит в отчаяние». Старший брат даже предложил Валериану общий девиз: «Всякое: добро и зло употребляй в свою пользу». Но наступил момент, когда он ответственно взглянул на свое нездоровье и принял твердое решение избавиться от болезней. «Отделение (служба на береговой линии. — *Н.Д.*) меня порядком укатало и нравственно, и физически», — признавался брату генерал. Так появилось его прошение об отпуске для лечения за границей, положительный ответ на которое он получил только спустя год.

Поездка Муравьева в Германию на лечение минеральными водами — это его первая поездка за границу. Наряду с описанием устройства жизни, принимаемых процедур в письмах он фиксирует впечатления от Европы. Весьма любопытно его мнение о европейском укладе жизни. «Здесь все — мало, здесь в подробности все хорошо, удобно, устроено, гладко, рассчитано, исчислено, соображено, пригнано в меру и вес, люди все знают... а потому здесь нет будущего, здесь все живут в настоящем... ничего не оставлено сердцу, которое должно наслаждаться в неизвестном...» Он признавался, что монументы, церкви, картины, музыка «прельщают его лишь на короткое время. Его влекут новые люди, он замечает за собой «страсть узнавать кулисные причины действий, страсть к истине во всей ее наготе». На заграничном курорте Муравьев смог значительно поправить свое здоровье.

Главным же для него была встреча с красавицей француженкой, ставшей счастливой звездой его судьбы. Обстоятельства знакомства боевого русского генерала не первой молодости — 35-летнего Н.Н. Муравьева с Елизавет де Ришемон, совсем не юной французской дворянкой, покрыты туманной пеленой времени и завесой таинственности. Тем не менее это был не банальный курортный роман. Однако генерал предложение Елизавет де Ришемон тогда не сделал, поскольку не ясно было место его дальнейшей службы. Омрачали и серьезные финансовые затруднения. К тому же он не имел, по его словам, «ни кола, ни двора».

По возвращении из-за границы Н.Н. Муравьев был причислен к министерству внутренних дел «для исполнения по-

Н.Н. Муравьев-Амурский и Е.Н. Муравьева-Амурская

ручений по случаю предполагаемого назначения его вследствие в должности военного губернатора с сохранением военного чина». По всей вероятности, у министра Л.А. Перовского имелся свой план, и он устроил генералу настоящее испытание, направив его ревизовать Новгородскую область, которая являлась исторической родиной дворян Муравьевых.

Обстоятельное знакомство с делами и ходом гражданского управления в ревизуемой области не осталось для Муравьева без положительных последствий. Он назначается исправляющим должность губернатора Тулы и Тульского гражданского губернатора с оставлением по армии (июнь

1846 г.). Соседствовавшая с Москвой Тульская губерния была небольшой, известность ей придавали тульские оружейники да мастера по самоварному делу. К тому же через Тулу проходила дорога на юг — в Крым, по которой направлялись императорские кортежи.

Муравьев энергично принялся за новое дело. Как только он стал губернатором, что означало получение жалованья и резиденции, он написал Елизавет де Ришемон письмо с предложением руки и сердца и незамедлительно получил ее согласие стать его женой. Брату Валериану генерал признался: «Я счастлив, и здоровье мое день ото дня улучшается... Я наслаждаюсь нравственным блаженством». Бракосочетание состоялось 19 января 1847 года в Троицком соборе г. Богородицка Тульской губернии, где проживал друг и родственник Василий Иванович Муравьев. За три дня до этого произошло православное крещение Елизавет с наречением Екатерина в память о матери Николая Николаевича. Женидьба Н.Н. Муравьева, по словам И.П. Барсукова, имела большое влияние на его будущность. Желание Екатерины Николаевны изучить русский язык восхитило мужа. «Катенька моя теперь в классе русского языка, с ее способностями есть надежда, что она скоро будет говорить и писать».

В одном из писем брату Валериану, который хоть и не смог приехать на торжества, но деньги одолжил, посылку прислал, Николай Николаевич между прочим спросил: «Кого-то назначают вместо Руперта в Восточную Сибирь?» Кто же такой В.Я. Руперт и почему генерал интересовался его преемником? Прослуживший около десятка лет генерал-губернатором Восточной Сибири В.Я. Руперт был уволен по результатам сенаторской проверки и выявления крупных недостатков и упущений в его деятельности. Эта история продолжалась более двух лет и вполне возможно, что с Муравьевым в столице на каком-то уровне (в Михайловском дворце у Елены Павловны) шел разговор о сибирской перспективе.

Наконец-то получив из МВД жалованье целых 5 тысяч рублей серебром, губернатор вместе с женой стал устраивать свой дом, даже просил брата выбрать для него имение.

Главный начальник Восточной Сибири. Известие о том, что император Николай I будет проезжать Тулу в начале сентября, заставило Муравьева похлопотать о благоустройстве города. По приказу губернатор смог представиться императору только на третьей станции за Тулой в 7 часов утра. Николай I тотчас объявил Муравьеву о его новом назначении генерал-губернатором в Восточную Сибирь, упомянул о развитии там золотопромышленности и некоторых беспорядках в ней, сказал о кяхтенской торговле, об отношениях России с Китаем, при этом прибавил следующие значимые слова: «Что же касается до русской реки Амур, то об этом речь впереди». Муравьеву было приказано приехать в Петербург за получением подробных наставлений. «Покуда государь говорил обо мне и Сибири, — рассказывал брату Муравьев, — я не нашел отвечать ему ничем, кроме слез» [168]. Конечно, слезы благодарности и радости, поскольку это было желанное назначение. Его не пугала Сибирь. Он с детства слышал рассказы отца о Восточной Сибири, где тот недолго служил в горном батальоне. «Исполнились все мои живейшие желания: я на поприще огромном и вдали от всех интриг и пересуд вашего общества и света» [168], — признавался Н.Н. Муравьев Валериану. Наконец-то сбылась его мечта — служить там, где мог бы весь свой накопленный потенциал и огромные знания употребить на пользу Отечеству. Назначение генерал-губернатором человека, которому не было и 38 лет, являлось для России настолько необычным явлением, что сразу же породило всякие пересуды и сплетни. Одна из них утверждала, что император спросонья молодого Муравьева принял за старого — Н.Н. Муравьева (Карского), который якобы и должен стать Восточно-Сибирским губернатором.

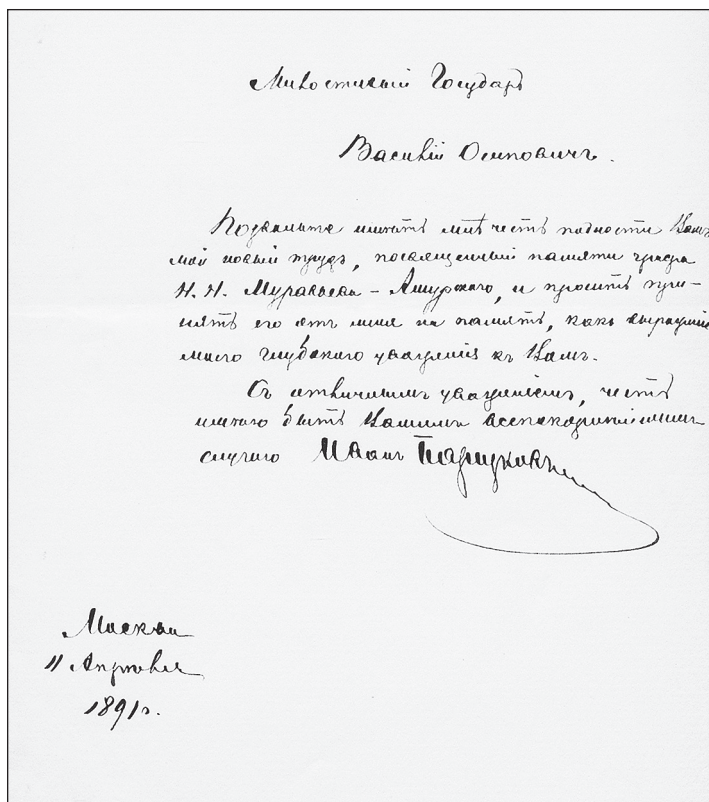
В середине сентября 1847 года генерал Н.Н. Муравьев и Екатерина Николаевна покинули ставшие им дорогими Тулу и Богородицк и выехали в Петербург. Супруги поселились в гостинице «Англетер». С присущей генералу горячностью он принялся за дела. В МВД изучал отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири, результаты сенаторской ревизии, ознакомился с историей освоения русскими людьми Приамурья в XVII веке и вынужденной потерей его по Нер-

чинскому договору (1689), налаживал необходимые связи.

Настоящей удачей стало знакомство его с капитан-лейтенантом Г.И. Невельским, добивавшимся назначения капитаном на строившийся транспорт «Байкал», который предназначался для доставки грузов в тихоокеанские порты Российско-Американской компании. После доставки грузов он намеревался исследовать юго-западную часть Охотского моря, Сахалинский залив, лиман и устье Амура. Мечта о возвращении Амура России владела и Муравьевым, который в лице морского офицера Невельского нашел первого надежного соратника.

Для генерала принципиально значимой стала аудиенция у императора Николая I, высказавшего монаршее пожелание новому сибирскому генерал-губернатору. На слова государя о том, что, вероятно, Муравьев не будет на Камчатке, туда затруднительно ехать и потребуется слишком много времени, он ответил: «Я постараюсь туда добраться». Считая, что император должен знать всю истину, Муравьев сумел получить «высочайшее соизволение писать государю с полной откровенностью обо всем, что сочтет нужным, в собственные его величества руки». Так у генерала, как писал И.П. Барсуков, оказался талисман, помогавший решать государственные задачи.

Талисман тем более оказался необходимым, в руководящих правительственных сферах проявлялось тогда два противоположных политических направления. Одна группа тяготела к Западу, поддерживала существовавший порядок во избежание опасности нарушения установившегося равновесия. Представителем этого направления был канцлер К.В. Нессельроде, его поддерживали некоторые министры. Другую группу, к которой присоединился Н.Н. Муравьев, составляли князь А.С. Меншиков, возглавлявший морское ведомство, Л.А. Перовский — министр внутренних дел и другие. Они держались строго русской политики: никому не наступать на ногу, но и не уступать без надобности из боязни каких-то мнимых опасностей. Между этими направлениями приходилось лавировать Муравьеву. Он мог опереться на доверие государя, покровительство великой княгини Елены

Письмо И.П. Барсукова историку В.О. Ключевскому. Автограф

Павловны и редко искреннее расположение к нему тогдашнего министра внутренних дел Л.А. Перовского.

Познакомившись со своей предстоящей деятельностью, Н.Н. Муравьев с супругой выехал в Иркутск — столицу Восточно-Сибирского края. Благополучно прибыв в Иркутск в середине марта 1848 года, Муравьевы поселились в белом доме с колоннами на берегу Ангары. На другой же день генерал-губернатор назначил общий прием, на который прибыли военные и гражданские чины, купцы, промышленники, торговцы. Ссылаясь на воспоминания одного из участников приема, И.П. Барсуков подробно описал эту встречу. Перед

присутствующими предстал человек невысокого роста, подвижный, с молодежавым лицом, курчавыми светло-русыми, слегка рыжеватыми волосами, в общем армейском мундире с правой рукой на перевязи. О новом генерал-губернаторе мало знали в Иркутске, зато он, благодаря документам сенатской ревизии, имел достаточную информацию о чиновниках, служивших при генерал-губернаторе В.Я. Руперте. Знакомясь с ними, одним он делал комплименты, другим говорил: «Я надеюсь, что вы не станете со мною служить». Так началось управление Муравьева, появлялись новые люди, утверждались новые порядки. Ознакомившись с делами своего управления и сделав предварительные распоряжения, новый главный начальник самого отдаленного от столицы края России отправил государю всеподданнейший рапорт о золотопромышленности Восточной Сибири, поднявший в высших сферах бурю страстей.

В городе вызвали большие толки посещения Николая Николаевича и Екатерины Николаевны жен декабристов — княгинь М.В. Волконской и Е.И. Трубецкой. Этим генерал-губернатор как бы поощрил сближение местных служащих с декабристами, но и вызвал по этому поводу доносы в столицу. Пришлось давать объяснения, в которых он открыто писал, что так называемые декабристы, искупив заблуждения своей юности тяжелою карою, принадлежат к числу лучших подданных русского царя. Конечно, немало оказалось в столице жалоб и со стороны уволенных чиновников. В письме министра внутренних дел Л.А. Перовского Муравьев прочитал его дружеский совет: «Я совершенно понимаю ваше положение, вы не любите злоупотреблений, которых во вверенном вам крае бездна... Действуйте сколь можно осмотрительнее, хладнокровнее, без шума и отдаляйте всякий повод к нареканиям и жалобам» [189]. Многочисленные письма министра Перовского, содержавшие важные официальные сведения и распоряжения, были проникнуты большой симпатией к Муравьеву и желанием помочь ему избежать ошибок. Очевидно, поэтому переписку Муравьева с министром внутренних дел Л.А. Перовским Барсуков широко представил в первой книге, в биографии.

В апреле 1848 года вышел приказ о производстве Муравьева в генерал-лейтенанты, но без утверждения его в должности генерал-губернатора, как это обыкновенно в таких случаях происходило. Не было его фамилии и среди награжденных, представляемых традиционно к Пасхе. По этому поводу Муравьев писал Перовскому: «Мне наград не нужно, я служу по убеждению, с сознанием долга царю и Отечеству, мне нужны награды для поддержания моего авторитета в крае, как знак доверия ко мне с высоты престола» [209].

Наряду с решением многих важных и неотложных дел по управлению Муравьев готовился к поездке на Камчатку. Несмотря на то, что она субсидировалась из местных средств, точнее из жалованья генерала, отношение к ней у столичных чиновников было негативным. Ее расценивали как сумасбродство генерал-губернатора, даже возникла опасность запрета.

В состав экспедиции вошли 16 человек, включая казаков и погонщиков. По заказу были сооружены палубные лодки, заказаны в Якутске лошади. Маршрут экспедиции разработал Муравьев. Из Иркутска до пристани они с супругой и спутниками доехали на тарантасах, пересели на лодки и поплыли по Лене. Через две недели достигли Якутска. Путешественники сравнительно благополучно преодолели труднейший путь от Якутска до Охотска, а это более 1100 верст, верхом на лошадях через топи, болота, когда никакие средства не спасали от комаров и гнуса. Здесь сели на транспорт «Иртыш», на котором прибыли в Авачинскую бухту, восхитившую генерала. Осмотрев Петропавловский порт, он приказал немедленно устроить несколько батарей на избранных им местах. Одна из этих батарей с усиленным вооружением впоследствии навела панический страх на англо-французский десант и в 1854 году спасла для России Петропавловский порт.

Состоялось долгожданное знакомство Н.Н. Муравьева с преосвященным Иннокентием, епископом Алеутским и Камчатским. Между ними сразу же установились доброжелательные отношения. Ежедневно по вечерам они вели продолжительные беседы и совещания, в ходе которых выяви-

лись общие их представления о будущем Восточной Сибири.

По итогам поездки на Камчатку в письме Перовскому генерал-губернатор внес несколько предложений, в том числе образовать Камчатскую область с присоединением Гижигинского округа, возвести ее в степень губернии с назначением военным губернатором контр-адмирала и подчинением ее непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. Эти предложения были приняты. Военным губернатором Камчатской области по настойчивому предложению Иннокентия стал В.С. Завойко.

Существовала договоренность, что следуя на транспорте с Камчатки Муравьев встретится с прибывшим на «Байкале» Г.И. Невельским у северной оконечности Сахалина. Однако эта встреча не состоялась. В Аяне М.С. Корсаков сообщил, что он тоже не смог обнаружить «Байкал». Возникло предположение о его гибели. Каково же было удивление, когда утром перед входом в Аянский залив показался «Байкал». Желая немедленно узнать о результатах обследования Невельским устья Амура, Муравьев на катере двинулся навстречу «Байкалу». Капитан Невельской доложил, что Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможен для морских судов с севера и юга. «Это известие, — написал Барсуков, — было ответом на заветные мечты Муравьева о свободном входе в устья Амура. Можно себе представить его радость!» [224].

Уговорившись с Невельским встретиться в Иркутске, Муравьев со своим штабом отправился в Якутск на этот раз Аянским трактом. С дороги он написал министру внутренних дел о Г.И. Невельском, что он «превосходно исполнил свое поручение и с такой полнотой, быстротой и добросовестностью и смыслом» и ему «могут позавидовать и бессмертный Крузенштерн, и всеведущий Миддендорф» [225]. Из письма Муравьева брату Валериану из Якутска (28 сентября 1848 г.): «...Хотя до Иркутска еще с лишком 2700 верст, но можно сказать, что мы уже дома, ибо предстоящий нам путь совершается на саних в 10—15 дней по благоустроенным почтовым станциям... Катенька совсем здорова и, несмотря на все трудности путешествия, гораздо веселее здесь, чем во всяком другом месте» [230—231]. Он с горестью писал брату, что по всем

сведениям, полученным из Петербурга, там ничего не понимают и знать не хотят, если бы не мешали действовать, то я бы и без них обошелся, но везде тычки и подножки, как будто нарочно» [231]. С особенным удовольствием он признал, что край, который он обозрел, гораздо лучше, чем о нем писали и говорили.

Прибыв в Иркутск, в котором отсутствовал почти полгода, Муравьев засел за кабинетную работу. В первую очередь занялся составлением всеподданнейшего донесения о сделанных им обозрениях и новых предположениях по устройству Восточной Сибири. Он составил проекты положений о Забайкальском казачьем войске и Камчатской области, которые отправил министрам, написал несколько писем. В ответ на послание канцлера Нессельроде, в котором главного начальника предупреждали действовать с особой осторожностью и избегать шума, Муравьев ответил: «Охотское море так ныне наполнено китоловами всех европейских наций, и английские военные суда так учащают посещения свои в те страны, что наши скромные торговые предприятия с гиляками едва ли могут обратить какое-нибудь внимание китайцев» [260—261]. Он так был занят составлением ответов и написанием писем и прошений, что по пять-шесть дней не выходил и не выезжал из дома.

В большом письме Л.А. Перовскому генерал рассказал о поездке на Камчатку и поделился своими мыслями о ее будущем. Между прочим он обратился с просьбой разрешить учредить несколько новых станций по Якутскому тракту и представить известного почетного гражданина Иркутска Е.А. Кузнецова, пожертвовавшего два миллиона пятьсот пятьдесят тысяч для первоначального устройства пароходов на Амуре, к приличному вознаграждению. Муравьев был убежден, что одной строгости и взыскательности в Сибири недостаточно, необходимо и поощрение крестами и повышениями тех, кто честно трудится. Его рапорты и отчеты часто содержали предложения о награждении отличившихся чиновников, военных, купцов-меценатов.

Управленческие структуры пополнились молодыми и образованными людьми, в том числе из числа детей дека-

бристов — В.И. Якушкиным, А.И. Бибиковым, М.С. Волконским и другими. Спустя почти два года после назначения наконец-то 6-го декабря 1849 года Н.Н. Муравьев был высочайше утвержден в должности генерал-губернатора Восточной Сибири. А между тем его всеподданнейший отчет об обозрении Восточной Сибири государь повелел прочитать на экстренном заседании Комитета министров с участием канцлера и подготовить свои замечания. Содержавшееся в отчете представление генерал-губернатора о приведении в оборонительное положение Петропавловского порта и снабжении его тремястами орудиями государь назвал мечтою, другие — фантазией по причине пылкости воображения генерал-губернатора. У Муравьева возникло ощущение, что на него пошла кабинетной, чернильной, дипломатической войной.

За два года службы у Муравьева сложилось определенное мнение о характере генерал-губернаторской власти в Восточной Сибири, о чем он откровенно и с горечью поведал графу Л.А. Перовскому. Узнав, что известный золотопромышленник Бенардаки получил крупные поставки по военному ведомству, он посчитал что это еще более усилит его власть в Восточной Сибири. Муравьев сознавал, что власть Бенардаки больше его губернаторской власти. После двух лет прихода к такому же выводу, прежние генерал-губернаторы покорялись и спешили из своей покорности извлечь пользу. «А я привык только покоряться властям, Богом и законами установленным. Пользы же для себя лично никогда и не из чего не извлекал, в чем даже и не вижу достоинства. — И прибавил: — Есть упрямые новгородские головы, которые каковы в колыбельке, таковы и в могилке» [248].

А как же полученный Муравьевым талисман, его донесения «в собственные руки» государя? Генерал трезво оценивал ситуацию и считал, что известные министерства, в первую очередь военное и министерство финансов, ни за глаза, ни в глаза «его не полюбят», не будут с ним считаться и поддерживать. Донесения его «в собственные руки» поступали в эти же министерства, поощрения по службе большей части его подчиненных зависели от них же. Казалось, что государь лично оградил Муравьева от министров, но предположения и

*Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири
графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Художник К.Е. Маковский. 1863 год*

подчиненные его оставались всегда в их руках, и самая удачная поездка его в Петербург изменить этого не могла. Так, Муравьеву было отказано в назначении адъютанта, которого он желал, хотя это право принадлежит исключительно генералу. Более того, вместо четырех адъютантов ему определили только двух.

Сообщения Г.И. Невельского о его решительных действиях в устье Амура радовали генерала. С целью исследования Амура и для ознакомления с жителями капитан на вельботе проплыл 100 верст вверх по Амуру, а в 25 верстах от устья 6 августа 1850 года, в день Преображения Господня, впервые поднял на свободных берегах Амура русский военный флаг при криках «Ура!» бывших с ним матросов. При этом капитан сообщил гилякам соседней деревни, что отныне они поступают под русскую защиту и покровительство. За-

нятие русскими устья Амура состоялось. Оставив здесь пост из пяти человек своих гребцов, Невельской назвал его Николаевским. Успешно завершил задание генерал-губернатора о переводе порта из Охотска в Петропавловск на Камчатке и М.С. Корсаков. Муравьев срочно выехал в Петербург и приказал Невельскому и Корсакову со своими донесениями тоже немедленно отправиться в столицу.

В Петербурге генерал-губернатор прежде всего исходатайствовал себе доклад государю, в котором изложил действия капитана Невельского на Амуре, собранные им сведения о независимости обитающих на устьях Амура гиляков, об основании там Николаевского поста и прочее. Государь приказал Муравьеву предоставить ему особую записку обо всех предположениях на Амуре. На ее основе был созван Гиляцкий (Амурский) комитет, в котором участвовали граф Нессельроде, военный министр, министр финансов, министр внутренних дел, советник Сеньявин и другие. В книге подробно раскрыт весь драматизм состоявшегося обсуждения записки. Господствующей идеей выступившего канцлера Нессельроде являлась мысль о недопущении занятия устья Амура. Он считал, что возводить постройки в Гиляцкой земле опасно и преждевременно. Канцлер полагал, что торжественное открытие пункта в устье Амура не может не встревожить китайцев, поэтому благоразумие требует оставить этот пункт во избежание крайней опасности. «Кто может поручиться, — вопрошал он, — что китайцы не придут туда в значительной силе, не вытеснят горсть наших людей, не разорят на глазах гиляков наши постройки и не попрут самого флага?» [281]. Итак для сохранения чести и достоинства нашего правительства гораздо лучше, говорил он, теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этот пункт на Амуре в ожидании, что напишет китайское правительство. Необходимость занятия устья могучей реки убежденно доказывал генерал-губернатор Восточной Сибири, говорил о важности опередить иностранцев, особенно англичан, которые могли занять это ничейное место. Против занятия устья Амура кроме графа Нессельроде были советник Сеньявин и князь Чернышев — военный министр. Барсуков привел сло-

ва князя с упреком Н.Н. Муравьеву: «Вы хотите воздвигнуть себе памятник!» — и заметил, что слова его будут пророчеством... Заседание закончилось без принятия решения.

Через несколько дней Муравьев получил журнал заседания с подписями всех участников. В нем говорилось о неудобстве занятия устья Амура, выражены опасения о возможном разрыве с маньчжурами. В конце отмечалось, что «призванный в заседание генерал-губернатор Муравьев согласился с этим мнением». Николаю Николаевичу нужно было только поставить свою подпись. Однако он не стал подписываться и «в весьма коротких, но сдержанных выражениях заявил свое решительное несогласие с содержанием этого протокола» [282]. Поступая так, Муравьев хорошо понимал, что могущественные министры не простят ему такого своеволия. Но для Муравьева всегда были приоритетными интересы России, которые он видел на этом этапе в утверждении российской государственности на Тихоокеанском побережье. Ознакомившись с журналом и возражениями Муравьева, Николай I велел собраться Комитету вновь, но теперь под председательством наследника Александра. На повторном заседании Комитета, которое состоялось 19 января 1851 года, большинство его членов высказались в пользу занятия устья Амура. Граф Нессельроде и его сторонники-министры остались с прежним мнением. Принятым постановлением учреждалась Амурская экспедиция, ее начальником назначался капитан 1 ранга Г.И. Невельской. Все ее действия и руководство должны были осуществляться под главным начальством генерал-губернатора Восточной Сибири. Снабжение экспедиции товарами, гребными судами и строительными материалами возлагалось на Российско-Американскую компанию. В постановлении говорилось, что Николаевский пост остается в виде лавки РАК. Ограничения для действий экспедиции сформулированы так: «Никакого дальнейшего продвижения в той стране не предпринимать и никаких мест отнюдь не занимать». Прочитав постановление, государь повелел: военный пост, поставленный капитаном Невельским на устье Амура, сохранить и еще усилить одним морским судном. Таким образом, своим спасением от предполагаемого уничто-

жения Николаевский пост обязан мужественному протесту Муравьева и благоразумию Николая I. Так победно завершилась борьба Муравьева и Невельского за возможность исследовать и занять низовья Амура.

За почти восемь месяцев пребывания в Петербурге Муравьеву еще многое удалось, в том числе утверждение положения о Забайкальском казачьем войске на тех основаниях и в том виде, как он задумал. В состав войска вошли: все пограничное казачье войско, Забайкальский городской казачий полк, все инородческие, тунгусские и бурятские полки, все станичные соединения казаков, а также освобожденные от приписки к Нерчинским рудникам крестьяне. Около 30 тысяч горных крестьян были обращены в пеших казаков. В лице Забайкальского казачьего войска край получил надежного пограничного защитника. Внесены существенные изменения в управленческую сферу: от управления Иркутской губернии отделялись Забайкальская и Якутская области, ставшие самостоятельными губерниями, что должно было внести новую жизнь в эти забытые окраины. Учреждение Кяхтинского градоначальства открыло возможность более надежно вести сношения с китайскими властями и «вселить в них доверие к нашей силе и заинтересованность в развитии торговли». По инициативе Муравьева создан Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, который должен быть не только географическим, русским и ученым обществом, но, как он заметил, учено-патриотическим обществом, которому предстоит приобрести Сибирь для России в научном отношении.

Вскоре после возвращения в Иркутск генерал-губернатор предпринял объезд вновь образуемой Забайкальской области, чтобы лично убедиться в деятельности только что созданного областного управления. При этом он осмотрел вновь сформированные казачьи войска. Все население Нерчинского горного округа с неподдельным восторгом встречало виновника своего освобождения от тяжелейших горно-заводских работ и повинностей. По этому поводу во многих местах среди крестьян прошли молебны.

По прибытии в Иркутск Муравьев получил от великого князя Константина Николаевича, возглавившего Глав-

ный морской штаб, рескрипт, в котором тот писал, что по состоянию здоровья отправляется на всю зиму в Венецию, и просил сообщать ему с полной откровенностью о делах Восточной Сибири, в особенности об экспедиции Невельского, действиях Завойко и прочем. С этого времени, отмечал И.П. Барсуков, начинается постоянный обмен мыслями между Муравьевым и великим князем по Амурскому делу, развитию которого он оказывал свое неизменное высокое покровительство и содействие.

После успешного исследования района озера Кизи и залива Де-Кастри Невельской все усиленной настаивал на занятии этой ничейной территории. В донесении начальнику Главного морского штаба о необходимости занятия этой территории Муравьев обратил внимание на ее стратегическое значение. Он просил разрешения снарядить осенью сплав по Амуру. В ответ генерал-губернатор получил уведомление, что государь вследствие объяснения канцлера Нессельроде не утвердил занятие селения Кизи и залива Де-Кастри и проведение сплава по Амуру, а повелел проявлять крайнюю осторожность и неспешность в этом деле. «Медленность и опасения в таком важном для России деле, — написал Барсуков, — страшно взволновали Муравьева». К тому же он получил огорчившее его известие о том, что Л.А. Перовский перешел служить председателем департамента уделов. Таким образом Муравьев потерял одну из главных опор в борьбе с препятствиями, которые ему ставили в высших сферах столицы по делам Восточно-Сибирским вообще, а по Амурским — в особенности. В донесении великому князю Константину Николаевичу Муравьев, ссылаясь на Невельского, писал, что оба берега при устье Амура не принадлежат китайцам. «Однако ж нельзя оставлять надолго столь важное дело в настоящем его двусмысленном и сомнительном положении», — подчеркнул он. В активных действиях англичан генерал видел реальную опасность потери устья Амура.

Считая, что высшее правительство ему не доверяет, у Муравьева возникла мысль об отставке. «Лучше уйти, другому может быть поверят». С таким настроением он в феврале 1853 года отправился в Петербург. Тотчас же по приезде

представил императору записку с изложением своего взгляда на тогдашнее политическое положение Восточной Сибири и на могущие для нас последствия ожидаемой войны англичан с китайцами. Генерал-губернатор назвал главнейшим вопросом определение нашей границы с Китаем. Однако он считал, что этот вопрос во всех его подробностях не может быть разрешен из министерства иностранных дел. Было бы полезнее предоставить местному главному начальнику права войти в непосредственные сношения с китайским трибуналом и нашей духовной миссией в Пекине, которая вела бы всю свою переписку с министерством через генерал-губернатора. Он высказал предположение о том, что рано или поздно придется уступить наши Северо-Американские владения. Тем важнее наше господство на всем азиатском побережье Восточного океана. Поэтому Муравьев предлагал развить наше владычество на побережье океана и разрешить Российско-Американской компании утвердиться на Сахалине, откуда неминуемо наша торговля разовьется с Японией и Кореей. Ближайшими последствиями этой записки стало высочайшее утверждение штатов Амурской экспедиции, ставшей уже исключительно правительственной. Последовало императорское повеление о предоставлении РАК право занять остров Сахалин, с тем чтобы не допускать на остров никаких иностранных заселений, также занять залив Де-Кастри и озеро Кизи. Затем в присутствии государя, наследника престола, великого князя Константина Николаевича и военного министра были рассмотрены предоставленные Муравьевым все съемки и карты Восточной Сибири.

Ссылаясь на публикацию П.В. Шумахера, Барсуков описал доброжелательную беседу государя с Муравьевым, который сделал доклад «со свойственными ему энергетическими и основательными объяснениями» [325]. Государь убедился в том, что пространство Приамурья, которое лежит от реки Буреи к морю, принадлежит России. Военному министру он сказал: «Так и снестись об этом с китайцами». Потом, подзвав к общей карте Амура Муравьева, Николай I, указывая на устье Амура, произнес: «Все это хорошо, но я должен посылать защищать это из Кронштадта». Муравьев же в ответ

Император Николай I (1796—1855)

сказал: «Кажется, нет надобности, государь, так издалека», — и, проведя рукою по течению Амура из Забайкальского края, прибавил: «Можно и ближе подкрепить». Государь при этих словах положил ему руку на голову и произнес: «Эх, Муравьев, ты, право, когда-нибудь сойдешь с ума от Амура!». Муравьев отвечал: «Государь! Сами обстоятельства указывают этот путь». Ударив его по плечу, Николай I сказал: «Ну так пусть же обстоятельства к этому и приведут, подождем». Никто не предполагал, что не пройдет и года, как обстоятельства заставят предложения Муравьева реализовывать. А тогда в качестве компенсации император наградил Сибирского генерал-губернатора Муравьева орденом Белого Орла с грамотой, в которой выражено особенное монаршее благоволение за его примерно-ревностные и неутомимые тру-

ды по развитию благосостояния обширного края и быстрые успехи по устройству казачьих сословий Восточной Сибири. Все эти вести в Иркутск привез назначенный на службу майор Н.В. Буссе. А Муравьев взял четырехмесячный отпуск и отправился на лечение в Германию.

Барсуков посвящает специальную главу (XXXIX) действиям Г.И. Невельского по выполнению задач, поставленных императором. На транспорте «Байкал» он достиг самой большой из внутренних гаваней, где 1 августа 1853 года поднял военный флаг и поставил пост, названный в честь его генерал-адмирала Константиновским. Затем в заливе Де-Кастри учредил пост Александровский. Перешел на озеро Кизи, при выходе оттуда Невельской поднял флаг и поставил пост, названный им Мариинский. Таким образом, подчеркнуто в книге, транспорт «Байкал», построенный в Кронштадте, положил в 1853 году первое начало плаванию русских судов по Татарскому проливу. «Горсть людей, выброшенная в 1850 году в дикую пустыню на Петровской косе, — написал Барсуков, — вместо предназначенного ей основания простого зимовья для расторжки с гиляками успела, несмотря на всевозможные лишения и нужды, в течение двух лет обследовать пустынную местность низовья Амура, утвердиться на главных пунктах и распространить русское влияние на все окрестное народонаселение. И это совершилось, несмотря на все интриги в высших правительственных сферах» [330—331]. В книге с признательностью перечислены исторические имена участников Амурской экспедиции. Это капитан 1 ранга Невельской — начальник экспедиции, подпоручик Орлов, лейтенант Бошняк, мичман Петров, мичман Разградский, лейтенант Рудановский, священник Гавриил (сын Иннокентия, впоследствии митрополита Московского) и другие.

Во время отпуска Муравьев не только поправил свое здоровье, но и совершил большое путешествие по Западной Европе, побывав с женой в Германии, Франции, Испании, Англии. Это путешествие рассеяло многие его неприятные впечатления по службе и «оставило лишь необходимое для службы, т. е. твердое намерение употребить все мои силы и

способы на пользу Государя и Отечества, и укрепило убеждение, что в России лучше, чем во всех других частях Европы» [335].

Амурская эпопея. Известие о начале войны России с Турцией, Англией и Францией застало Муравьева в Петербурге. Пытаясь получить инструкции в отношении защиты наших берегов на Восточном океане от неприятельских флотов, он убедился, что об этом никто даже и не думал и не заботился. Генерал-губернатор svoеручно представил великому князю Константину Николаевичу секретную записку, испрашивая разрешение сплавить по Амуру необходимое число войск для защиты как устьев этой реки, так и Камчатки. Дабы не обременять во время войны государственную казну новыми расходами, он испрашивал право распоряжаться всеми остаточными суммами от сметных начислений по всем ведомствам Восточной Сибири.

После ознакомления императора с запиской и рассмотрения муравьевских предложений на комитетах были приняты важнейшие решения, касавшиеся Восточной Сибири. Генерал-губернатору предоставлялось право все сношения с китайским правительством о разграничении восточной окраины вести непосредственно, о чем был послан лист от министерства иностранных дел в Пекинский трибунал 6 февраля 1854 года. Для переписки с Пекином Муравьеву назначался секретарь по дипломатической части и переводчик китайского и маньчжурского языков. Было получено право распоряжаться всеми остаточными суммами от сметных исчислений, отчет об их расходовании Муравьев представлял лично государю. Наконец, к его великой радости, после долгих и жарких прений наступил решительный час, когда он услышал: решено плыть по Амуру, если бы даже не было получено ответа от китайского правительства. Николай I, утвердив такое решение, лично сказал генералу Муравьеву: «но чтобы и не пахло пороховым дымом». Николай Николаевич тотчас же отправил в Иркутск бывшего с ним подполковника Корсакова с поручением ускорить распоряжения по Амурскому сплаву, которые им были заранее подготовлены в твердой уверенности в его осуществлении. Невзирая на свои хоро-

шие отношения с Невельским, Муравьев отправил ему официальное замечание. Поводом для этого послужила записка Главного правления РАК о «неправильности действий и неуместных требованиях» Невельского, которые, по его мнению, «выходили из границ приличия и наносили вред общему делу» [346].

Поспешив в Иркутск, в Москве генерал-губернатор явился к маститому архипастырю, Московскому митрополиту Филарету и просил его святительского благословения. В книге благословение приведено полностью. В нем были такие слова: Бог «да укрепляет вас против трудностей со стороны природы и людей, недовольно способных или не расположенных понимать и принимать усовершенствования. Да увенчивает ваши труды и подвиги вождельными успехами» [348].

Напутствуемый архипастырским благословением, Н.Н. Муравьев отправился в путь. В Красноярске получил известие от Корсакова, что пароход «Аргунь» будет готов к плаванию 1 мая, что все команды и артиллерия двинуты с разных концов Забайкальской области к Шилкинскому заводу. Туда же направляется с лишком 25 тысяч пудов провианта для сплава.

О боевом настроении Муравьева можно судить по его письму брату Валериану Николаевичу из Иркутска, в котором он писал: «Радуюсь, что мы решились воспользоваться настоящими нападениями на нас Европы, чтобы делать наше дело в Азии, и употребляю все мои способы, чтобы упрочить это дело навеки для России. Эти обстоятельства могут меня задержать здесь еще на несколько лет, пожалуй, dokonчу и десятилетие, до которого остается еще три с половиной года» [351].

В Иркутске Николай Николаевич деятельно продолжал свои распоряжения относительно приготовления сплава и во все входил сам лично, даже в мелочах видна его заботливость, о чем свидетельствовали приведенные Барсуковым его письма М.С. Корсакову. Он благодарил его и Казакевича за усердие и успех. Сообщал, что жена остается в Иркутске, ибо здоровье ее не позволяет ей предпринять столь дальнее и

трудное путешествие, что купец С.Ф. Соловьев дает деньги и сверх того, кирпичный чай, табак, водку. Для Камчатки надо еще везти сто пудов хорошего свинца и прочее.

При известии об открытии плавания по Амуру встрепенулась вся Сибирь. Воскресли надежды на возвращение богатого и плодоносного Амурского края и Албазина, отторгнутых маньчжурами в 1689 году, надежды на развитие торговли и промышленности при открытии речного сообщения с океаном. Иркутское купечество, знавшее невыгодное о себе мнение Муравьева, по достоинству оценило его заслуги и изъявило готовность сделать значительные денежные пожертвования на Амурский сплав. Из Иркутска Николай Николаевич выехал 19 апреля 1854 года по Кругобайкальской дороге. По пути на Шилкинский завод его везде встречали с восторгом, давали в честь него обеды, сочиняли стихи и песни. В книге приведено одно из этих искренних сочинений.

С прибытием Муравьева на Шилкинский завод к нему поспешили явиться для проводов главные местные начальники Забайкальской области и все представители сословий. Протоиерей Симеон Боголюбский поднес Муравьеву в дар воинству древнюю святую икону Знамения Божьей Матери, по преданию вынесенную из Албазина. По традиции отслужили напутственный молебен. В честь Муравьева начальник Нерчинских заводов устроил на заводе праздник с иллюминацией, фейерверком и русским хлебосольством, с военной кавалерийской и инструментальной музыкой и русскими песнями, исполняемыми певцами из каторжан.

Рано утром 14 мая 1854 года Н.Н. Муравьев отдал по лагерю приказ выступить в поход после полудня. Около 4-х часов пробили тревогу. Из лагеря вышел Муравьев со своей свитой, и все двинулись к берегу, где на небольшом покрытом скатертью столе находилась икона Божьей Матери, которою местный священник благословил пришедших. Началось шествие. Муравьев со свитой встретил святые иконы поклоном с крестным знамением, а войска отдали надлежащую по уставу воинскую честь. Затем Муравьев обратился к войску и сказал: «Дети! Настало время отправиться в поход; помолимся Господу Богу и попросим Его благословение на наше путе-

шествие». «Рады стараться!» — единогласно отвечало войско. После этого протоиерей со святым крестом и водой в сопровождении Муравьева и командира военной экспедиции полковника М.С. Корсакова окропил все лодки, карбасы, баржи и плоты. Генеральская лодка подняла на мачте флаг. Все стали по лодкам, скомандовали отвал. Флотилия растянулась на две с лишком версты.

Через четыре дня флотилия вступила в воды Амура. Трубачи играли «Боже, Царя храни!». Все встали на лодках, сняли шапки и осенились крестным знамением. Зачерпнув в стакан воды амурской, Муравьев поздравил всех с началом плавания по Амуру, раздалось «Ура!». Это была торжественная минута, когда спустя двести лет русские снова оказались на Амуре. Подойдя к бывшему Албазинскому острогу, помолились. Первым взошел на албазинский вал Муравьев, за ним последовали все остальные.

Поскольку на сообщение об экспедиции китайского ответа не последовало, достигнув устья Зеи, Муравьев отправил в маньчжурский Айгунь чиновника с известием о прибытии экспедиции. Ничего не ведая о сплаве, айгунский начальник и его приближенные, увидев невиданный маньчжурами пароход и огромное число плывущих по реке барж и лодок, так перепугались, что желали только одного — скорейшего удаления русского военного отряда из-под стен их города. Ровно через месяц со дня начала сплава, 14 июня, экспедиция прибыла в Мариинский пост, где все баркасы и лодки вошли в залив Амурской протоки, на берегу которой стояли только две избы с пятью жильцами, содержавшими пост. В этот день за обедом у Муравьева собрались его близкие соратники и дружно и радостно поздравляли друг друга с успешным окончанием первой военной русской экспедиции по реке Амур.

«Успех нашей первой военной экспедиции, — говорится в книге, — составляет важную эпоху в истории приобретения Амура: эта экспедиция окончательно познакомила русских с берегами судоходной реки и показала пригодность ее для сплава, удобство и возможность заселения берегов Амура при малонаселенности страны, миролюбие местных ее жителей и слабость китайцев, словом, она проложила России

путь к Восточному океану» [373]. Для защиты Петропавловского порта Муравьев направил 350 человек нижних чинов на имевших орудия транспортах «Иртыш» и «Двина». Эти транспорты успели прибыть в Петропавловский порт до неприятельского нападения. Сотню казаков при горных орудиях он приказал оставить в Мариинском порту, а остальные сплавились вниз по Амуру в Николаевский пост, где находилось три дома и компанейский магазин. Капитан Невельской получил распоряжение генерала произвести постройки в Николаевском посту, имея в виду, что туда соберется на зимовку до 800 человек, и снабдить пост продовольствием.

С прибытием подкрепления гарнизон на Камчатке составил 879 нижних чинов и 42 офицера, устроены были семь батарей. На основе публикации П.В. Шумахера Барсуков подробно описал разгром русскими англо-французского десанта. 18 августа военная эскадра из шести французских и английских судов стала на якорь на рейде Авачинской губы с явными враждебными намерениями. После обстрела с судов неприятель приготовил десантные боты, баркасы и шлюпки. Численность неприятельского десанта насчитывалась до 700 человек, для их отражения у нас было только 204 человека. Малочисленные наши отряды дружно и безостановочно шли вперед, стреляя в неприятеля, и потом с криком «ура» ударили в штыки. Их поддерживали наши батареи. Несмотря на свою сравнительную многочисленность, неприятель держался недолго и в беспорядке побежал. Сражение кончилось в 12 часов дня. Потеря неприятеля составила до 350 человек. Взято английское знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей. На обоих вражеских фрегатах замечены пробоины в корпусе, перебиты винты, сделаны другие многие повреждения. Были потери и с российской стороны — около 100 человек убитых и раненых. Через три дня англо-французская эскадра снялась с якоря, вышла в море и скрылась из виду. Узнав об отбитии нападения неприятельской эскадры на Петропавловский порт, Муравьев ясно предвидел, что враг не захочет остаться в долгу и будет готовиться к новому нападению. Последовали его распоряжения о подготовке к новому отражению неприятеля.

По Аянскому тракту Муравьев вернулся в Иркутск и стал готовиться ко второму сплаву по Амуру. В Петербург с рапортом о первом сплаве он отправил Корсакова, который был принят государем, великими князьями и великой княгиней Еленой Павловной. Корсакова произвели в полковники, Невельского — в адмиралы, Казакевича — в 1-й ранг капитана. В начале декабря 1854 года Муравьеву был пожалован орден Александра Невского.

Получив известие о намерении понесшей поражение англо-французской эскадры вновь отправиться к Петропавловску и уничтожить его, Муравьев решается на исключительный шаг. Не спрашивая предварительного разрешения государя (на это не оказалось времени), он взял на себя ответственность и отдал приказ о переводе эскадры и всех учреждений Петропавловска на Амур. С этим тайным приказом он отправил курьером своего адъютанта в Петропавловск.

Из письма Муравьева брату Валериану Николаевичу (19 октября 1854 года). «Ты, вероятно, уже прочел в газетах о поражении, нанесенном неприятелю на Камчатке, и, конечно, порадовался этому — прежде как русский, а потом как брат мой, что и мои труды и хлопоты не остаются без существенного вознаграждения, т. е. успеха. Конечно, Россия мне обязана сохранением Камчатки, но война продолжается — должно и мне продолжать заботиться и приготавливаться». Известие об отражении нападения англо-французской эскадры на Петропавловский порт, словно искра, облетела всю Восточную Сибирь. Преосвященный Иннокентий из Якутска прислал свой архипастырский привет: «С искреннею величайшею радостью честь имею поздравить вас с дивною, славною и нечаемою победою над сильнейшим врагом, нападавшим на нашу Камчатку... Мне кажется, что гордые и упрямые враги наши во что бы то ни стало постараются уничтожить Камчатку... Призывая на вас и на все ваши благие дела, начинания и намерения благословение Божье...» [387—388].

В письме Корсакову в Петербург Муравьев написал о приготовлениях к новому сплаву: «Мы здесь приготавливаемся к будущему плаванию не на шутку: 100 тысяч пудов муки, 500 штук рогатого и другого скота и прочие мелочи отправля-

ются на 60-ти плашкоутах. Я пишу обо всем его высочеству и прошу отправить Казакевича в Америку для заказа паровых и винтовых корветов; а ты привезешь мне сюда необходимые чертежи для здешних построек и, может быть, корабельного инженера, без этого мы не можем приступить ни к машине, ни к пароходу» [388].

Главу о Муравьеве-победителе Барсуков завершил публикацией впечатления о нем маститого писателя И.А. Гончарова, который провел несколько дней с ним в Аяне в августе 1854 года. «В беседах с ним я успел взглянуть в него, послушаться его мыслей, намерений, целей! Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, боровшаяся с препятствиями, которые тормозили его ретивый пыл! Небольшого роста, нервный, подвижный. Ни усталого взгляда, ни вялого движения я ни разу не видел у него. Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях... Пылкий, предприимчивый дух этого энергического борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами, и из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и любезного он превращался на мгновение в рыкающего льва. И тогда плохо было нарушителю закона. Он со мной на Амуре был откровенен, не стеснялся в беседах, как с лицом, посторонним тамошним делам» [389—390].

В наступившем 1855 году Муравьев продолжал внимательно следить за севастопольскими событиями и усиленно готовиться к очередному сплаву по Амуру. В письме брату Валериану Николаевичу он написал: «...Я радуюсь, что государь мною доволен — это главное... Ты не можешь себе представить, сколько препятствий я встречаю во всем; но чем их более, тем более усиливается мое желание их побороть» [391]. Он признается брату, что в многосторонних занятиях его часто посещают разные болезни: то горячки, то грудная боль с одышкой, то желчные припадки отнимают драгоценное время.

Главным помощником Муравьева в подготовке к новой Амурской экспедиции являлся М.С. Корсаков, с которым он вел интенсивную переписку. Кстати, Николай Никола-

евич просил его писать проще, без заглавий и окончаний форменных: лишнее время, чернила и бумага; «любви и преданности твоей я давно верю, а титул мой мне давно надоел», — написал он.

Письма позволяют судить об изменении отношения Муравьева к Невельскому, завершившему свою миссию начальника Амурской экспедиции. В Николаевском порту решено было построить батарею на входе в реку. Вопреки этому контр-адмирал Невельской намеривался возвести батарею на увале напротив своего дома. «Вот к чему ведет честных людей излишнее самолюбие и эгоизм!» — замечает Муравьев и подчеркивает три последних слова» [395]. В этом же письме он написал, что для успокоения Невельского полагает назначить его при себе начальником штаба, с громким названием он не будет никому мешать и dokonчит свое поприще почетно [396].

Наконец, горестная весть о кончине государя Николая Павловича дошла и до Сибири и чрезвычайно поразила и опечалила Муравьева. Корсакову он написал: «Господи! Будь милостив на Россию, укрепи нашего молодого, доброго и честного государя, помоги ему оправдать слова манифеста и возвести Россию на ту степень величия, которую предполагали ей Петр I, Екатерина II, Николай I». Из письма брату Валериану Николаевичу (21 марта 1855 года): «...Польза Отечества и служба царская требуют деятельности; предаваться горю не время, и в обширном моем крае все двигается и готовится, а на третий день Святой и мы с женой выезжаем из Иркутска к Амуру и через месяц надеемся уже плыть, а через шесть недель буду готовиться на берегу моря» [402].

Как всегда, желая лично вникнуть во все дела, Муравьев из Сретенска отправился верхом с одним проводником-казак по горной тропе, всегда опасной для проезда, особенно весной, и неожиданно прибыл на Шилкинский завод. Здесь строились суда, предназначенные для экспедиции. Вся рабочая команда состояла из 1000 человек. Всех судов было построено до 130, они могли поднять груз до 400 000 пудов. Убедившись, что суда готовы, Муравьев обнял и расцеловал

А.А. Назимова и офицеров, собрал всех работавших и сердечным, простым могучим русским словом поблагодарил их за труд. По свидетельству К.Б. Чаплеевского, толпа при громких криках подняла генерал-губернатора на воздух и ликovala бесшабашно, позабыв долгий и тяжелый свой труд и готовая бодро идти с ним и в огонь и в воду.

Второй Амурский сплав предназначался для увеличения сил на устьях Амура, где предполагалось сосредоточить наши суда, находившиеся в Японии и Камчатке. Сплав состоял из трех отделений. Первое состояло из 26 барж под начальством самого Муравьева. Второе включало 64 баржи под началом полковника А.А. Назимова. Третье состояло из 35 барж вместе с купеческими под началом полковника М.С. Корсакова. С этим сплавом на защиту Приамурского края следовали два линейных полубатальона и сводный казачий полубатальон. Главный груз состоял из тяжелых крепостных орудий, предназначенных для укрепления Николаевского порта. При третьем отделении сплава находилась первая ученая Амурская экспедиция, снаряженная Сибирским отделом Императорского Русского географического общества, на которую почетный гражданин Иркутска С.Ф. Соловьев пожертвовал полпуда золота. С этим сплавом под руководством чиновника особых поручений при Муравьеве М.С. Волконского направлялись первые переселенцы-крестьяне для водворения в местах между Мариинском и Николаевском. Несмотря на большие трудности и потери, все поставленные перед вторым сплавом задачи были успешно решены, в том числе переселенцами основаны пять поселений.

А в это время английская флотилия, готовившаяся уничтожить Петропавловский порт и русский флот, не обнаружив там ни жителей, ни кораблей, стала рыскать вдоль побережья в поисках русских судов. В Аян с двух английских фрегатов высадился десант офицеров и команды до 1000 человек. В пустынном поселке англичане встретили только священника, с благоговением молившегося в церкви. Это был преосвященный Иннокентий, который произвел на англичан хорошее впечатление, хотя по началу его взяли в плен. Через несколько дней фрегаты покинули гавань. Всего судов в Охотском

море было: 22 французских и 34 английских. Попытки неприятеля в северном и южном проходах войти в Амур остались безуспешными. Собираясь уничтожить русский флот и все укрепления, он не смог выполнить ни одной из этих амбициозных задач.

Дождавшись снега, Муравьев вместе с Екатериной Николаевной через Якутск 15 декабря 1855 года вернулся в Иркутск. Здесь его встретили недобрые вести из Китая о том, что китайское правительство вознамерилось не допускать более сплавов по Амуру и с этой целью якобы были двинуты к реке войска из южной Монголии. Для выяснения этих вопросов с секретной миссией отправился М.С. Волконский, который получил приказ прямо из Маньчжурии курьером прибыть в Петербург, где будет находиться главный начальник. Добытая им информация свидетельствовала, что никаких военных приготовлений в Монголии не производилось. Муравьев смог успокоить чиновников министерства иностранных дел. Поскольку доводы и доказательства Муравьева были ясны и сильны, император повелел МИД снабдить генерала полномочиями для переговоров с китайцами и заключения с ними условий по тем требованиям, которые уже были им сообщены. Плавание по Амуру велено продолжать, но воздерживаться от всяких насильственных мер, употребляя открытую силу только для освобождения из плена русских.

В связи с назначенной на август 1856 года коронацией Муравьев остался в Петербурге, направив своего адъютанта в Иркутск с предписанием полковнику Корсакову «энергически стоять в отношении сплава экспедиции 1856 года» и с известием о подписании в Париже мира. Конечно, генерал не мог ограничиться только предписанием. Барсуков замечает, что по своему личному влечению к Корсакову и по своей обычной заботливости о делах Сибири «он послал ему целый ряд душевных писем, содержание которых преимущественно касалось сплава по Амуру». «Странно мне отправлять Амурскую экспедицию без себя», — отмечал он. Решено было, что Казакевич становится Камчатским военным губернатором и командиром портов наших в Восточном океане. Великий князь подарил для Амура шесть винтовых корветов и шесть

винтовых клиперов с экипажем в 48 человек, — сообщал Муравьев М.С. Корсакову, который еще в конце 1855 года был назначен военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. М.С. Корсаков являлся самым молодым российским губернатором — ему не исполнилось и 30 лет.

Сделав все письменные распоряжения, Н.Н. Муравьев отправился за границу в Мариенбад для поправки своего расстроенного здоровья. Тем временем полковник Корсаков успешно выполнил распоряжения генерал-губернатора. Встретившись с тремя амбанами в Айгуне, он объявил им, что прибыл по распоряжению генерал-губернатора Муравьева проводить наши суда, идущие на устье Амура. Он предупредил их, что будут ходить в течение всего лета вверх и вниз по реке наши суда и пароходы, что он приказал оставить на некоторых местах по левому берегу Амура продовольствие с людьми для оказания помощи в случае нужды проходящим нашим судам и командам. Первоначально отказав, китайские чиновники в итоге дали согласие на сплав и учреждение трех русских постов на Амуре. Третий Амурский рейс под началом полковника Н.В. Буссе, состоявший из 110 барж и плотов, благополучно спустился по Амуру.

В соответствии с традицией, коронация нового русского царя Александра II проходила в первопрестольной Москве. Для Муравьева это уже было второе присутствие на столь значимом событии. В качестве камер-пажа он участвовал в 1826 году в коронации почившего в Бозе императора Николая I. В самый день коронации 26 августа Н.Н. Муравьев присутствовал в Успенском соборе Кремля, когда митрополит Филарет возложил корону на голову императора Александра II. В этот день были помилованы политические преступники, в том числе и декабристы. По поручению императора Муравьев срочно отправил в Сибирь М.С. Волконского с милостивым манифестом. В этот же день сам генерал «всемиловитейше» был пожалован орденом святого благоверного и великого князя Александра Невского, украшенным бриллиантами.

Вместе с тем душевное и психологическое состояние

Муравьева было крайне тяжелым: «ему пришлось пережить много огорчений», связанных с умалением его заслуг и личного достоинства. Он переживал тяжелый душевный кризис, вызванный тем, что, по его мнению, Александр II не с полным доверием к нему относился. А без этого он служить не мог, так как был убежден, что без «особенного доверия императора» он будет бесполезен для Сибирского края. Николай Николаевич подал рапорт об отставке. Государь ее не принял. Генерала вызвали к великому князю Константину Николаевичу, который убедил его не оставлять Сибирь. По этому поводу Муравьев написал брату: «...Сердце не камень: я остался, может быть, на свою гибель, но что делать, если у меня сердце часто берет верх над рассудком» [473]. К служебным переживаниям прибавились и семейные. По состоянию здоровья Екатерина Николаевна не смогла покинуть Францию и вернуться в Сибирь. С этого времени по семейному решению она стала жить во Франции.

Одним из распоряжений Муравьева являлся приказ о возвращении войск с устьев Амура в связи с заключением мира в Париже. Поход войск оказался чрезвычайно тяжелым: подняться против течения по неизвестной, громадной реке почти что 3000 верст на веслах — дело архисложное. Но этот возврат войск был необходимым, в первую очередь, чтобы доказать китайцам, что Амуром мы владеем и движемся по нему как дома. Большую проблему составляло бы обеспечение войска на зиму питанием и жильем. К тому же казаки, отслужив свое время, имели право на льготу находиться в своих семьях.

На основе донесений Барсуков привел данные о погибших нижних чинах и казаках. При эвакуации по Амуру от болезней и голода погибли 200—300 человек. Были отряды, заранее отправившиеся домой, которые вернулись с минимальными потерями. Много зависело от командиров. В книге приводится суждение П.В. Шумахера, который считал, что потеря людей и бедствия в дороге по случаю позднего возвращения вверх по Амуру преувеличены до безобразия досуею молвой и даже перешли в иностранную печать. Не совсем удачный возврат войск вызвал множество преувели-

ченных рассказов и обвинений Н.Н. Муравьева его врагами. Шум был и за границей. Участник этих событий К.Б. Чаплевский даже задумывался над таким вопросом: «Раздули неудачи этого возврата войск 1856 года до таких размеров, что нам, свидетелям и участникам этого похода, становится невероятным, кому нужна была эта ложь?» Прискорбный факт, который Муравьев мучительно переживал, в печати использовался для новых обвинений генерал-губернатора в халатности, в ошибочных распоряжениях и т. д.

В приведенной переписке Муравьева с Корсаковым в это время на первое место выступала забота о поселениях на Амуре. Предложенный генералом план переселения Амурского полка из одной пешей бригады государь утвердил. Еще одно личное ходатайство Муравьева тоже было удовлетворено: учреждалась Приморская область (1856) в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В ее состав вошли прежняя Камчатская область, Удский и Приамурский края. Местопребыванием военного губернатора назначен Николаевск на устье Амура. Вместо же прежней Камчатской флотилии учреждалась Сибирская флотилия на Восточном океане. Военным губернатором Приморской области и одновременно командиром Сибирской флотилии и портов стал П.В. Казакевич. «Дело Амура, — писал генерал Корсакову, — как ты видишь... явно и решительно поддерживается правительством: теперь не только государь и великий князь, но и все министры в пользу его» [479].

Судя по письмам, Муравьев впервые поставил вопрос перед великим князем о своем преемнике — М.С. Корсакове, которому он советовал: «...Тебе следует себя к этому готовить, и лучшее средство — опыт, а лучшего опыта иметь нельзя, как вся твоя служба в Восточной Сибири. Устрой Забайкальскую область и войско — тогда поведешь хорошо и дела всей Восточной Сибири, а дело Амурское никто лучше тебя продолжать не сумеет. Отказываться тебе от этой будущности было бы грешно и перед Отечеством, и перед самим собою» [477]. Генерал свое мнение о преемнике доложил государю и получил одобрение.

По распоряжению Муравьева осенью 1856 года между

Мариинском и Николаевском были построены почтовые станции, и зимой открыто первое на Амуре почтовое сообщение на лошадях, тройках и в кибитках, а также совершено первое путешествие по льду Амура на собаках и лошадях из Николаевска в Забайкальскую область.

В то же время в Сенат пришел лист Китайского трибунала с жалобой на Муравьева, который заселяет Амур, не обращая ни малейшего внимания на протесты местных китайских властей. А потому хорошо было бы, если бы русское правительство поспешило приказать Муравьеву отвести обратно людей и суда и тем предотвратить большие неприятности.

Демарш китайского правительства осуществлялся в момент, когда англичане приняли решительное намерение овладеть Кантоном и ожидали прибытия судов. Для решения возникшего вопроса о границах для переговоров в Пекин правительство направило адмирала Путятина, недавно заключившего договор с Японией. В письме великому князю Муравьев писал: «Не могу скрыть от Вашего Высочества, что я и теперь еще не разделяю мнения о пользе посольства нашего в Пекине, но, конечно, никто горячее не желает ему самого полного успеха, и я бы готов сам провожать туда графа Путятина с сотней казаков» [488]. При этом генерал утверждал, что наше оборонительное положение в устьях Амура весьма прочно, даже не менее прочно, чем в Кронштадте. Миссия Путятина оказалась неудачной. На совещании в Петербурге Муравьев настоял на том, чтобы продолжить заселение Амура и вести переговоры в миролюбивом духе, что и было ему предоставлено. Китайцев же известили, что генерал Муравьев получил от императора все приказания относительно того, как ему переговариваться и как действовать на границе. После всех совещаний по китайским делам Н.Н. Муравьеву присвоили звание генерал-адъютанта — один из высших в России чинов свиты императора. Муравьев расценил милость государя как утешение в разлуке с женой.

Наступивший 1858 год для Муравьева стал самым успешным годом его жизни. Несмотря на нездоровье — «припадки в несколько дней могут свести в могилу», настроение генерала было боевым. Он признавался брату Валериану Нико-

лаевичу: «Два года тому назад я мог свободно проситься вон отсюда и сделал бы это, а теперь это невозможно по совести. Высшее правительство может меня отозвать или выгнать... но из собственных выгод или для собственного спокойствия я отсюда проситься не стану, покуда сам не буду убежден, что в лице моем нет крайней необходимости» [508].

Николай Николаевич предписал генерал-майору Корсакову поспешить с приготовлением к сплаву частей войск, следующих на Амур, и в особенности обратить внимание на поспешный сплав крепостных орудий и всех принадлежностей для возведения батарей. Затем он послал Кяхтинского пограничного комиссара в Ургу с предупреждением, что Муравьев будет продолжать и в нынешнем году заселять различные места по Амуру и Уссури, но действия эти не враждебны маньчжурам, а напротив — несут общую пользу обоим государствам. Одновременно в Айгунь отправляется курьер сказать амбаню, что Муравьев будет на Амуре и будет спешить к устью и если он желает с Муравьевым переговариваться, то это будет удобнее на возвратном пути. Этим он показывал, что особого стремления к переговорам не имеет.

Н.Н. Муравьев ждал только минуты, чтоб вслед за льдами поплыть к устью Зеи. «На днях я отправляюсь на Амур месяца на четыре, — писал он из Иркутска брату Валериану 3 апреля 1858 года. — Исключительная моя теперь забота состоит в том, чтобы заселять Амур, развивать по нем пароходство и торговлю, учредить города, архиепископскую кафедру и открыть золото... в устьях Амура и окрестных морских берегах надобно соорудить укрепленные порты и сообщение с ними железными дорогами» [508]. Последние два слова он подчеркнул.

26 апреля Н.Н. Муравьев в сопровождении архиепископа Иннокентия Камчатского выехал из Сретенска и поплыл во время ледохода по реке Амур на особых баржах в сопровождении двух вооруженных катеров. Не доходя до устья Зеи, Муравьева встретили китайские чиновники с приглашением прибыть в Айгунь для встречи с главнокомандующим из Цицикара. Согласившись, генерал пошел в Айгунь с двумя канонирскими лодками. По его словам: «вообще маньджу-

ры очень желают со мною поболтать». На первом заседании, длившемся четыре часа, каждая сторона изложила свои позиции, а прения не подвигли дело. Муравьев прекратил заседание, передал китайскому уполномоченному проект трактата и просил на следующем заседании высказать свое мнение. На следующий день, сославшись на болезнь, генерал поручил П.Н. Перовскому — приставу духовной миссии в Пекине — продолжить переговоры. Китайской стороне напомнили, что они при переговорах в 1689 году поступили недобросовестно: из Пекина было сообщено, что свита их уполномоченных будет немногочисленна, тогда как к месту переговоров была выслана целая армия. Китайцы сами нарушали трактаты тем, что брали ясак с жителей в неразграниченных местах. На все хитрости и уловки китайских чиновников Перовский моментально реагировал и давал почувствовать им, что нам хорошо известно их тяжелое положение в условиях агрессии европейских государств. Наконец под натиском убедительных аргументов маньчжуры согласились на заключение договора. Трактат был подписан 16 мая 1858 года генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, главнокомандующим И Шанем и другими уполномоченными участниками переговоров. Левый берег Амура признавался российским, а правый берег вниз по течению до впадения реки Уссури в Амур — владением Дайцинского государства. Ниже этого рубежа территория до моря находилась во владении двух государств. При переговорах русская сторона пошла на разумный компромисс, согласно которому маньчжурские жители, находившиеся на левом берегу Амура от реки Зеи на юг, оставались на прежних местах жительства. По Амуру, Уссури и Сунгари имели право плавать суда только российские и дайцинские.

Великое событие, творцом которого являлся Н.Н. Муравьев, открыло Сибири удобный водный путь к океану и установило новую границу между Российской и Дайцинской империями. В честь знаменательного события Усть-Зейский пост по предложению Муравьева стал называться Благовещенском. После закладки храма во имя Благовещения пресвятой Богородицы архиепископ Иннокентий обратился к

Айгунский договор. Художник В.Е. Романов. 1947 год

Муравьеву с проникновенными словами по случаю заключения Айгунского трактата: «Благословен Господь Бог твой и благословен ты Богом Вышним, устроившим это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия!» [514].

С окончанием торжеств Муравьев вместе с архиепископом Иннокентием и своим штабом 22 мая отплыл в дальнейший путь к устью Амура. Во время этого плавания обер-квартирмейстер подполковник Будогосский по приказанию Муравьева избирал места для поселений Амурского пешего батальона, который занял своими станицами левый берег Амура. «Мы шли ужасно долго от сильных противных ветров, — написал он Корсакову, — и пришли на устье Уссури только 31-го мая». Устье Уссури оказалось совершенно в глуши, в 4-х верстах от главного русла Амура. «Вследствие сего я становлю 13-й батальон весь на Бурее, т. е. на главном русле, чтоб он мог удобнее во всякое время спускаться и подыматься к устью Амура». Поселение линейного батальона генерал

назвал Хабаровским. Хорошо зная историю первопроходцев XVII века, он уважал Е.П. Хабарова, даже называл себя его преемником.

Прибыв в Мариинский пост, он посвятил день обзору церкви, казарм и других зданий, выстроенных здесь в течение 2-х лет после его отсутствия. Когда Муравьев в последний раз был в Николаевске, он состоял из нескольких домиков, теперь протянулся на полторы версты по берегу Амура и в нем одних частных домов насчитывалось уже до двух сотен. Во время благодарственного молебствия о заключении договора в госпитальной церкви святитель Иннокентий сказал, что он радуется, видя себя среди деятелей этого края в такую минуту, когда труды их вознаграждены возвращением Амура России. Отправившись из Николаевска на пароходе «Амур» в обратный путь, Муравьев прибыл в Мариинский пост, где 22 июня в его присутствии был освещен владыкою Иннокентием первый на берегах Амура православный храм. А в 35-ти верстах от Мариинска преосвященный Иннокентий в присутствии генерал-губернатора на избранном пункте для поселения заложил храм во имя св. Софии (премудрости Божьей) и тем положил основание будущему городу Софийску. Н.Н. Муравьев каждому новому поселению на Амуре присваивал названия в честь своих сподвижников — Михайловское (по имени Михаила Сергеевича Волконского), Свербеевка, Корсаково, Казакевича, Иннокентьевка, станицы Екатерино-Никольская (в честь Екатерины Николаевны Муравьевой), Буссе, Невельская и т. д.

Продолжая плавание на пароходе «Амур», Муравьев прибыл в Хабаровское, а подойдя к устью реки Сунгари, взял начальника маньчжурского поста со свитой, вошел в устье этой реки и поднялся по ней до 20 верст. Таким образом, пароход «Амур» был первым, который показался на реке Сунгари и положил начало русскому судоходству и пароходству по этой реке на основании предоставленного права Айгунским трактатом. Достигнув Айгуна, Муравьев вместе со свитой посетил амбана, которого на пароходе прокатили с музыкой вверх и вниз по реке.

По прибытии генерал-губернатора в Благовещенск туда

*Приезд Н.Н. Муравьева в Усть-Зейский пост в 1857 году.
Художник Е.П. Санаев. 1958 год*

на джонках приплыл амбань с огромной свитой. Цель этого визита состояла в согласовании правил торговли на Амуре. Маньчжуры предлагали на всем протяжении Амура назначить только один пункт для торговли. Муравьев требовал, чтобы жители обоих берегов производили свободно взаимную торговлю, где пожелают, без всякого стеснения и надзора чиновников. Договорились на первое время открывать семидневные ярмарки поочередно в Благовещенске и в Айгуне, а жители обоих берегов могли производить между собою свободную торговлю.

Стало известно, что граф Путятин в городе Тяньцзинь заключил русско-китайский трактат, касавшийся в основном развития русско-китайской торговли. Как и европейские державы, Россия получила право использовать морской путь в торговле с Китаем.

Оставив пароход на зимовку в Сретенске, Муравьев отправился сухопутьем в Иркутск. По всей дороге до Иркут-

ска, во всех селах и станицах генерал-губернатора встречали с колокольным звоном, приветствиями крестьян и казаков, с криками «Ура!». В городах с поздравлениями приходили делегации различных сословий, давали обеды, делались денежные пожертвования в пользу нового края. Иркутск особо подготовился к встрече с генералом: выстроены триумфальные ворота, город украшен флагами и зеленью. В кафедральном соборе состоялся благодарственный молебен за счастливое окончание Амурского дела. Торжественные обеды и приветственные речи, роскошные приемы, блестящие иллюминации, великолепные фейерверки продолжались несколько дней. «Признаюсь откровенно, что все эти изъятия благодарности и преданности мне всегда подозрительны; недаром я прожил 50 лет (11 августа 1858 г. Муравьеву исполнилось только 49 лет. — *Н.Д.*) — сомнение сделалось нормальным направлением моего рассудка, по опыту» [525].

Закончившееся путешествие по Амуру Н.Н. Муравьева в 1858 году стало третьим его плаванием к устью могучей реки. Все три плавания имели знаменательное значение. По его словам, в первое, состоявшееся в 1854 году, он открыл Амур, во второе, в 1855 году, защитил его от врагов и в третье, в 1858 году, возвратил Амур России. «Не дерзаем лично судить о такой колоссальной заслуге Н.Н. Муравьева, — заметил И.П. Барсуков, — это принадлежит истории». Вместо этого автор привел слова высочайшего рескрипта Александра II, данного в Москве 26 августа 1858 года, которым почтил многолетние старания, труды и подвиги Муравьева. В нем, в частности, говорилось: «Просвещенным действиям вашим обязан этот край началом своего гражданственного возрождения; благоразумными и настойчивыми мерами, вами принятыми, упрочены наши мирные сношения с соседним Китаем, и заключенным вами трактатом дарован Сибири новый торговый путь по реке Амуру, служащий залогом будущему промышленному развитию государства. Столь счастливое для России событие дает вам справедливое право на искреннюю Мою признательность. В воздаяние за таковые заслуги ваши Я возвел вас указом... в графское Российской империи достоинство с присоеди-

Император Александр II (1818–1881)

нением к имени вашему названия Амурского в память о том крае, которому в особенности посвящены были в последние годы настоятельные труды ваши и постоянная заботливость» [527—528]. Одновременно с возведением в графское достоинство Н.Н. Муравьеву был присужден чин генерала от инфантерии.

К огорчению Николая Николаевича, в момент его триумфа рядом не было Екатерины Николаевны. К тому же он сам отказался от запланированной на зиму 1858—1859 года поездки во Францию, чтобы находиться в Иркутске во время российско-цинских переговоров в Пекине о демаркации границы. Он заметил: «китайцы, которые со мною давно знакомы, знают мою нелюбовь к англичанам и горячий характер, — все это заставит их быть еще сговорчивее, покуда знают, что я в Иркутске». Переговоры в Пекине вел П.Н. Перовский, которому Муравьев оказывал разнообразную помощь.

Судя по всему, рескрипты императора и великого князя на генерала теперь не производили сильного впечатления и не вызвали душевного подъема, как это было раньше. В большом послании император Александр II, отдохавший в Палермо, убеждал Муравьева-Амурского оставаться на своем генерал-губернаторском посту, ибо в противном случае это «было бы истинным несчастьем для Восточной Сибири, и я весьма прошу Вас для пользы России собственной Вашей славы отбросить всякую мысль о возможности оставить Сибирь». А великий князь Константин Николаевич, проводивший время в Ницце, обратился к графу с таким призывом: «Оставайтесь в Амурском крае, любезный граф, как можно долее, и да укрепит Вас Провидение на новые подвиги, хотя бы сопряженные с новой борьбой. На Вас смотрит и Европа, и Америка, и все истинно русские люди признательны Вам» [540—541].

Новый 1859 год граф встречал в хорошем настроении — государь утвердил все его представления об устройстве Амурской области, и в связи с этим все тревоги и опасения о своей судьбе уступили «полному душевному успокоению и надеждам на светлое будущее для всей Восточной Сибири».

Соединить задачу занятия новой территории прочным и оседлым заселением с задачей военного охранения всей заселенной линии возможно было решить только путем казачьего заселения Амура. Нужно было в спешном порядке занимать, заселять и укрепляться на всем огромном протяжении Амура, на устьях этой реки и в гаванях Татарского пролива. К этому времени европейцы и в первую очередь англичане осознали важность обладания этими территориями для влияния на Восточном океане и предпринимали меры к их захвату. Поэтому постепенность в заселении Амура была невозможна. «Упрекать графа Муравьева-Амурского в нетерпеливой поспешности, как упрекали и упрекают его Завалишин и подобные ему хулители, значит, не уметь понять и оценить высокой заслуги его Отечеству», — считал И.П. Барсуков [544]. Действительно, заселение новых земель оказалось наисложнейшей проблемой. Существовавшая крепостная зависимость крестьян от помещиков лишила их личной сво-

боды, а применение административно-принудительных методов переселения казачества из Забайкалья и Сибири было ограничено сравнительно небольшой их численностью. К тому же нерешенность организационно-хозяйственных и управленческих вопросов создавала порой тяжелейшие условия для выживания переселенцев на новых местах. Попытались использовать и штрафной метод переселения. Для переселения на Амур были отобраны штрафные солдаты со всей России, которым предусмотренное законом наказание заменялось ссылкой. Они были прикреплены к казачьим семьям в качестве «сынков». Однако это породило немало проблем и вызвало недовольство в казачьих станицах. Соединить задачу формирования прочного оседлого земледелия с задачей военной охраны края, на что рассчитывал Муравьев при переселении в Приамурье казачества, ему в полной мере так и не удалось.

В защиту действий Муравьева, направленных на скорейшее заселение края, Барсуков привел опубликованные рассуждения одного автора, который написал: «Нам ставят в пример колонизацию Америки и Австралии, не принимая в расчет разницу климатических и других местных условий тех стран и Амура» [545]. Иван Платонович сформулировал вопрос так: «Не лучше ли держаться того мнения, что все сделанное не могло быть сделано иначе? — И ответ на него: — Главное — результаты; а результаты таковы, что если глубже всмотреться в управление графа Муравьева Восточной Сибирью, то, без сомнения, оно составляет эпоху в истории этого края, а следовательно, и России». Он писал о влиянии легендарной личности графа Муравьева на молодежь. Многие еще в студенческом мундире являлись к Муравьеву в Петербурге, прося принять их на службу в Восточную Сибирь. Присоединение Амура произвело сильное впечатление не в одной Сибири, то было живое, поднявшее общественную жизнь время, послужившее умственному возбуждению в русском обществе. В Иркутске, где было немало образованных людей и писателей, основывается первая частная газета на Востоке. Первый номер газеты «Амур», редактором которой стал М.В. Загоскин, а цензором граф Муравьев, вышел в конце 1859 года.

Уполномоченный вести дипломатические переговоры о Южном Сахалине, Муравьев отправился в Страну восходящего солнца. Хотя ему не удалось достичь намеченной цели, японцы произвели на него благоприятное впечатление. Он убедился, что сношения с японцами, начатые Е.В. Путятиным, оставили у них хорошее впечатление о русских: «Они нас любят больше, чем американцев... Выучатся они всему и без нас, особенно морскому делу». Муравьев считал, что японцы в морском деле «скоро нас перещеголяют».

Довелось ему поучаствовать и в установлении границы с Китаем и с Кореей. Граф с энтузиазмом встретил известие о посылке в Пекин, где европейцы вели себя довольно агрессивно, генерал-майора Н.П. Игнатьева, уполномоченного вести переговоры с китайским правительством. Встретившись, Муравьев и Игнатьев договорились действовать «единомысленно и дружно». Как знаток психологии чиновников Поднебесной империи и умелый дипломат, генерал-губернатор способствовал тому, чтобы маньчжурская сторона была более сговорчива при переговорах. С этой целью войскам и казакам по Амурской и Уссурийской линиям было предписано находиться в боевой готовности. Все военные приготовления специально происходили открыто, о вероятном движении наших войск весной за границу распространялся слух с тем, чтобы он достиг Пекина. Это «я считаю полезным для хода Ваших переговоров», — писал граф Игнатьеву в Пекин.

В столицу генерал-губернатор представил свою записку о разделении Восточной Сибири. Она полностью приведена в книге [580—582]. «Восточная Сибирь, — говорилось в ней, — составляет самую обширную область Российской империи, и объем ее значительно увеличился в последнее время при распространении пределов наших к юго-востоку. При огромных пространствах, на которых размещено народонаселение Восточной Сибири, при несовершенстве в ней путей сообщения, при разнообразии и многосложности интересов, представляемых каждою отдельною частью этой обширной страны, — управление ею одним лицом, как то было до сих пор, стало теперь до крайности затруднительным, требующим от главного в крае начальника чрезвычайных физиче-

ских усилий, здоровья необыкновенного, непомерной деятельности и такого разнообразия сведений, которого нельзя предполагать в одном лице. В будущем же эти затруднения необходимо должны с каждым годом увеличиваться до такой степени, что возлагать управление всем этим краем на одно лицо — значит, требовать невозможного от человека» [580]. При этом Муравьев ссылался на свой долговременный опыт — двенадцатилетнее управление Восточной Сибирью. Самый простой и убедительнейший способ уничтожить все эти затруднения — это распределить управление краем между несколькими главными начальниками, — считал он. Его предложения сводились к следующему. Во-первых, выделить из-под ведения генерал-губернатора Восточной Сибири и сделать ее самостоятельной — Приморскую область под управлением военного губернатора, которому даровать все права генерал-губернатора. Во-вторых, губерния Иркутская, области Забайкальская, Амурская и Якутская и Кяхтинское градоначальство остаются под началом генерал-губернатора Восточной Сибири. В-третьих, Енисейскую губернию передать под ведение генерал-губернатора Западной Сибири. Для высших назначений в Сибири Муравьев в течение одиннадцати лет готовил генерал-майора Корсакова и контр-адмирала Казакевича, которые, по его мнению, удовлетворяют назначению быть главными начальниками. Однако объективные и веские аргументы Муравьева в пользу назревшего преобразования управления Восточной Сибирью для императора и министров оказались не убедительными, что сильно огорчило графа, вызвало мрачное состояние духа и мысли о том, что он «переслужил», «отжил свой век и для Сибири, и для России».

Месяцы пребывания его в Иркутске были наполнены тревожными ожиданиями известий из Пекина, где чрезвычайный посланник России вел тяжелые переговоры с правительством Дайцинской империи, лавируя между маньчжурами и англо-французскими представителями. Внесший свою лепту в переговорный процесс, Муравьев приветствовал заключение Пекинского трактата (ноябрь 1860 г.), который подтвердил Айгунский и Тяньцзиньский трактаты, опреде-

лил восточную часть российско-цинской границы, закрепил вхождение Приморья в состав России. Пекинский трактат явился счастливой завершающей вехой в Амурском деле, которому Н.Н. Муравьев, проживая «год за два», посвятил свой ум, фантастическую энергию и необыкновенную работоспособность.

Имея предварительное согласие на отставку, граф Муравьев-Амурский завершал свое почти 13-летнее губернаторство в Восточной Сибири. День, назначенный для отъезда из Иркутска и прощания с Восточной Сибирью, начался в главном соборе, в котором граф при архиерейском служении в окружении сподвижников отстоял напутственный молебен. Тем временем вокруг собора собралось множество иркутян, которые возгласами приветствовали графа. В Собрании, в громадном зале присутствовали «и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне из соседних деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человека, которому бы граф не сказал слова» [612]. После прощания Муравьев-Амурский вместе с приближенными в городских экипажах поехал в Вознесенский монастырь, где состоялся молебен над мощами святителя Иннокентия Иркутского. В это время площадка перед монастырем заполнилась горожанами. По сибирскому обычаю чиновники вынесли графа из монастыря на руках, затем он оказался на руках крестьян, а потом и инородцев, произнесших во время посадки в экипажи знаменательные слова: «Мы тебя, граф, не забудем, не забудь и ты нас!» С криками «Не забудь нас!» иркутяне простились с Муравьевым-Амурским. Повозки двинулись по дороге, по которой он много раз выезжал из Иркутска. На этот раз навсегда.

В Петербург Н.Н. Муравьев-Амурский прибыл 2 февраля 1861 года и в тот же день представился императору Александру II, у которого имел продолжительную аудиенцию. На этот раз все представления графа быстро утверждались, состоялось множество интересных встреч: с великим князем Константином Николаевичем и особо — с великой княгиней Еленой Павловной, пригласившей его на обед. 19 февраля 1861 года Александр II подписал высочайший манифест об отмене кре-

постного права, и в этот же исторический день России граф Муравьев-Амурский был уволен от должности генерал-губернатора. В императорском рескрипте говорилось о назначении графа членом Государственного Совета, награждении орденом святого Равноапостольского князя Владимира 1-й степени. Ему назначалось содержание в 15 тысяч рублей серебром в год. Император несколько раз повторил свою благодарность графу и даже дважды сказал: «Не забывайте, что я поддерживал Амурское дело и часто один его поддерживал — не забудьте этого» [619]. На этот раз граф получил полное удовлетворение всех своих просьб и предложений, в том числе и о назначении М.С. Корсакова генерал-губернатором Восточной Сибири. В Петербурге почему-то многие считали, что генерал-губернатором станет граф, адмирал Е.В. Путятин.

Экс-генерал-губернатор продолжал хлопотать о сибирских делах. В Сибирский комитет он направил несколько предложений, успел выступить и в Государственном Совете. Графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому было всего 52 года, и весь Петербург гадал, какие назначения получит он — чаще всего называли наместником в Польшу или на Кавказ. Но официально император никакой службы ему не предложил.

До слез графа растрогала встреча со своими бывшими сподвижниками — сибиряками и амурцами, которые подарили ему заранее изготовленные серебряные часы с амурской символикой, изящные, полные идей и красоты. Устроенный же ими прощальный обед в ресторане положил начало многолетней традиции. Каждый год в феврале отслужившие на крайнем Востоке чиновники и военные, находившиеся в столице, собирались на Амурский обед, с благодарностью вспоминая деяния Н.Н. Муравьева-Амурского.

На российском Дальнем Востоке в созданном в 1884 году Приамурском крае сохранялась и укреплялась память о подвигах Муравьева, передавались его управленческие традиции. Приамурские генерал-губернаторы А.Н. Корф, С.М. Духовской, Н.И. Гродеков и другие высоко чтили графа Муравьева-Амурского и следовали его заветам в управлении краем, который, благодаря графу и его сподвижникам, стал неотъемлемой частью Российской империи.

Вместе с Екатериной Николаевной во Франции. Кончина графа Амурского. В одном из писем граф писал из Петербурга, что он теперь свободный человек и поедет куда глаза глядят. А глаза его глядели в сторону Парижа, где его ждала обожаемая Екатерина Николаевна, графиня Амурская. В конце марта 1861 года Н.Н. Муравьев-Амурский покинул столицу и отправился навстречу новой, неведомой жизни.

Свою жизнь во Франции, которая продолжалась 20 лет (1861—1881), Муравьев назвал «недеятельною». Хотя в первое ее десятилетие он занимался активной интеллектуальной деятельностью и чувствовал в себе силы, которые могли принести пользу Отечеству. В книге Барсуков с грустью и вместе с тем с осторожностью выразил свое соображение о том, что столь мудрый, богатый опытностью государственный человек, способный к широкой и плодотворной деятельности, был предан как бы забвению и пребывал как бы в изгнании на чужбине, как раз в то трудное время, когда благотворительные реформы начала нового царствования требовали для Отечества полезных и преданных ему слуг. Совершенно справедливо утверждалось: «Николай Николаевич своей личностью поистине представляет едва ли не единственный пример государственного человека, покинувшего свой пост, но мыслимо и сердцем непрестанно на нем пребывающего: столько внимания ко всем делам, касающимся Восточной Сибири, столько серьезной заботливости о внутреннем ее преуспевании, столько разносторонних советов и указаний своему преемнику!» [637]. Тем более что М.С. Корсаков стал генерал-губернатором Восточной Сибири, более молодым по сравнению со своим знаменитым предшественником. Ему исполнилось всего 35 лет. Правда, к этому времени он уже десять лет служил в Сибири. Сказывалось желание Муравьева помочь своему любимому ученику и соратнику управлять краем, требующему от главного начальника невозможного.

В многочисленных письмах графа Корсакову речь шла об управлении огромным краем, содержались советы по усилению процесса его заселения, по совершенствованию управления золотопромышленностью, о стиле поведения со столичными чиновниками и так далее. Вместе с тем в

них имелись интересные обобщения общего порядка. Так, граф сформулировал важнейшее правило поведения человека, находящегося на государственной службе. Он «не должен увлекаться в своих действиях влечением одного сердца своего, ибо не принадлежит уже самому себе, но Отечеству» [634]. В одном из писем граф поведал о некоторых правилах жизни, которым он следовал и следует: «Век живи — век учись», — гласит русское правило, которое я более и более на себе испытываю». Вместе с тем он с каждым годом более и более утверждался в истинности своего коренного верования, что Провидение безгранично нами руководит, что пути его неисповедимы и что «часто кажущееся злом ведет к добру. Несомненно, пути Провидения подчиняются закону, но его смертные еще не изучили». В другом письме он замечает: «Иногда и кажется нам все худо да худо, а выйдет все к лучшему». Эти рассуждения графа открывают в нем оптимистическую натуру, помогавшую преодолевать препятствия и достигать намеченную цель в жизни.

Несколько лет граф Амурский приезжал из Парижа в Петербург, который с годами к нему становился все холоднее. В десятилетнюю годовщину заключения Айгунского трактата и возвращения Амура России он не получил от императора Александра II ни ордена, ни поздравления, да и в русской печати проигнорировали эту дату. Под влиянием недоброжелательности, с которой он встречался в России, им овладевали горестные мысли. В таком состоянии он написал брату Валериану Николаевичу полные трагизма слова: *«Бог не дал мне заслужить внимание моих современников; не рассчитываю я на внимание и потомства, но тем не менее жизнь моя проведена и сокращена на службе Отечеству, и слава Богу еще, что не называют меня изменником! А Бог знает, может быть, где и называют!»* [643].

Кто не забыл Муравьева-Амурского, то это жители Приамурья и Приморья, его сослуживцы — сибиряки и амурцы. Он с удовольствием читал их многочисленные телеграммы, и тогда, по словам графа, в его ушах часто звучал Амурский марш. Получив поздравительную телеграмму из Благовещенска, граф поблагодарил М.С. Корсакова и всех, кто подписал ее. «Спаси-

бо, что вспомнили старика, который только и живет воспоминаниями того доброго времени, когда он с вами был в Сибири».

По словам М.И. Венюкова, Муравьев в Париже «стал симпатичнейшим человеком, каким он был от природы». Он являлся одним из главных средоточий русской колонии, тем магнитом, который притягивал массу приезжих из России лиц, считавших за особое для себя удовольствие и честь явиться на поклон к достойному человеку. Для приезжих из Сибири двери его дома всегда были распахнуты, где их встречали с хлебосольным русским гостеприимством. Среди посетителей муравьевского кабинета были посол князь Н.А. Орлов, настоятель русской церкви в Париже В. Прилежаев, все семейство декабриста Н.И. Тургенева, бывший адъютант генерал-губернатора, историк, публицист М.И. Венюков и другие. Сибиряки любили привозить графу и графине омуля и китайские яблоки. В приведенных в книге воспоминаниях подчеркивалось высокое мнение Н.Н. Муравьева-Амурского о мощных силах русского народа и о самобытности русского национального духа.

Граф тяжело переживал потерю самых близких и дорогих ему людей, которым он полностью доверял и дружба с которыми являлась для него опорой и радостью на протяжении многих лет. В 1869 году скончался брат Валериан Николаевич, сердечная близость с которым установилась с детских лет. За четыре года до этого граф подал прошение на имя императора, в котором писал, что у него нет детей мужского пола, которые бы могли передать потомству память-титул графа Амурского, а потому просил о передаче титула графа Амурского родному брату сенатору Валериану Муравьеву с потомством. Со смертью брата графский титул по закону со временем должен перейти к его сыну, племяннику графа — Валериану Валериановичу (1861—1911). Что впоследствии и произошло.

Горестной неожиданностью для Николая Николаевича стало известие о смерти Михаила Семеновича Корсакова, генерал-губернатора Восточной Сибири, скончавшегося в Петербурге в 1871 году от тифа. Ему исполнилось всего 45 лет. «...Корсаков действует прекрасно и во всем с большею уверенностью, чем я действовал, — считал граф, — менее меня и увлекается и меньше горячится; это так и нужно; и если

некоторое увлечение было полезно в мои 13 лет, то теперь требуется именно ровность и даже некоторая холодность в характере генерал-губернатора» [637]. Со смертью Корсакова оборвалась цепочка, связывавшая графа с Сибирью, с Амуром, с Россией.

Известие о кончине в 1873 году великой княгини Елены Павловны, его высокой покровительницы, глубоко потрясло графа. Благорасположение великой княгини к Муравьеву в течение почти 50 лет отличалось редким постоянством и не зависело ни от ситуации вокруг российского трона, ни от отношений императора и бюрократической элиты к генералу Муравьеву. Сильно опечалило графа и известие о смерти в 1879 году митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) — амурского святителя. Уже будучи тяжело больным, в марте 1881 года граф узнал о кончине императора Александра II, последовавшей в результате террористического акта. При жизни Муравьева это был третий российский император, как тогда говорили, почивший в Бозе.

Круг близких и любимых людей графа становился все уже. Неизменной оставалась одна радость, его небесное счастье — Екатерина Николаевна, его Катрин.

Все-таки продолжительная болезнь победила могучий дух Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Он скончался 18 ноября 1881 года в Париже 72-х лет от роду. На отпевании в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоявшейся при Российском Императорском посольстве в Париже, собралась вся русская община. Провидению было угодно, чтобы великий князь Константин Николаевич — руководитель морского министерства — в это время находился во Франции и принял участие в панихиде по русскому патриоту Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому. Это придало похоронам в чужой стране российский государственный характер.

И.П. Барсуков завершил первую книгу о графе Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском такими словами: «Его государственная деятельность оставила по себе яркий след; но по неизбежной судьбе большинства выдающихся деятелей Муравьев был и остался предметом самых разноречивых суждений... Что же касается... установления того или друго-

го взгляда на саму личность Муравьева, то, нам кажется, это совершенно излишне ввиду целой массы приведенных нами писем, в которых так живо отражается образ их автора. Скажем одно: всякий беспристрастный читатель сумеет оценить по достоинству Муравьева, а праведный суд истории произнесет над ним окончательный приговор свой» [672].

На предпоследней странице книги Барсуков поместил большое примечание, в котором приведено газетное сообщение о памятнике графу Муравьеву-Амурскому, выставленном в Михайловском манеже в Петербурге перед перевозкой в Сибирь, и дано описание скульптуры, созданной по инициативе сибиряков и амурцев и на их средства. «Граф представлен приблизительно в сорокапятилетнем возрасте, изображен во весь рост. Вышина всей фигуры доходит до 7 аршин. Граф стоит со скрещенными руками и держит в одной руке сверток Айгунского трактата, в другой — морской бинокль. Статуя отлита с модели академика А.М. Опекушина, руководствовавшегося при изображении этого государственного деятеля известными портретами К. Маковского, которые существуют в нескольких экземплярах. Лица, знавшие графа в молодых годах, признают в скульптуре несомненное сходство. Памятник будет поставлен на берегу Амура, в городе Хабаровке, на высокой природной скале, возвышающейся над водой сажень на двадцать. Этой высотой натурального пьедестала и объясняются колоссальные размеры памятника. С постамента, на котором стоит фигура, будет спускаться по скале цепь с двумя якорями; левой ногой Муравьев опирается на вбитую в землю сваю: то и другое является символом упрочения государственной власти на нашем крайнем Востоке. Памятник отправлен из Петербурга через Одессу во Владивосток, откуда его перевезут на лошадях до озера Ханка и затем водой по Уссури и Амуру до Хабаровской скалы» [671].

Заметим, что торжественное открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому с участием наследника государя Николая Александровича, в присутствии графа В.В. Муравьева-Амурского и многочисленных горожан состоялось в Хабаровке 30 мая 1891 года. В XX веке судьба памятника оказалась драматичной. Скульптура была снята с пьедестала

Открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому
в Хабаровске. 1891 год

в 1925 году и затем погибла. Благодаря инициативе и усилиям общественности, при поддержке администрации Хабаровского края, в 1992 году Муравьев вновь взошел на свой пьедестал, а затем скульптурное изображение Н.Н. Муравьева-Амурского появилось на российской пятитысячной купюре.

5.3. Книга вторая. Официальные документы Н.Н. Муравьева-Амурского*

Во вторую книгу Барсуков включил копии 162 подлинных документов, относившихся к деятельности графа Ни-

* В параграфе все ссылки даны на книгу: И. Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: биограф. материалы по его письмам, официал. документам, рассказам современников и печатным источникам. Приамурское геогр. о-во. Репр. изд. Хабаровск, 2009. Книга вторая. Ссылки приведены в тексте в виде указателей страниц в квадратных скобках.

колая Николаевича Муравьева-Амурского в период с 1844 по 1861 год, извлеченных из архива министерства иностранных дел, из дел комитета министров, департамента внешней торговли, бывшего Сибирского комитета и из архива князя М.С. Волконского. Следует иметь в виду, что это далеко не все муравьевские документы. В одних случаях И.П. Барсуков просто не обнаружил некоторые документы (в чем он признавался), в других — из множества выбирал вариант, на его взгляд наиболее важный или полный по содержанию. В отличие от книг об Иннокентии в биографии Муравьева автор широко использовал личную переписку, часто полностью ее цитируя. Во вторую же книгу он включил исключительно официальные документы, в некоторых из которых имелись и личные сюжеты. За 13 с лишним лет управления Восточной Сибирью генерал-губернатор Н.Н. Муравьев написал сотни официальных документов — отчетов, докладных записок, рапортов, проектов, ходатайств, писем, которые представляют собой летопись его энергичной, кипучей и многосторонней деятельности в Сибири и решения Амурского вопроса — главного дела его жизни.

В начале книги И.П. Барсуков поместил довольно объемную записку генерал-майора Муравьева «О предлагаемых военных действиях против Шамиля», написанную в январе 1844 года, когда он уже уволился со службы на Кавказе. Любопытна история появления этого документа, характеризующая Муравьева как не равнодушного к службе человека, беспокоившегося о действиях наших войск. Для понимания интриги Барсуков отсылает читателя к его письму брату Александру, служившему в столице [кн. 1. 139]. «Слышу со всех сторон, — писал Муравьев, — что 50 тысяч новых войск двинулись на помощь Кавказскому корпусу... Но тяжкое сомнение обременяет мою душу, когда, призвав все мои воспоминания об этом крае, я убеждаюсь, что самыми огромными силами можно претерпеть неудачи от неопытности вождей, ложного направления понятий и запальчивости предводителей, увлекаемых самонадеянностью и жадой военной славы». Напряженные отношения генерала с военными властями на Кавказе лишали его возможности обратиться к

ним непосредственно со своими предложениями. Но и «совесть не позволяет молчать в деле столь важном». Поэтому Н.Н. Муравьев просил Александра довести эти сведения до тех лиц в столице, которые могут повлиять на ход этих действий. При этом имя автора нужно скрыть, если это может принести пользу ходу дела. Записка имеет не столько историческое значение, сколько интересна как факт биографии Муравьева.

А вот второй многостраничный документ «Опыт возможности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве без потрясений в государстве» (1846), подготовленный начинающим губернатором Тульской губернии, является любопытнейшим документом предреформенной России. В нем имеются рассуждения Муравьева о причинах возмущения народов всех стран во все времена, которые автор видел в неимении недвижимой собственности, нищете, несправедливом распределении государственных повинностей и сословных привилегиях. Основная идея записки — уничтожение крепостнического состояния крестьянства в России. «Крепостное состояние, постыдное, унижительное для человечества, не должно быть терпимо в государстве, ставшем наряду со всеми европейскими государствами» [23]. Отмена крепостного права рассматривалась как средство предотвращения революционных потрясений. Предлагалось освобождение крестьян с землей за выкуп при сохранении помещичьего землевладения. Муравьев был первым среди губернаторов, выступивших против крепостного права в России.

Первые документы исполнявшего обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева относились к 1848 году и представляли собой послания министру финансов о новом устройстве торговли с Китаем через Кяхту и к министру финансов о добывании золота в Восточной Сибири. «Я на днях получил известие, — писал он министру внутренних дел, — что китовая ловля сосредоточивается с прошлого года в южной части Охотского моря; это привело туда множество судов различных народов, которые трутся около Сахалина и могут занять северную часть его, никем не обитае-

мую...» [35]. К тому же, весь левый берег Амура изобилует золотом, и эти места никому не принадлежали. Как утверждал Муравьев, англичанам нужно только узнать все это, и они непременно займут Сахалин и устье Амура. Вот зачем ездят сюда англичане, в том числе и господин Остен, с которым главный начальник побеседовал и убедился, что он и не думает о геологии, как заявлял, его интересовали совсем другие вопросы.

В книге имеется несколько документов, посвященных действиям транспорта «Байкал», прибывшего из Кронштадта, в первую очередь инструкция Муравьева командиру капитан-лейтенанту Г.И. Невельскому. Свое негативное отношение к организации экспедиции подполковника Н.Х. Ахте для осмотра восточной части границы нашей с Китаем Муравьев выразил во всеподданнейшем рапорте Императорскому Величеству (4 июня 1849 г., Якутск).

Генерал-губернатору понадобилось совсем немного времени, чтобы оценить внешние угрозы и выделить первоочередные внешнеполитические задачи России на крайнем Востоке. Об этом свидетельствует его записка «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалина, которая ему противолежит, а также левого берега Амура» [46—48. См. приложение 5]. В ней он сформулировал важную мысль, которую в течение многих лет претворял в жизнь. «Кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере, до Байкала, и владеть прочно» [47]. Рассуждения Муравьева об опасностях для восточной границы России, об упрочении и обеспечении владения Камчатским полуостровом, о поддержании нашей торговли с Китаем и российского в нем влияния — все это оказалось для внешнеполитического ведомства неожиданным и опасным.

Считая излишней, даже опасной активность генерал-губернатора на крайнем Востоке, канцлер К.В. Нессельроде предупредил его о возможных осложнениях в отношениях с инородцами и китайцами, которые могут отрицательно сказаться на российско-китайских отношениях. «Сношения наши с гиляками (нивхами. — *Н.Д.*), — писал Муравьев канцлеру, — действительно идут очень хорошо, я постоянно внушаю всем ближайшим исполнителям быть особенно

осторожными с гиляками, дабы наши сношения с ними всегда велись к приобретению их доверия». На имя императора он отправил записку о сношениях наших с гиляками с подробнейшим обозрением лимана и устьев реки Амура офицерами Г.И. Невельского, а также с описанием действий их в исследовании лимана Амура. Выводы сводились к следующему: «во-первых, гиляки, обитающие на берегах реки Амур, просят защиты и покровительства Вашего императорского Величества против притеснения маньчжуров и иностранцев; во-вторых, сами маньчжуры признают гиляков не зависимыми от Китайской империи; в-третьих, остров Сахалин населен теми же гиляками и тунгусами и «мохнатыми курильцами» (айнами. — *Н.Д.*); в-четвертых, действительно иностранные военные суда делали в южном проливе Амурского лимана подробные исследования» [64—69].

Готовясь к «обозрению» края, Муравьев обратился к министру Императорского двора с просьбой исходатайствовать у императора в его распоряжение шесть золотых и двадцать серебряных медалей на Аннинских лентах для ношения на шее. Эти награды предназначались тем лицам из числа различных инородческих племен, «которые по усердию своему на пользу нашу и по значению своему между соплеменниками могут заслуживать особых наград» [113].

И.П. Барсуков посчитал необходимым включить в книгу документ Н.Н. Муравьева на деликатную, чувствительную тему — об отношении к находящимся в Восточной Сибири «государственным и политическим преступникам», в особенности к осужденным за участие в восстании 1825 года. На запрос шефа корпуса жандармов графа А.Ф. Орлова по этому вопросу генерал-губернатор ответил: «...Я священным долгом моим считаю доложить, что все эти лица ведут себя так скромно и благопристойно и в образе мыслей так далеки от тех понятий, которые 25 лет тому назад вовлекли их в преступления, что нет в этом отношении препятствия к оказанию всякого милосердия им, какое только Его Величество соизволит» [62]. Однако на сей раз императорского соизволения не случилось.

Важнейшим документом, содержавшимся в книге, явля-

ется многостраничная «конфиденциальная записка», представленная Н.Н. Муравьевым великому князю генерал-адмиралу Константину Николаевичу (1853). Он просил у высшего правительства разрешить главному начальнику Восточной Сибири, вслед за льдами, открыть кратчайшим путем сообщение к устью Амура и доставить туда часть подкреплений, назначенных для 46-го флотского экипажа, а также оба взвода горной артиллерии при войсках и трех инженерных офицеров для укрепления берегов и портов при устье Амура и на Камчатке. Только таким путем, считал Муравьев, мы успеем заблаговременно приготовиться к отпору англичан, которые могут там появиться в конце июня или в начале июля. «Нет сомнения, что когда мы поплывем по Амуру довольно многочисленно и открыто, то со стороны маньчжурских властей будут сделаны нам словесные препятствия, может быть и письменные протесты из трибунала в наш Сенат, но на то и другое можно и должно отвечать с твердостью, изложив необходимость этого плаванья не только для пользы и защиты нашей, но и самой Маньчжурии, и затем, смею сказать утвердительно, тем дело окончено будет» [107].

Около трети официальных документов Н.Н. Муравьева, помещенных в книге, посвящено решению Амурского вопроса, установлению современной российской границы с Дайцинской империей. Об этом свидетельствуют опубликованные отчеты, рапорты и записки на имя императора (около 10 документов) и великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича (11 документов), переписка с министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым (20 документов), с директором Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским (24 документа) и другие.

В связи с кончиной китайского императора (1850) главный начальник Восточной Сибири в послании императору предложил донести до сведения китайской стороны об общей пользе Китая и России, которая состоит в том, что «кроме России и Китая никто не должен владеть плаванием по Амуру, и устье этой реки должно быть защищаемо, конечно, не китайцами» [56].

В «Записке о новых сношениях с Китаем, руководству-

ясь видами правительства» Муравьев сумел доказать необходимость повышения статуса Восточно-сибирского генерал-губернатора в сношениях с Дайцинской империей. Он констатировал, что сношения с Китаем производились на трех уровнях: низший — между Кяхтинским пограничным комиссаром и Маймаческим дзаргучеем; средний — между Кяхтинским градоначальником и Ургинскими правителями и высший — переписка между Сенатом (министерством иностранных дел) и Пекинским трибуналом внешних сношений. В интересах российского государства Муравьев предложил сношения высшей инстанции частично возложить и на генерал-губернатора Восточной Сибири, предоставив ему, как уполномоченному нашего высшего правительства, вести непосредственно переписку с правительством Китая. Для реализации этих серьезных предложений в записке были прописаны необходимые организационные меры.

Расширение полномочий генерал-губернатора позволило Муравьеву вести переписку непосредственно с трибуналом внешних сношений Дайцинской империи. В книге приведены тексты восьми посланий Муравьева в Пекин. В соответствии с принятыми в Китае церемониями они имели следующий заголовок «Лист Всероссийской империи главноначальствующего над всеми пятью губерниями Восточной Сибири генерал-губернатора, генерал-лейтенанта и кавалера Николая Муравьева».

В посланиях в Пекин главный начальник Восточной Сибири настойчиво ставил вопросы о современном установлении границы между Россией и Китаем, о необходимости совместного противостояния Англии и Франции, стремящимся захватить устье Амура и овладеть рекой. «Главной мыслию нашего правительства есть сохранение мира для обоюдных польз двух великих соседственных держав Дайцинской и Российской на вечные времена», — убеждал Н.Н. Муравьев пекинское правительство. В письме к начальнику Пекинской духовной миссии отцу архимандриту Палладею он просил «употребить все влияние свое в Пекине, дабы разрешение пограничного вопроса было для России благоприятное» [144]. Несомненно, переписка Н.Н. Муравьева с Пекином

затем сыграла важную роль в сравнительно быстром подписании Айгунского трактата. В одном из писем генерал-губернатор отмечал: «Говорят, что в Китае привыкли верить словам *Му-Гуна* (так называли Муравьева в Китае. — *Н.Д.*); радуюсь, что я там заслужил доверие» [313]. Его знали в верхах Поднебесной империи и воспринимали как авторитетного уполномоченного российского правительства.

В книге приведен текст Айгунского договора, который был заключен «по общему согласию, ради большой взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев» [168]. Это была первая публикация российско-китайского трактата по урегулированию пограничной проблемы.

Заключение договора стало венцом десятилетней борьбы Н.Н. Муравьева за возвращение Приамурья России, за надежный амурский путь из Сибири к Тихому океану. Всеподданнейший рапорт Н.Н. Муравьева императору Александру II, посланный из Благовещенска на Амуре, гласил: «По данному мне Вашим Императорским Величеством уполномочию, я заключил с Амурским главнокомандующим князем И Шань договор, который имею счастье здесь в подлиннике повергнуть на Высочайшее Вашего Величества воззрение и утверждение» [169]. «Слава Богу!», — написал император на тексте рапорта. Айгунский договор послужил основой для заключения Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) трактатов, закрепивших российскую государственность в Приамурье и Приморье, позволивших России твердо встать на Тихоокеанском побережье.

Получив от императора разрешение войти с особым представлением о наградах вне правил, «морских, сухопутных и гражданских чиновников за Амурское дело», Муравьев-Амурский составил пять списков, содержащих 220 персон. Награды составили ордена, золотые и серебряные медали для ношения на шее, ежегодные пенсии, в том числе для семейств умерших и убитых на Амуре, единовременные денежные награды и даже выплаты на продолжение аренды. При этом генерал-губернатор подчеркнул, что «заслуги, труды и самоотвержение по Амурскому делу не могут сравниться

ни с какими другими заслугами, в мирное время оказанными» [196].

В отличие от императора Николая I Александр II порой с недоверием относился к Восточно-Сибирскому главному начальнику, подозревая его в сепаратизме. Лично рассматривая представления о наградах, он сократил число лиц и уменьшил количество наград. В письме к великому князю Константину Николаевичу он написал, что должен был многое изменить, ибо они выходили из всякой меры.

На значительные изменения в награждении Муравьев реагировал бурно. Из послания Е.П. Ковалевскому: «Не верится мне однако ж, чтоб все радовались возвращению Амура, когда занялись уменьшением наград, мною представленных, почти как счет портного: что это значит, что ему дали вместо просимых 1500 р. пенсию 1200 р.?», — разгневанный, писал он в столицу. Особо его расстроил отказ Я.П. Шишмареву — выходцу из казаков, знатоку маньчжурского языка, дипломату — в ордене святого Владимира 4-й степени, дававшем право на дворянство. «Неужели же Айгунский трактат не стоит того, чтоб подписавший его сделался дворянином!» [198]. Прочитав это письмо, император написал: «Его не переделаешь, а надобно уметь воспользоваться, отдавая ему справедливость за услуги, им оказанные». (Там же.)

Муравьев особо просил содействия в награждении П.Н. Перовского, принявшего деятельное участие в заключении договора, проявившего дипломатические способности и опытность. Между прочим он доверительно написал и о себе: «...Я никогда не думал искать здесь военной славы; не знаю, поверите ли вы, что больше всех радуюсь окончанию этого дела я, ибо вижу конец моей заботы, вижу возможность сказать себе: «отзвонил, да и с колокольни долой» — но знаю положительно, что теперь мне уже решительно не будет житья и что чем скорее я сойду с колокольни, тем лучше и безопаснее для меня» [172]. В официальных посланиях Е.П. Ковалевскому, которому полностью доверял, Муравьев обращался и с личными просьбами. Например, 21 мая 1858 года в знак дружбы он просил послать курьером за границу юного дипломатического секретаря Бютцева, чтобы он мог там «со-

общить жене моей об Амуре и увидаться со своей матерью, которая живет за границею». Нередко в письмах содержались рассуждения Муравьева о своем положении и планах. «...Я, кажется, доказываю, что люблю Отечество больше, чем жену мою, и, конечно, уже больше, чем собственные мои дела; но сила солому ломит, и если увижу в Петербурге то же ко мне недоброжелательство, которое теперь существует, то невольно должен буду удалиться» [248].

В книге опубликовано донесение Муравьева императору Александру II (28 сентября 1858 г.), в котором он, ратуя за быстроту решения в правительственных учреждениях дел, касавшихся Амурского края, предлагал особую управленческую форму, состоявшую в том, чтобы предположения, исходившие от генерал-губернатора Восточной Сибири, в большей части представлялись Его Высочеству великому князю Константину Николаевичу. На подлиннике этого муравьевского документа император написал: «Все административные дела по Амурскому краю, согласно данному уже Мною повелению, должны поступать в Сибирский комитет, политические же вопросы должны быть по-прежнему рассматриваемы предварительно в особом Амурском комитете» [196]. Претензии генерал-губернатора на особое положение в управленческой иерархии, которым частично он пользовался при императоре Николае I, категорически были отвергнуты.

Сразу же после заключения Е.В. Путятиным в Тяньцзинь договора с Китаем (1858) Муравьев в посланиях великому князю генерал-адмиралу Константину Николаевичу обосновывает настоятельную необходимость срочно совместно с китайской стороной осуществить демаркацию границы «от вершин реки Уссури до приморского берега», для чего создать две комиссии — русскую и китайскую. Из послания Муравьева князю А.М. Горчакову — министру иностранных дел (10 ноября 1858 г.): «...Я назначил особую экспедицию для постановления границы, а вместе с тем и для подробного обозрения и исследования пограничного Приуссурийского края, под начальством обер-квартимейстера вверенных мне войск, Генерального штаба подполковника Будогосского, который и предназначается быть начальником комиссии для

установления границы, при которой будет состоять и известный уже китайцам переводчик мой Шишмарев... Расходы на всю эту экспедицию с сухопутной стороны, простирающиеся до 14 тыс. рублей серебром, я назначил произвести из имеющихся в распоряжении моем сумм безвозвратно, так как предмет этот относится прямо и непосредственно до Амурского края» [214]. Сообщая, что китайское пограничное начальство при установлении границы принимает за базис систему реки Уссури и реку Суйфун (в 1972 г. переименована в реку Раздольная), впадающую в море невдалеке от корейской границы, Муравьев считал желательным, чтобы граница наша по морскому побережью примкнула к самой границе Кореи.

С парохода «Америка» в Печелийском заливе Муравьев написал очередное письмо Е.П. Ковалевскому (1 июля 1859 г.). В нем он рассказал о встрече в бухте Посъета с комиссаром Будогосским, который прекрасно и быстро исполнил свое важное и трудное дело. «Нам необходимо, — считал генерал, — протянуть нашу границу по берегу моря до реки Тюмень-Ула (современные корейское название Туманган, русское название Туманная), составляющей границу Маньчжурии с Кореей. Он опасался, что англичане непременно утвердятся в бухте Посъет, где и гавань прекрасная, и каменный уголь есть... Потому он распорядился, чтобы там зимовало наше судно, и поставил на берегу батарею. В следующем году гавань в заливе Посъет занял адъютант великого князя генерал-адмирала капитан 1-го ранга Лихачев, который на берегу бухты основал военный пост и водрузил Русский флаг. Следует заметить, что из 162 опубликованных документов 64 приходится на 1858—1859 годы, время самой интенсивной деятельности Муравьева.

Из предписаний Муравьева военным губернаторам Приморской и Амурской областей в книге приведены всего два послания, касавшиеся приведения в боевую готовность военных и казачьих соединений на границе в связи с обострением отношений с Пекином. Особо интересно послание к «Господину военному губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии и портов Восточного оке-

ана, контр-адмиралу Казакевичу» (15 ноября 1859 г.). В нем граф предупреждает о возникших недоразумениях между Россией и Китаем и о приведении по всей Амурской и Уссурийской линии в военную готовность регулярных войск и казаков. Сверх этого он предписывал «майору Дьяченко построить две речные канонирские лодки, которые должны быть вооружены крепостными орудиями, находящимися в станице имени вашего превосходительства (Казакевичево. — *Н.Д.*); полагаю, что ваше превосходительство признает нужным указать г. Дьяченко лучший способ к постройке сих лодок...» [281—282].

В Пекине отказывались утверждать пограничную карту, согласно Айгунскому договору, а местные власти постоянно и в разных случаях старались возбуждать в жителях неприязненные отношения к русским. В этих условиях Муравьев командует в Амурскую область известного переводчика Я. Шишмарева для личных объяснений с айгунским амбанем и одновременно отправляет военному губернатору Амурской области письмо с изложением сущности этих объяснений. «Для сведения вашего превосходительства, — говорилось в заключении послания, — считаю необходимым подтвердить, что *против маньчжур с нашей стороны никаких военных действий в виду не имеется* и что кроме полицейских мер никаких других и предпринимать быть не должно» [293—294].

Во время трудных переговоров в Пекине о российско-китайской границе, которые вел Н.П. Игнатьев, Восточно-Сибирский генерал-губернатор в Приамурье организовал учения и маневры военных и казачьих соединений, демонстрацию готовности их к военным действиям, что в условиях англо-французской агрессии в Пекине значительно способствовало сговорчивости китайской стороны.

Подписанный в начале ноября 1860 года в Пекине российско-китайский договор окончательно закрепил Приамурье и Приморье за Россией, завершил пограничное разграничение между двумя государствами, начатое генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым. В приведенном в книге письме министру иностранных дел князю А.М. Горчакову (27 ноября 1860 г.) граф Муравьев писал: «Трактаты Тянь-

цзиньский и Айгунский подтверждены и дополнены всем тем, что в них недоставало, и все сомнения рассеяны: теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждение консульств в Угре и Кашгаре. Все это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего» [317]. Заключение Пекинского договора стало настоящим подарком Муравьеву-Амурскому к моменту завершения им исторической миссии в Восточной Сибири. Из его письма Е.П. Ковалевскому (27 ноября 1960 г., Иркутск): «Всего более радуюсь, конечно, я успехам Игнатьева: он меня лично освободил от каторжной работы и, может быть, смерти; я бы не выдержал здесь и одного месяца лишнего против того, что себе назначил, т. е. начала января... В Петербурге буду, вероятно, к 31-му января» [318].

В сферу внешнеполитических интересов Муравьева по-прежнему входил остров Сахалин, который, согласно подписанному в 1855 году Е.В. Путятиным первому Русско-японскому договору, объявлялся ничейной территорией. В условиях активизации агрессивных действий европейских государств в акватории Тихого океана остров в любой момент мог стать их легкой добычей. «Нам необходимо иметь весь этот остров в нашем владении, — считал Муравьев, — а иначе мы встретим там англичан, которые возьмут у японцев что им угодно». В ответ на сообщение министра иностранных дел А.М. Горчакова об императорском назначении его вести переговоры с Японией Муравьев попросил князя доложить Его Величеству, что он употребит все способы, чтобы оправдать лестное доверие, что он никогда не думал прибегать к понудительным мерам, а напротив «считает необходимым сколь возможно внушить как в Японии, так и в Китае доверие к нашему дружескому расположению».

В июне 1859 года на пароходе «Америка» генерал-губернатор Восточной Сибири прибыл в Хакодате и встретился с нашим консулом Гашкевичем, с которым условился после окончания дел у китайских берегов (встречи с определявшим

новую сухопутную границу подполковником Будогосским и др.) вместе с консулом отправиться в Иеддо (столица Японии, Токио) на переговоры. Итоги переговоров Муравьев изложил в послании министру А.М. Горчакову, в котором он сообщил, что японское правительство, основываясь на 2-й статье трактата, заключенного в 1855 году, не признает возможным провести границу между нами южнее острова Сахалина, поскольку он является не разделенной между Россией и Японией территорией. Уполномоченные предлагали провести границу на Сахалине по 50 градусу северной широты. «Принимая в соображение, что права японцев на Сахалин столь же неопределенны, как и наши, — утверждал Муравьев, — что остров этот по обоим названиям своим — Сахалин и Карафто — ничего японского в себе не заключает, я не мог согласиться ни на какое разделение его между Японией и нами..» [276]. Вместе с тем он просил разрешить с открытием навигации 1860 года занять нашими войсками южную оконечность Сахалина и устроить там укрепления для пристанища нашим судам, которые будут проходить Лаперузовым проливом, с чем император согласился.

В опубликованном донесении императору Муравьев признал, что его переговоры в Японии *в отношении Сахалина не имели желанного успеха*. «Однако посещение столицы Японии с приличною эскадрою, — считал он, — будет, конечно, иметь полезное для нас влияние на умы японцев, а представители там Англии и Американских Соединенных Штатов, без сомнения, будут довольны за те дружеские советы, которые я внушил Японскому правительству во время пребывания моего в Иеддо». В письмах из Японии Николай Николаевич подчеркивал, что японцы «очень переимчивы и способны», что простой народ, к нам хорошо расположен, «что мне очень нравится».

В письмах министру иностранных дел А.М. Горчакову Муравьев выразил свои серьезные опасения о дальнейших успехах нашей восточной политики, если высшее правительство не примет безотлагательных мер «к устранению медленности сношений столицы с здешними отдаленными странами». Он доказывал настоятельную необходимость проведения

телеграфа от столицы до устья Амура. Он писал, что главный начальник Восточной Сибири только через месяц узнает в Иркутске мнение и желание ваши и только через месяц из Иркутска может сообщить ваши распоряжения в Пекин и на устье Амура. А если возникнет вопрос, то время исполнения утраивается. «...А между тем, когда в Японии и Китае утвердились Англия, Франция и Америка, и при всем искусстве нашей политики мы никогда не успеем предварить этих господ, если сообщения наши со столицею останутся в настоящем первобытном положении» [197]. В послании предложены расчеты стоимости проведения телеграфа, которые составляли 5 миллионов рублей серебром. Строительство телеграфа, по мысли Муравьева, это первое дело, которым необходимо заняться министерству иностранных дел.

Антикрепостнические убеждения Муравьев исповедовал всю жизнь, и они нашли выражение в его планах колонизации приамурских земель. В разработанных им проектах правил переселения в Приамурский край и правилах переселения из Восточной Сибири в Приамурский край [189—194; 236—240] проводились идеи свободного вольного заселения, введения частной земельной собственности, отмены на Амуре сословного неравенства. Один из пунктов гласил: в Амурскую и Приморскую области «зашедшие... крепостные люди становятся свободными со дня вступления в пределы одной из них» [190]. Беспокоясь об участи 15 тысяч душ, приписанных крепостных крестьян к Нерчинским заводам, состояние которых он оценивал более тяжелым, чем преступников, осужденных на самые продолжительные сроки в каторжные работы, Муравьев предложил освободить приписанных крестьян от крепостной зависимости, что и было сделано. Из освобожденных крестьян Муравьев сформировал Забайкальское казачье войско, активно участвовавшее в присоединении Приамурья, его заселении и обеспечении безопасности.

Конечно, муравьевские идеи и проекты, часть которых опережала свое время, далеко не всегда находили поддержку центральной власти. С необыкновенной смелостью сибирский главный начальник в течение нескольких лет убеждал царя и высоких чиновников в необходимости перевода

Нерчинских заводов из Горного ведомства императорского кабинета в государственное управление и предоставления права добычи золота частной инициативе. Фактически этим он покушался на один из важных финансовых каналов царского двора. Н.Н. Муравьев доказывал, что его проект упрочит и обеспечит доходы кабинета, а освобождение заводских людей поведет за собой быстрое возвышение благосостояния края. Любопытно, что при этом он обратил внимание «на нравственные последствия предлагаемых преобразований», которые, по его словам, «будут неисчислимы». Так он считал, что перевод золотодобычи на частную инициативу «устранит возможности всякого покушения на личность и труд человека».

С присоединением амурских и приморских территорий возникла существенная необходимость увеличить народонаселение в Восточной Сибири вообще, а в Приамурском крае в особенности. В книге опубликованы «Правила для переселения из Восточной Сибири в Приамурский край» [236—240]. Кстати Муравьев широко пользовался названием «Приамурский край» для обозначения новых территорий Восточно-Сибирского края. Для заселения назначались все свободные места в Амурской и Приморской областях. Не дозволялось селиться в тех местах, которые назначались для казачьих станиц и где находились селения маньчжуров и туземцев. В документе четко говорилось о правилах выселения, следования до мест поселения и условиях вселения на новые земли. Например, в прошениях и предъявлениях должны быть обозначены кратко: желание переселиться на Амур, состав семейства, имя и настоящее местожительство просителя. На пути следования переселенцев местные власти обязаны содействовать им. Вообще, переселенцам должно оказываться всякое законное пособие, доброхотство и покровительство. А «о лицах, оказавших особенное вспомоществование переселенцам, было доводимо до сведения генерал-губернатора». Переселившиеся за свой счет на Амур сельские обыватели пользуются землями безвозмездно в течение 20-ти лет: подлежащие рекрутской повинности освобождались от ее несения в течение 10-ти наборов и навсегда

от податей и повинностей, коими они обложены были в местах прежнего проживания, казенные же недоимки прежних лет с них слагались.

Привлекает внимание разработанный Муравьевым проект положения о заселении и управлении городов: Благовещенска Амурской области, Николаевска и Софийска Приморской области [302—305]. (Ни Хабаровка, ни Владивосток в 1860 году статуса города не имели. — *Н.Д.*) В нем отмечалось, что лица свободного состояния приписываются к городам Благовещенску, Николаевску и Софийску, в которых «никаких преимуществ одного сословия перед другим не допускается». Все лица, ставшие горожанами, обязаны были не позднее трех лет со дня приписки завести там «прочную оседлость». В примечании уточнялось, что имеющими прочную оседлость считать тех, которые на отведенных местах в городе сделают постройки или разведут сады и огороды, приносящие им доход, или же посредством законного приобретения от других лиц сделаются владельцами недвижимой собственности. Каждому горожанину предоставлялось право производить в городах и по всему Амуру свободный торг на неопределенную сумму и всякую, законом дозволенную промышленность и ремесло, а также учреждать фабрики и заводы сообразно с его средствами.

Для успешного заселения вновь открытых городов края и развития в них промышленности Муравьев предложил Сибирскому комитету дозволить приписываться к городским обществам раскольникам всех сект, за исключением скопцов. По его предложению учреждались почтовая контора в г. Благовещенске и почтовые отделения в г. Софийске и селениях Катерино-Никольском и Хабаровке, которые подчинялись непосредственно местным военным губернаторам.

Генерал-губернатор выступил с инициативой, чтобы Сибирский комитет предоставленные краю права свободной торговли распространил на все порты Приморской области для лучшего обеспечения потребностей жителей Охотска и Петропавловска.

Понимая высокую роль церковного строительства в укоренении переселенцев на новых землях, Муравьев всячески

поддерживал неутомимую деятельность архиепископа Камчатского Иннокентия в распространении слова Божьего и миссионерства среди туземного населения. В Сибирский комитет был представлен проект правил об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае, областях Амурской и Приморской, которые были составлены совместно с архиепископом Иннокентием с учетом потребностей и условий края [254—258]. Чтобы при исполнении обязанностей назначаемое духовенство не встречало каких-либо затруднений, в правилах в числе прочих пособий, испрашиваемых от казны, названо хлебное довольствие. В Приморской и Амурской областях разрешалось производить отпуск провианта чиновникам гражданского ведомства. Для духовенства это тем более являлось необходимым, поскольку из-за малочисленности на Амуре прихожан они не могли получать пособия, какие получали церковные причты в других областях Сибири. В проекте говорилось, что для полного обеспечения городских и сельских причтов края необходимо предоставить духовенству возможность, не озабочиваясь материальными нуждами, стать на высоту духовных учителей. Вводились главнейшие правила, среди них предлагалось изменить принцип церковного управления, вместо единоначалия настоятеля предлагалось совещательное управление во главе с советом прихода. Эти идеи были реализованы на окраине империи.

Своим вниманием Муравьев не обошел такую категорию обитателей Восточной Сибири, как ссыльнокаторжные, в основном занятые в горно-добывающих предприятиях Горного ведомства.хлопоты его об изменении их положения обернулись тем, что Сибирский комитет поручил Муравьеву составить полный проект положения об управлении ссыльными. В книге отсутствует этот разработанный им проект. Тем не менее письмо «Господину управляющему делами Сибирского комитета» (3 октября 1860 г.) позволяет выяснить предложенные им прогрессивные меры. Главная же из них состояла в том, чтобы передать ссыльнокаторжных из Горного ведомства в ведение военного губернатора Забайкальской области. О гуманности генерал-губернатора свидетельствуют письма

его к управляющему делами Сибирского комитета В.П. Буткову о положении детей ссыльнокаторжных Нерчинских заводов [229—232]. «Занимаясь устройством Нерчинских заводов, я давно уже обращал внимание на несправедливость оставления детей ссыльнокаторжных Нерчинских заводов в горно-заводском ведомстве, — написал он. — А так как ныне вопрос о преобразовании Нерчинских заводов тесно связан с благоденствием Приамурского края, то я имею честь покорнейше просить рассмотреть этот вопрос». На нескольких страницах Муравьев анализировал существовавшее законодательство о детях ссыльных и делал вывод, что существовавшее положение «совершенно противно общему духу законодательства», и просил рассмотреть вопрос в полной уверенности, что будет проявлено сочувствие к тяжелой участи детей ссыльнокаторжных, лишенных возможности свободно располагать своим трудом.

Навсегда покинув Восточную Сибирь и находясь в Петербурге, граф Муравьев-Амурский продолжал заниматься сибирскими делами. Он внес в Сибирский комитет предложение об учреждении лоцманов на реках Ингоде и Шилке для обеспечения развивающегося судоходства на реках (27 февраля 1861 г., Петербург). Последний же опубликованный документ (3 октября 1861 г., Петербург) содержал информацию об отправке графом в Сибирский комитет проекта предложений о новых правилах распределения ссыльных.

Завершая краткое описание воссозданного И.П. Барсуковым образа Н.Н. Муравьева-Амурского, необходимо обратить внимание на расставленные автором акценты.

Как правило, Иван Платонович воздерживался от обобщающих оценок героев своих книг, предоставляя это делать читателям. В отношении же Н.Н. Муравьева он сделал исключение, наблюдая плотную пелену забвения, укрывавшую его имя. Свое краткое предисловие к биографии Н.Н. Муравьева-Амурского автор начал такими проникновенными словами о графе: «Доблестный воин... мудрый администратор и патриот, Муравьев является лицом, выдающимся как своими заслугами, так и свойствами своего чисто русского

самобытного характера. Неутомимый труженик, одаренный умом государственным, необыкновенной энергией и предприимчивостью, он постоянно руководился мыслью быть полезным Государю и Отечеству. Глубоко веруя в Промысел Божий, он был чрезвычайно тверд в борьбе с обстоятельствами и невзгодами жизни, необыкновенно последователен и настойчив во всех своих действиях. Всегда и во всем оставаясь верен себе, Муравьев, несмотря на все препятствия, неуклонно шел к намеченной цели. Человек решительный, часто вспыльчивый, он в то же время был прямотушен, честен и справедлив; беспощадно преследовал ложь, лихоимство или нерадение к служебному долгу; но зато и умел отличать людей достойных, был внимателен к заслугам и щедр на награды» [кн. 1.1]. Представив Муравьева «лицом, выдающимся как своими заслугами, так и свойствами своего чисто русского самобытного характера», Барсуков совершил огромный прорыв в завесе забвения и равнодушия вокруг имени графа.

Феномен личности Н.Н. Муравьева-Амурского состоит в том, что, будучи генерал-губернатором Восточной Сибири, главным начальником самого удаленного от центра провинциального края, он решал проблемы общегосударственного, российского значения. Это стало возможным благодаря тому, что в середине XIX века на восточных рубежах Российской империи возникли объективные проблемы геополитического и стратегического характера. Решению их в полной мере соответствовала масштабная личность Н.Н. Муравьева-Амурского. Навряд ли в XIX столетии кроме Муравьева был хотя бы еще один генерал-губернатор, которому бы в обстановке недоброжелательства и абсурдных обвинений пришлось в течение нескольких лет настойчиво доказывать высшему правительству России внешнеполитическую и внутригосударственную целесообразность и необходимость осуществления предложенных им проектов, направленных на благо Отечества. Представляя правительству все новые проекты и предложения, отличавшиеся глубокой аргументацией и логикой изложения, Муравьев как бы понуждал правительство к их реализации. Большая их часть под руководством генерал-губернатора была претворена в жизнь.

В историю России и в историю мировой цивилизации Муравьев-Амурский вписал свое имя как боевой генерал, сумевший без пролития крови, мирным путем, в сжатые сроки, малыми средствами включить в состав Российского государства огромную территорию Приамурья, Амурский речной путь к океану и оформить это заключением договора с Китаем. В результате Российская империя, твердо вставшая на океанское побережье, приобрела евроазиатский характер, стала тихоокеанской державой. Муравьеву же принадлежали и решительные шаги по созданию безопасности дальневосточной территории, обеспечившей отпор англо-французской агрессии на Камчатке и на побережье и срыв серьезных намерений европейских государств установить здесь свое господство. Не будет преувеличением сказать, что Муравьев-Амурский заложил основы современных российско-китайских отношений.

Со страниц барсуковых книг Н.Н. Муравьев-Амурский предстает как крупный российский реформатор, преобразовательские идеи которого прокладывали дорогу государственным реформам 1860—1870-х годов. Антикрепостническими идеями были проникнуты его региональные управленческие проекты и действия на новых российских территориях. Управленческой деятельности генерала присущи необычная для администрации времени Николая I самостоятельность, личная ответственность, что в правительстве зачастую расценивалось как посягательство на prerogatives верховной власти, а также непримиримая борьба со взяточничеством и коррупцией.

Историю взаимоотношений Муравьева и святителя Иннокентия автор дополнил новыми идеями и фактами, подчеркнутыми, что они являлись единомышленниками, соратниками в деле утверждения российской государственности на крайнем Востоке России.

В характеристике личности Муравьева автор выделяет такие его выдающиеся способности, как феноменальную энергичность, удивительную работоспособность, уникальную целеустремленность. Вместе с тем он обладал сильными лидерскими качествами. В общении с солдатами, казаками,

крестьянами и туземцами генерал не допускал высокомерия, был прост, искренен, неприхотлив и невзыскателен в пище и одежде. Отмечены его и такие негативные качества, как вспыльчивость, горячность, пристрастность, также подчеркнуты ошибочные решения и поступки.

Более чем полуторавековая историческая дистанция убедительно доказала геополитическую значимость прочного утверждения России на Тихоокеанском побережье, с новой силой подтверждая политическую прозорливость Н.Н. Муравьева-Амурского — государственника, истинного патриота России. Одновременно поднялась и планка оценки личности Н.Н. Муравьева-Амурского, выдающегося государственного деятеля XIX века, имя которого ныне в пантеоне Национальной Славы России и в благодарной памяти дальневосточников, стремящихся еще более благоустроить свой край — один из молодых в России.

6. Тяготы петербургского бытия. Последний год жизни в любимом Яринском

Петербург Иван Платонович знал хорошо и любил. Ксенинский институт, в котором он начал службу, представлял собой довольно любопытное явление в культурно-образовательной сфере России конца XIX века — начала XX века, когда высшее образование являлось не доступным для женщин. Институт был учрежден указом императора Александра III от 25 июля 1894 года в ознаменование бракосочетания его дочери великой княгини Ксении Александровны и пополнил ряд уже существовавших дворянских женских учебных заведений.

Что собой представлял открытый по монаршей воле институт, ответом на какие российские вызовы он стал? Что об этом говорилось в императорском указе? Институт должен был «содействовать недостаточным родителям» — верно-подданным, которые приобрели службою или по рождению права дворянства, но не имели средств, необходимых для воспитания своих дочерей. Это положение можно считать косвенным признанием процесса оскудения, разорения дворянства — политической и социальной основы самодержавной власти в России, усилившегося после отмены крепостного права. Численность дворян, не имевших средств для воспитания своих дочерей и вообще детей, росла и в некоторой степени ослабляла российское дворянство. Обучение в институте дворянских дочерей было призвано сделать их

«полезными в собственной семье». К тому же в указе говорилось о современном спросе на женский труд в российском обществе. В этих условиях «неосчастливившиеся семейной жизнью» дворянки, получив образование, могли бы иметь «честный заработок» и быть полезными обществу. В целом учреждение Ксенинского института благородных девиц отвечало потребностям народного просвещения и российского дворянства.

Институт представлял собой закрытое учебно-воспитательное заведение, состоявшее в ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны. Он был рассчитан на 350 воспитанниц-сирот: половина вакансий являлась бесплатной, а за половину воспитанниц из неслужилых дворян предусматривалась плата 250 рублей в год. При поступлении юные дворянки должны были знать основные молитвы, уметь читать и писать по-русски, по-французски или по-немецки. Общий курс обучения составлял семь лет, после чего девушки проходили трехлетние специальные курсы, где они получали сведения, полезные в семейной жизни или вне ее. 300 учениц старше 10 лет находились в самом институте, 50 — в возрасте восьми-десяти лет — в малолетнем отделении. Институт благородных девиц располагался во дворце, ранее принадлежавшем великому князю Николаю Николаевичу (старшему) и приобретенном после его смерти для учебного заведения на средства государственного казначейства. Институт содержался в основном на средства казначейства.

3 марта 1895 года И.П. Барсуков был определен на службу по ведомству учреждений императрицы Марии Федоровны исправляющим должность секретаря и казначея Ксенинского института. Справедливости ради следует заметить, что Иван Платонович за свою жизнь не имел таких приличных условий службы, как в институте. Всего в год ему причиталась сумма в 1800 рублей, из которой 1000 рублей шла на содержание при казенной квартире.

Торжественное открытие Ксенинского института состоялось 25 марта 1895 года в присутствии императора Николая II, сравнительно недавно вставшего у кормила власти ввиду кончины его отца — императора Александра III. Уча-

ствуя в торжествах, Иван Платонович не мог не вспомнить великого князя Николая, присутствовавшего на приеме, устроенном князем С.Д. Шереметевым для Александра III и его семьи. Безусловно, по сравнению со Странноприимным домом — богадельней для бездомных и больных людей институт являлся для И.П. Барсукова значительным продвижением по службе, хотя и с невысокой должностью. В 1897 году он стал статским советником — чиновником V класса из 14 гражданских чинов по «Табели о рангах».

В течение десятилетней службы в Ксенинском институте (1895—1904) — службы ему не симпатичной и вынужденной — Иван Платонович не прекращал свою творческую деятельность. Как только осмотрелся в институте, вник в свои обязанности, он вновь обратился к архиву святителя Иннокентия. В 1897 году исполнялось 100-летие со дня рождения выдающегося русского подвижника православия Иннокентия (Вениаминова), которое Барсуков задумал отметить изданием первой книги его писем. Тем более что сохраняло силу обязательство графа С.Д. Шереметева предоставить на это средства. Барсуков считал своим нравственным долгом издание эпистолярного творчества архиепископа.

Несколько лет Иван Платонович не прикасался к бумагам святителя Иннокентия, обращение к которым наполнили его «тихой радостью и небесной благодатью». Первая книга «Писем», которую историк посвятил столетней годовщине со дня рождения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, просветителя Восточной Сибири, увидела свет в 1897 году. Вторая и третья книги вышли соответственно в 1898 году и 1901 году. К своему большому огорчению, историк видел, что вышедшие книги были встречены прохладно, они мало кого интересовали. А это, между прочим, означало, что и вознаграждение за свой труд он получит минимальное. Несмотря на это, Иван Платонович испытал настоящее удовлетворение от выполненного нравственного долга, от сознания того, что память об архиепископе Иннокентии — необыкновенном подвижнике православной церкви, ученом и государственном деятеле на века сохранится в истории России.

Когда Барсуков приступил к подготовке писем Иннокентия к изданию, он получил известие о кончине преосвященного Дионисия — человека, близкого святителю по вере, духу и жизни. Иван Платонович был лично знаком с Дионисием, который его очаровал тем, что оказался «человеком одного типа с Иннокентием». В течение многих лет историк переписывался со священником, и у него возникло желание издать о нем книгу, которую он озаглавил «Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилюйского, а затем Уфимского и Мензелинского (умер 18 сентября 1896 г.)».

С течением времени, — считал Барсуков, — история выяснит то великое значение, которое имел преосвященный Дионисий среди инородцев: якутов, тунгусов, чукчей и юкагиров. Полная оценка этого значения не входила в замыслы автора. «Настоящий труд предпринят нами лишь для некоторого освещения апостольской деятельности почившего иерарха, — отметил он. — Главною же нашей целью было собрать некоторые материалы для будущего исследователя». Тем более что в изданных трудах, посвященных Иннокентию, о Дионисии немало было сказано. Поэтому в кратких биографических сведениях, полученных из архива Синода, Барсуков привел в основном дополнительные данные.

За труды по переводу священных книг с русского на якутский язык протоиерей Дмитрий Васильевич Хитров был сопричислен к ордену Святой Анны 2-й степени и награжден наперсным крестом. Тогда же он избирается членом ИРГО. С 1858 года Хитров исправлял должность ректора Ново-Архангельской духовной семинарии на острове Ситха и преподавал богословские науки. Несколько лет он возглавлял духовную семинарию в Якутске. В 1867 году он становится викарием Камчатской епархии с саном епископа Якутского. Несмотря на многосложные дела свои по управлению Московской паствой, митрополит Иннокентий зорко следил за делами своего избранника епископа Дионисия. На высказанное им сомнение, не будет ли он докучать своими письмами святителю, Иннокентий ответил, что он, где бы ни был, не забудет край, где служил, и с удовольствием будет получать его письма. При открытии в 1870 году в Якут-

ской области епископской кафедры Дионисий стал самостоятельным епископом Якутским и Вилюйским, совершил много преобразований и ввел новые полезные учреждения. В год 50-летия служения в сане священника Дионисий был отмечен бриллиантовым крестом для ношения на клобуке и рескриптом императора.

В книге опубликованы 18 писем Дионисия И.П. Барсукову, извлеченные из архива историка, которые сопровождаются примечаниями. Основное содержание писем связано с распространением и продажей книг Барсукова, посвященных биографии Иннокентия и его трудам. По предложению автора пятая доля денег, полученных за продажу книг, шла в местный епархиальный миссионерский комитет.

В последний момент перед изданием книги Барсуков получил из Уфы 29 собственноручных писем преосвященного Дионисия своему брату — священнику Григорию Васильевичу Хитрову. Эти письма проникнуты трогательной любовью к родному селу на Рязанщине и к незабвенной поре детства. Они помещены в приложении.

Книга-память о Дионисии, замечательном восточно-сибирском священнослужителе XIX века, стала важным дополнением к эпопее святителя Иннокентия. К тому же новый труд историка в очередной раз пополнил богатое археографическое наследие века.

С именем Д.В. Хитрова частично связана и еще одна небольшая книга И.П. Барсукова «Капитон Иванович Невоструев в письмах к ректору Якутской семинарии Дмитрию Васильевичу Хитрову, впоследствии Дионисию, епископу Якутскому и Вилюйскому (1859—1861)». Она вышла с предисловием и примечаниями Барсукова в 1903 году в Петербурге.

Десять объемных писем К.И. Невоструева из Москвы, написанных в 1859—1871 годах и адресованных в Якутск Д.В. Хитрову, были переданы его внуком, священником из Уфы, в распоряжение И.П. Барсукова.

Несмотря на то, что Хитров в письмах являлся адресатом, тем не менее в них имелись неизвестные факты из жизни высококочтимого Барсуковым сибирского священнослужителя — миссионера, последователя святителя Иннокентия. Главное

же, письма позволяли представить читателям незаурядную личность автора писем — Капитона Ивановича Невоструева, о котором в литературе фактически отсутствовали сведения. В предисловии, ссылаясь на мнения церковных авторитетов, Барсуков привел его краткие биографические данные, дополнив своими суждениями. Капитон Иванович Невоструев (1815—1872) являлся русским церковным историком, известным археографом, профессором Симбирской духовной семинарии, членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

В 1840-е годы профессору исторических наук Московской духовной академии А.В. Горскому и профессору Симбирской семинарии К.И. Невоструеву по представлению Московского митрополита Филарета было поручено составить полное описание славянских рукописей, хранившихся в Московской синодальной библиотеке. С этой целью К.И. Невоструев был вызван из Симбирска в Москву, где местом жительства для него стал Чудов монастырь в Кремле.

В течение 20 лет в монастырском уединении среди множества старых книг и древних рукописей, — пишет Барсуков в книге, — прожил этот ученый-труженик, работая день и ночь во имя интересов науки. Отрешившись от всего ради знания, — от семейных радостей, от общественных развлечений, ничем он так не дорожил в своей жизни, как временем. Совместная работа с А.В. Горским по описанию рукописей шла успешно, и в 1863 году уже было издано четыре тома рукописей. Когда Горский стал ректором Московской духовной академии, Невоструев один продолжал работать с рукописями и занимался этим до своей смерти. Во многом благодаря подвижническому труду К.И. Невоструева появилось ценное издание славянских рукописей, пополнившее историческое наследие России. Академия наук достойным образом оценила этот труд, вышедший под названием «Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», увенчав его Ломоносовской премией.

К.И. Невоструев был настоящим церковным библиофилом-знатоком, ценителем и собирателем церковных книг и рукописей. По завещанию профессора после его кончины

Московская духовная семинария обогатилась значительным собранием его книг и рукописей (почти три тысячи экземпляров).

Приведя полный перечень научных трудов Невоструева по церковной истории, археографии и археологии, Барсуков высказал свое суждение о двух типах ученых, обогащающих научное знание. «Жизнь Капитона Ивановича доказывает, — утверждал Барсуков, — что путь к ученым заслугам на каком бы то ни было поприще пролагают не блестящие и яркие дарования, а скорее обыкновенно способные, управляемые энергетической волей, которыми обладал покойный труженик. При упорном разумном терпении и энергетическом, медленном и постоянно неусыпном труде, можно сказать, он продолбил громадный камень — *non vi, sed saep calendo*». Вряд ли можно согласиться с Барсуковым, противопоставившим в научном процессе два типа ученых. Следует учитывать, что характер деятельности ученых во многом зависит и от характера и особенностей той или иной научной дисциплины.

Письма К.И. Невоструева — признанного знатока церковной истории и авторитетного археографа — для ректора Якутской семинарии Д.В. Хитрова были глотком живительной освещенной воды, источником знаний, поддержкой и значимой помощью в его миссионерской деятельности. Одной из тем писем профессора была проблема православного миссионерства. Он подчеркивал, что одною устною проповедью священника и даже примером его жития ограничиться ни в коей мере нельзя. «Училища и грамота, мне кажется, будут одним из первых средств распространения и утверждения истинной веры в вашем крае». Он напоминает, что утверждение православия «нашими богомудрыми просветителями у славян вообще и у нас в России, в частности, происходило благодаря переводам священных книг, созданию училищ... Этим и устояли против всех насилий и ухищрений папства и при всех невзгодах, угнетении и рабстве».

В переписке неизменно присутствовала дальневосточная тематика, в основном связанная с Камчатским епископом Иннокентием и с содержанием книг, которыми иногда шел обмен. Так, в письме от 15 декабря 1865 года Невостру-

ев благодарил уже Дионисия за присланную книгу о Якутской области и сообщал, что высокопреосвященному владыке Иннокентию посылает описание Амура, составленное в 1677 году. Пишет о приезде в Москву его сына Гавриила Ивановича Вениаминова для сбора пожертвований приамурским церквям. В другом своем послании он благодарит за полученное жизнеописание святого иркутского Иннокентия и сообщает о публикации актов XVII века о Сибирском и Якутском краях, о сношениях с китайскими и монгольскими правителями, строительстве городов, слобод и острогов. Капитон Иванович обратился к Хитрову с просьбой: «Когда будете писать к архипастырю вашему Иннокентию, то благоволите передать ему от меня земной поклон с испрашиванием архипастырского благословения» (письмо от 11 сентября 1863 г.). Конечно, ректор духовной семинарии ценил рекомендации профессора о приобретении для библиотеки появившихся новых книг для семинаристов, известия о церковной жизни в Москве и Петербурге. Так, он узнал о проекте основания общества любителей духовного просвещения, издании его записок или журнала. В каждом послании в Якутск содержались сообщения о посылке книг. В февральском письме 1869 года профессор писал: «Все посылаемые книжки приношу в дар на пользу церкви вашей». Узнав, что якутскую семинарию вместе с библиотекой истребил пожар, Невоструев собрал из своей библиотеки посылки книг в три, четыре и пять пудов и просил Дмитрия Васильевича посодействовать доставке их в Якутск при помощи якутских купцов, находившихся в Москве.

Два последних опубликованных письма Капитона Ивановича посвящены рассказу о его поездке в Елабугу (город его рождения) с археологической целью. Кроме осмотра развалин он собрал документальные известия о судьбе бывшего близ Елабуги на крутом берегу Камы городища Болгарского (X—XI вв.), разоренного Владимирским князем Андреем Боголюбским. Во втором письме он описал «Ананьин Могильник» — место погребения здесь скифов еще до принятия христианства — и найденные артефакты.

В переписке имелись сюжеты и из будничной жизни.

Автор писем неоднократно благодарил Д.В. Хитрова за присланные «охотские гостинцы» и сообщал, что он поделится ими с А.В. Горским и другими близкими ему людьми. Любопытно детальное описание проверенного на собственном опыте лечения ревматизма холодной водой.

Опубликованные Барсуковым письма археографа К.И. Невоструева дают представление о нем как об интересной, оригинальной личности и о его самоотверженной научной деятельности. В российский археографический процесс XIX века он вошел как церковный археограф, который, подобно древним монахам-отшельникам, посвятил всю свою жизнь сохранению и изучению рукописного наследия.

С князем М.С. Волконским у Барсукова сохранялись доброжелательные отношения. По просьбе князя Иван Платонович готовил к изданию воспоминания его отца, декабриста С.Г. Волконского. В Государственном архиве Российской Федерации имеется несколько писем историка князю по этому поводу. Барсуков подготовил примечания, вычитывал гранки. Он просил сохранить сделанные им примечания, так как «они все кстати и очень интересны, хотя в гранках страшно перепутаны, но все это будет исправлено», как и масса орфографических ошибок»¹⁴³. Книга «Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста)» вышла в Петербурге в 1902 году. В предисловии князь написал: «Считаю обязанностью выразить искреннюю признательность И.П. Барсукову, содействовавшему мне в издании настоящего труда».

Написанные на французском языке записки княгини М.Н. Волконской — супруги Сергея Григорьевича — предназначались сыну Михаилу, который не сразу решился их опубликовать. Когда же он принял такое решение, вновь обратился к И.П. Барсукову. Записки княгини М.Н. Волконской, отпечатанные в лучшей типографии Петербурга на дорогой бумаге с ее двумя портретами, вышли на русском языке в 1904 году.

В это время Ивану Платоновичу пришлось еще раз пережить непорядочность, нечистоплотность некоторых известных людей. Казус любопытен и для характеристики археографической среды. Дело заключалось в том, что Барсуков

должен был подготовить к публикации рукописи дневника княгини Е.А. Черкасской и переписку Н.А. Милютина с князем В.А. Черкасским. Инициатором издания выступил князь А.М. Волконский, предложивший П.А. Васильчикову (который вскоре скончался) передать рукописи драгоценных документов И.П. Барсукову. Получив рукописи от Васильчикова, Иван Платонович с увлечением принялся за работу и в короткий срок довел ее до конца. Оставалось только сдать рукопись дневника княгини Е.А. Черкасской в типографию. В этот момент к Барсукову обратился граф Хрентович-Бутенев и, ссылаясь на якобы завещание Васильчикова, попросил все имевшиеся у историка рукописи переслать в Ялту П.Ф. Самарину для просмотра. Зная, что Самарин был одним из ближайших сотрудников князя В.А. Черкасского, Барсуков удовлетворил эту просьбу, надеясь, что Самарин дополнит и обогатит труд своими примечаниями. Не получив никаких известий из Ялты, Иван Платонович написал туда письмо и получил совершенно неожиданный ответ от графа Хрентовича и Самарина с выражением сомнения о праве Барсукова готовить рукописи к публикации. В своем письме А.М. Волконскому (30 апреля 1899 г.) Иван Платонович объяснил, почему не удалось оправдать доверие князя и какой неожиданный оборот приняло это дело. В конце письма он сформулировал вопрос: «На каком основании и по какому праву П.Ф. Самарин и граф Хрентович могут предрешать судьбу документов П.А. Васильчикова, держать у себя бумаги и давать или не давать свое согласие на их печатание?»¹⁴⁴ В конце концов это дело замяли.

С каждым годом здоровье Ивана Платоновича слабело, а служба все более тяготила. Находясь в отпуске, он писал в июле 1897 года братьям: «Живу в Ярилино очень хорошо... Ложусь в 9 часов вечера, а встаю в 4 часа утра при пении птиц. Одна мысль, что приближается время окончания отпуска, что скоро я опять буду под начальственным оком, это просто страшит меня и давит мое сердце. Но что делать, видно такая судьба моя. Но вы к этому привыкли. Такая жизнь дала вам привилегии и деньги»¹⁴⁵.

В письмах жене Анне Михайловне, остававшейся на хо-

зайстве в Яринском вместе со старшим сыном Сашей, он редко писал о своей службе в институте, а если и упоминал о ней, то «о скверных и малоприятных сплетнях и дразгах». Очевидно, в новом коллективе администрации и преподавателей существовали какие-то проблемы, которые внутреннюю обстановку в институте делали нестабильной и беспокойной.

Возвращаясь из деревни в Петербург, Иван Платонович продолжал жить воспоминаниями и заботами об имении. В каждом письме жене обязательно задавал вопросы, касавшиеся хозяйства. «Как я рад, что тебе удалось убрать две десятины клевера и поставить два больших стога. Радуюсь, что ты приступила к печам и в кабинете у меня печь уже готова». «Хорош ли в поле лен, хороша ли в огороде конопля? Поздравляю с жатием ржи и при том, что она оказалась очень хорошая». «Как приятно мне слышать, что вы кушаете свои сливы, ведь это плоды моего насаждения». Он интересуется, заполнен ли водой пруд, закончена ли установка забора. «Я обрадован, что мною посаженные розы утешают Вас, ласкают зрение своею красотой». Спрашивает: «Что наши цыплята и утята? Что пчелы?»¹⁴⁶

Иван Платонович радовался и утешался тем, что Анна Михайловна умело вела хозяйство. В своих посланиях он советовал, предупреждал, наставлял хозяйку имения, как вести себя с крестьянами, с прислугой, с нанятыми работниками: одного прогнать, за другим глаз и глаз, а третьего иногда угощать водочкой в качестве поощрения. Чувствуется, как счастлив Иван Платонович тем, что есть красивый большой дом, есть земля, которую можно сделать цветущей и плодоносящей. Однако когда он узнал, что жена тяжело заболела, он написал ей: «Брось хозяйство и приезжай к нам. Право, твоя болезнь не дает мне покоя ни днем ни ночью, я просто мученик... Твое здоровье для нас дороже всего твоего Яринского. Пожалуйста, послушай моего совета и приезжай поскорее. Деньги я тебе пришлю»¹⁴⁷.

Когда дети в каникулы уезжали в деревню и он оставался один, то по-прежнему с трудом переносил одиночество, им овладевала грусть-тоска, он не находил себе места. «Ты не

можешь себе представить, милая, дорогая и бесценная Анюта, какую ты доставила мне радость своим милым письмом. Я просто воспарял духом и сердечно поблагодарил Бога, что у вас, говоря по ярилинскому наречию, все идет по-хорошему. Я страшно скучаю по вас всем». И с сожалением: «Большею частью приходится жить в разлуке, что меня очень и очень беспокоит, и все это переносится молча на сердце». (Из письма 11 июля 1899 г.) На вопрос жены, как он живет, Иван Платонович как-то написал: «Я целый день на службе или дома, никого не вижу и видеть не желаю. Я без вас просто жить не могу, мне все противно»¹⁴⁸.

Письма Ивана Платоновича Анне Михайловне позволяют почувствовать его внутреннее состояние, неудовлетворенность своим положением. В письме 20 августа 1901 года он размышлял: «Старость к нам пришла (И.П. на тот момент было 60 лет. — *Н.Д.*). Ты себе представить не можешь, как мне делается год от года трудно служить, да притом и служба моя для меня ненавистна. Интриги, сплетни и т. п. просто возмущают меня. И все это из нужды терпишь и терпишь, но боюсь, что терпенья не хватит»¹⁴⁹. «Работаю целый день не разгибаясь. На службе накопилась масса дел, и я вспоминаю Сашу, что его нет при мне, я бы ему половину дел свалил. Вечерами же сижу в одиночестве за корректурой книги князя Волконского, что так же трудно мне без моей милой Зины»¹⁵⁰.

Казалось, что жизнь в Петербурге в конце концов наладилась. Все дети, за исключением Александра, жили с Иваном Платоновичем. Семья занимала в институте «очень просторную» квартиру, о которой Иван Платонович написал жене: «просто прелесть, решительно со всеми удобствами». Летом на каникулы дети с несказанной радостью уезжали в Яринское к матери и Саше. Там же и он с большим удовольствием проводил свой отпуск.

Со страниц писем Иван Платонович предстает любящим отцом, трогательно заботящимся о детях, о их будущем. Особо он восторгался своими дочерьми — Зиной и Евгенией. «Бог наградил меня такими чудными и привлекательными дочерьми... Дочери так прелестны и до такой степени внимательны ко мне, что я не знаю, как благода-

Анна Михайловна Барсукова с детьми в Яринском. Слева направо: Зина, Саша, Анна Михайловна, Михаил, Сергей, в глубине – Борис. 1900 год

рить Бога, что он дал мне таких дочерей». «Они для меня составляют единственное утешение. Я просто живу ими. Никогда не слыхал от них ни ропота, ни каприза, ни прихоти. Они всегда веселы и благодушны. Да и Сергей и Миша ведут себя очень хорошо, но только страшно бестолковы в науке»¹⁵¹. За восторгами отца чувствуется и отцовская боль за дочек-бесприданниц. Старшая Зина была постоянной помощницей отца в его литературных делах. К его счастью, она получила место преподавателя истории в институте. Заметным подспорьем в материальном обеспечении семьи и облегчением в воспитании детей стало выхлопотанное князем Волконским императорское пособие на воспитание сына Михаила (по 100 рублей в месяц с 1 июля 1900 года на шесть лет) и сына Сергея (по 100 рублей в месяц на четыре года)¹⁵². К тому же с помощью князя Волконского удалось определить Сергея и Михаила на казенный счет в гимназию.

Внезапную смерть сына Бориса вся семья тяжело переживала. Иван Платонович сообщил жене, что «съездил на

Смоленское кладбище к своему милому Борису. Могила в порядке. Отслужили панихиду. Я заболел... его образ меня всюду преследует. Тяжело, очень тяжело»¹⁵³. Узнав, что какое-то дело во Владимирском губернском присутствии благодаря Саше выиграло, радуется как ребенок и три раза кричит «Ура!».

Пришлось Ивану Платоновичу отвечать на вопрос Анны Михайловны о военных событиях в Китае в 1900 году. Для большего ознакомления ее с российско-китайскими делами он выслал ей вырезку из газеты «Новое время», сообщив, что Коля подарил ей «Вестник Европы» за весь год. Через несколько дней муж послал жене из газеты «Гражданин» вырезку статьи о китайских событиях, написанную министром финансов С.Ю. Витте. При этом он заметил: «Это достоверно». А когда началась русско-японская война, развернулись военные действия в Маньчжурии, И.П. Барсуков напряженно следил за газетными известиями с фронта, выискивал сообщения из Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, где несколько десятков лет назад неустанно, самоотверженно действовали его герои — генерал Н.Н. Муравьев и архиепископ Иннокентий.

Наконец, в начале 1904 года Иван Платонович получил долгожданную пенсию, как и ожидал, в размере 1500 рублей в год. Он уволился из Ксенинского института и, почувствовав себя свободным, засобирался в любимое Яринское, чтобы жить рядом с милой и бесценной Анной Михайловной среди очаровательной природы и любимых книг.

Приезд Ивана Платоновича в октябре 1904 года в деревню на постоянное жительство сильно омрачила смерть старшего сына Саши, который находился рядом с Анной Михайловной и помогал ей по хозяйству. Будучи с младенчества нездоровым ребенком, он почти все 34 года своей жизни оставался болезненным. Для родителей Саша был добрым, кротким и любящим сыном. Иван Платонович не мог не вспомнить, как с маленьким первенцем часто ходил на службу в Троицкое подворье и как однажды тот получил благословение митрополита Иннокентия. Наслаждаться свободой, тишиной и уютом, радоваться и восхищаться об-

Анна Михайловна Барсукова, Зинаида Ивановна, Евгения Ивановна, ее муж Н.Н. Вестерник с соседями Балашевичами в день святой Пасхи

щением с голубкой Анной, превратившей усадьбу в настоящий сад, Ивану Платоновичу мешала все усиливавшаяся болезнь (склероз сосудов).

В деревню сообщения из Петербурга и Москвы доходили с опозданием. По свидетельству младшего сына Михаила Ивановича, когда Иван Платонович узнал о расстреле 9 января 1905 года демонстрации петербуржцев, направлявшихся с иконами и хоругвями к царскому дворцу, с ним случился первый удар — он ослеп на правый глаз. Набиравшее в России силу протестное движение докатилось и до Тверской губернии. Историка потрясло требование депутации крестьян о прирезе им земли. В связи с этим он перенес второй болезненный удар. Эхом декабрьского 1905 года восстания в Москве стали начавшиеся волнения в деревнях губернии, которые не обошли и Яринское. Организм Ивана Платоновича, его впечатлительная натура реагировали на это событие новым параличом, на этот раз потерей речи.

Последний взгляд Ивана Платоновича, по свидетельству младшего сына Михаила Ивановича, был устремлен на библиотечную полку, на которой стояли его любимые де-

тища — семь книг об Иннокентии и две книги о Муравьеве-Амурском, а также труды братьев, посвященные М.П. Погдину и роду Шереметевых.

Статский советник И.П. Барсуков, творческий труд которого был отмечен орденами св. Владимира 4-й степени, св. Станислава 2-й степени и св. Анны 3-й степени, 65 лет от рода скончался 14 апреля 1906 года в селе Яринском Калязинского уезда Тверской губернии в окружении Анны Михайловны и детей и был похоронен на местном кладбище.

В историко-литературных кругах Петербурга и Москвы смерть историка и археографа И.П. Барсукова прошла незамеченной. Безмолвие нарушил Николай Платонович, который, несмотря на плохое самочувствие, в память об умершем младшем брате написал и издал в петербургской типографии небольшую статью в виде брошюры «Памяти моего брата Ивана Платоновича Барсукова». Заметим, что она завершила список работ известного историка, вышедших при его жизни. Статья являлась более чем некрологом. Конечно, в ней имелась информация о времени и месте кончины И.П. Барсукова, а также перечислялись его главные труды и приводились о них авторитетные суждения и мнения. Например, профессора И.П. Минаева, считавшего, что книгой о святителе Иннокентии Барсуков «оказал великую услугу не только современной церковной истории или истории русских успехов в области лингвистики и этнографии, но и дал немало ценных данных для объяснения народной истории на далеком азиатском Востоке». Процитировано мнение одного из читателей, который полагал, что книга о графе Муравьеве-Амурском должна быть настольной у государственных людей, поскольку в ней многоцветным бисером нанизаны мудрые афоризмы истинно государственного мужа. Полностью приведен текст представления министра народного просвещения И.Д. Делянова о награждении И.П. Барсукова — потомственного дворянина — орденом св. Владимира 4-й степени за «значительную услугу современной исторической литературе». Николай Платонович подчеркнул, что волею судеб Ивану Барсукову, уроженцу Тамбовской губернии, довелось в продолжении всей своей литературной деятельности писать о великих

мужах Сибири. А закончил статью горестными признаниями: «Последняя служебная деятельность Барсукова, как секретаря и казначея Ксенинского института, совершенно не соответствовала его призванию. Душа его постоянно стремилась в Архив... Умирая, почивший труженик не имел утешения видеть свое семейство устроенным и обеспеченным; это удручало его и, несомненно, сократило дни его...» В этих откровенных горестных словах раскрыт глубокий драматизм жизни и деятельности талантливого русского историка и археографа Ивана Платоновича Барсукова.

В 10-летнюю годовщину кончины И.П. Барсукова его младший сын Михаил Иванович в журнале «Исторический вестник» опубликовал статью «Памяти Ивана Платоновича Барсукова»¹⁵⁴. В ней он причислен к тем «скромным труженикам, которые, не открывая широких горизонтов, шаг за шагом расчищают дорогу великим творцам научной мысли». Выпускник медицинского факультета Московского университета Михаил Иванович Барсуков, напомнив общественности об отце-историке, исполнил свой сыновний долг. Но ему было не под силу оценить его творчество и вклад в отечественную историографию.

Безусловно, историк Барсуков сумел раздвинуть горизонт исторических знаний и широко представить российскому читателю открытую им малоизвестную легендарную планету — Дальний Восток. С глубоким уважением и восхищением он поведал о главных первопроходцах XIX века — святителе Иннокентии и генерале Муравьеве и их соратниках, которые вопреки агрессивным действиям Англии и Франции превратили огромный край, обладающий богатейшими природными ресурсами и уникальной природой, в неотъемлемую часть России, ее восточный стратегический форпост на Тихоокеанском побережье.

7. Вместо эпилога

Несмотря на свое недомогание, Николай Платонович Барсуков с рвением и скрупулезностью продолжал работать над 21-м томом серии книг «Жизнь и труды М.П. Погодина», первая книга которой вышла 18 лет назад (1888 год). Осенью 1906 года, когда книга фактически была закончена, Николая Платоновича поразил инсульт, который уложил его в постель. Заботу о тяжело больном брате полностью взял на себя Александр Платонович.

В письмах Анне Михайловне в Яринское, которую называл сестрой, Александр Платонович подробно рассказывал о состоянии больного брата, его осмотрах и прогнозах врачей. Буквально не отходя от Николая, он окружил его сердечной опекой и постоянным вниманием. Так, он сообщал, что составил график приема братом разных лекарств, наблюдал за температурой тела больного, вел журнал о ходе болезни и о рекомендациях врачей, исписал свыше ста листов. Перед самой смертью Николай Платонович неожиданно показал на рукопись 21-го тома о Погодине и, обращаясь к брату, вдруг выговорил: «Отдай». Последним его желанием было передать рукопись в издательство.

Через полгода после кончины Ивана Платоновича 23 ноября 1906 года ушел в лучший мир и Николай Платонович — патриарх семьи Барсуковых. Ему было 68 лет. Согласно завещанию, Н.П. Барсуков был похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга.

Многие газеты Петербурга и Москвы опубликовали некрологи, посвященные Н.П. Барсукову. Некролог газеты «Московские Ведомости», с которой Н.П. Барсуков много лет сотрудничал, начинался словами: «Не стало самого ревностного труженика в области отечественной истории, одного из известных русских историографов — Николая Платоновича Барсукова»¹⁵⁵. Журнал «Исторический вестник» опубликовал воспоминания о Н.П. Барсукове, авторами которых являлись В.К. Истомин, Б.Б. Глинский, Д.А. Корсаков. Николая Платоновича называли историком-летописцем, подвижником на поприще изучения древней и старой Руси, перечисляли его многочисленные археографические труды. Авторы воспоминаний подчеркивали значительную роль в жизни Н.П. Барсукова П.А. и П.П. Вяземских. Поэт П.А. Вяземский еще при жизни назначил Николая Платоновича «особенным душеприказчиком и издателем своего домочадства». Выполняя волю князя, Николай Платонович отредактировал и выпустил в свет 12 томов полного собрания его сочинений. Он много помогал князю П.П. Вяземскому в деле основания и деятельности Общества любителей древней письменности. Высоко оценивалась многолетняя работа Н.П. Барсукова в Археографической комиссии, где он являлся ведущим специалистом. Среди рукописного и старопечатного материала Николай Платонович чувствовал себя в любимой сфере и весь отдавался разбору и подробному ознакомлению с каждой рукописью. Вместе с академиком А.Ф. Бычковым он составил указатели к 8 томам Полного собрания русских летописей.

Издатель и писатель В.К. Истомин в своих воспоминаниях¹⁵⁶ коснулся истории написания и издания Николаем Платоновичем многотомного сочинения о М.П. Погодине. «Это не биография лица, — считал он, — это нечто совершенно другое, требующее подходящего названия. Биография Погодина превращалась в историю умственного развития России XIX столетия». Когда сочинение приняло неожиданные размеры и поглотило средства, предоставленные женой Погодина, Николай Платонович стал издавать книги, которые выходили каждый год, на свои средства. Ему даже пришлось сдать

в Кабинет Его Величества подаренную ему императором Николаем II драгоценную табакерку и на полученные деньги издать очередную книгу. В.К. Истомин охарактеризовал Николая Платоновича Барсукова как выдающегося по своим дарованиям и необыкновенно трудолюбивого историка, тонкого всестороннего знатока русской литературно-общественной жизни XVIII—XIX столетий. Как член-корреспондент Императорского Общества любителей древней письменности и действительный член Императорского Общества истории и древностей российских Н.П. Барсуков внес существенный вклад в работу исторических обществ. Он дважды удостоивался полной Уваровской премии, которую истратил на издание книг о Погодине. В 1905 году был награжден орденом Анны 1-й степени.

В воспоминаниях заслуженного профессора Казанского университета Д.А. Корсакова давался ответ на важный вопрос: в чем заключались субъективные воззрения Н.П. Барсукова? Основами его мировоззрения, считал он, были: искренняя религиозность в русско-православном духе; преклонение перед народом русского склада, как этот склад создали природа и история; благоговение перед самодержавной властью русского царя. Но это не было ни славянофильской доктриной, ни «теорией официальной народности» эпохи императора Николая I, отличавшейся внешним, казенным патриотизмом. В воспоминаниях подчеркивалось, что мирозерцание Николая Платоновича было почерпнуто не из книг, не из абстрактных умозрительных теорий, не из политических или тем паче житейских практических соображений. Утверждалось, что мировоззрение историка сложилось под влиянием обстоятельств его жизни, а также общественно-политических, историко-литературных явлений, происходивших на Руси в 1860—1880-е годы XIX века. Николай Платонович не принадлежал ни к славянофилам, ни к западническому толку нашего литературно-политического движения. Он был истинно русским человеком в пушкинском значении этого слова¹⁵⁷. В полной мере эти постулаты характеризовали мировоззрение не только Николая Платоновича, но и Александра Платоновича и Ивана Платоновича Барсуковых.

Николай Платонович Барсуков

Историк, публицист, издатель Б.Б. Глинский с особой теплотой вспоминал собрания «Барсуковского кружка», в который входили П.П. Вяземский, С.Д. Шереметев, А.Ф. Бычков, поэт А.Н. Майков, знаменитый мастер устного рассказа И.Ф. Горбунов и другие. Заседания кружка много лет проходили в снимаемой небольшой пятикомнатной квартире Николая и Александра Платоновичей в доме Тура на Большой Морской улице Петербурга, которая напоминала историко-литературный музей. Друзья называли комнату с портретами патриархов России, в которой проходили собрания кружка, «патриаршей палатой». Знакомых и друзей у Николая Платоновича было великое множество, многие из них состояли в переписке с историком, оставившим потомкам огромное эпистолярное наследие. Соратники и друзья писали о Николае Платоновиче о как самобытной, оригинальной личности с выдающимся дарованием и необыкновенным

трудолюбием. Указатель трудов Н.П. Барсукова включает 154 названия историографических, археографических, библиографических и биографических произведений.

Смерть сразу двух братьев сильно отразилась на Александре Платоновиче. Прожив в одной квартире с Николаем 43 года, он потерял не только старшего брата и наставника, но и искреннего, верного, опытного друга, душу любознательного общества, собиравшегося много лет в их квартире. Теперь он остался один, и его жизнь обеднела, потускнела, лишилась многих жизнеутверждающих, оптимистических красок.

В первые два года после кончины Николая Платоновича Александр всецело был озабочен выпуском посмертного 21-го тома «Жизнь и труды М.П. Погодина». Друзья скончавшегося историка обратились к императору с просьбой оказать материальную помощь Александру Платоновичу в подготовке и издании 21-тома. В середине декабря 1906 года было получено известие из Личной канцелярии Николая II, в котором говорилось, что Александру Платоновичу назначено «совершенно негласное пособие в течение трех лет по одной тысяче двести рублей в год в вознаграждение за труды по продолжению издания покойного Вашего брата Николая Барсукова «Жизнь и труды Погодина»¹⁵⁸.

При содействии племянников Зинаиды и Михаила Александр Платонович издал 21-й и 22-й тома сочинения Н.П. Барсукова. Последний том частично был подготовлен на основании выдержек из воспоминаний владельца села Караул Б.Н. Чичерина. Предсмертное пожелание Николая Платоновича удалось исполнить сполна.

Благодаря заботам Александра Платоновича на могиле Николая Платоновича появился памятник, рядом с которым была высажена пихта, присланная из Кускова графом С.Д. Шереметевым. На стороне памятника, обращенной к церкви во имя Воскресения Христова, вырезана надпись: «Подобает тленному сему облещися в нетление и мертвенному сему облещися в бессмертие». На противоположной стороне: «Болезную о тебе, брате мой, красный ми зело (2 кн. Царств)». На лицевой стороне — имя покойника,

Александр Платонович Барсуков

дата рождения (8 ноября 1838 г.) и дата кончины (23 ноября 1906 г.). Слова апостола Павла: «Подвигом добрым подвизахся». На задней стороне: «Блажены чисти сердцем, яко тии Бога узрят»¹⁵⁹.

Следующим важным, хлопотливым делом Александра Платоновича стало сохранение накопленного имущества, состоявшего из рукописей, исторических документов, картин, собранных артефактов и огромного архива. Авторы воспоминаний о старшем Барсукове, являвшиеся в течение многих лет участниками заседаний в «патриаршей палате», тоже выразили озабоченность сохранением этого богатства. В своем духовном завещании, составленном 15 ноября 1913 года, Александр Платонович завещал принадлежавшую ему библиотеку в полном ее составе, в том числе печатные произведения, а также рукописи и все принадлежащие ему разного рода картины, гравюры, литографические произведения, портреты, книжные шкафы и полки для книг, в полную и единственную собственность камергеру Высочайшего двора Сергею Третьевичу Филиппову. Та сумма, которая останется не выплаченной ему при жизни — 9000 рублей — С.Т. Фи-

липпов обязан выплатить его племянникам Михаилу, Сергею и Зинаиде Барсуковым и Евгении Ивановне Вестеник. Оплата этих денег должна производиться ежегодными равными платежами в течение 10 лет по истечении каждого года»¹⁶⁰. Намерение С.Т. Филиппова создать в своем имении своего рода музей Барсуковых осталось не осуществленным по причине гибели имения в горниле революции и Гражданской войны.

В хранящемся в РО РГБ раннем варианте завещания от 21 июня 1913 года¹⁶¹ имеются важные подробности, которые, возможно, Александр Платонович позднее счел не существенными или частично реализованными. Во-первых, предназначенная для племянников сумма первоначально составляла 9700 рублей и включала помимо их «мою любезную невестку» — Анну Михайловну Барсукову. Зная сердечное отношение Александра Платоновича к Анне Михайловне, можно предположить, что 700 рублей он передал ей отдельно. «Помещенные в средней комнате («кафедальной») на самой верхней полке над дверьми 25 переплетенных книг, заключающих в себе архив Коли (его переписка, выписки, заметки и т [ому] подоб [ное], сейчас же после моей смерти передать без всяких формальностей графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву в его полную собственность. Все, что окажется у меня сверх означенных 25 книг, завещаю племяннику Михаилу Ивановичу». «Все иконы и все вещи, сколько-нибудь ценные, прошу племянников и племянниц разделить полюбовно. Все носильное платье мое и белье — долголетним верным слугам Настасье и Марии».

Действительный статский советник — управляющий Гербовым отделом Департамента герольдии Правительствующего Сената — Александр Платонович Барсуков скончался 15 апреля 1914 года и, согласно его завещанию, был похоронен на Смоленском православном кладбище рядом с любимым братом Николаем Платоновичем Барсуковым.

Журнал «Исторический вестник» опубликовал большую статью, посвященную памяти Александра Платоновича Барсукова — «последнему представителю научно-литературной семьи трудолюбивых даровитых Барсуковых»¹⁶². В ней под-

черкивалась его «неотрешимая близость к старшему брату — Николаю Платоновичу», которого нельзя было представить без его сопутствия. Вместе с тем братья представляли собой полную противоположность. «Рядом с «иконописным» Николаем Платоновичем, чудаком и оригиналом, в небрежном костюме выгодно выделялся своей аккуратностью, некоторым, пожалуй, щегольством, корректностью, педантичностью Александр Платонович, носивший на себе как бы некоторый отпечаток светского лоска».

Друзья вспоминали, что невозможно себе представить нераздельно проживших друг с другом в одной квартире 43 года братьев Барсуковых не спорящими. И вместе с тем эти два человека не могли жить друг без друга. Подчеркивалось, что служба в Департаменте герольдии Правительствующего Сената как нельзя более подошла к характеру и вкусам Александра Платоновича. Свою службу он очень любил и многое сделал в геральдике и родословии. К тому же она позволяла ему заниматься научно-литературной деятельностью. Он являлся членом Археографической комиссии и членом-корреспондентом Императорского Общества любителей древней письменности, на заседаниях которого нередко выступал с интересными сообщениями, посвященными обнаруженным документам. Его публикация «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам» и сегодня сохраняет историографическую и источниковедческую ценность.

Свой основной историко-генеалогический труд «Род Шереметевых» после выхода восьмой книги он окончил историей допетровских Шереметевых. Обладая независимым образом мыслей, он не принимал обвинения некоторых критиков «в его излишней угодливости сильным мира сего». На вопрос о причинах отказа от дальнейшего исследования рода Шереметевых Александр Платонович отвечал, что закончил старых Шереметевых, что дальнейшее пусть продолжают более молодые силы, что он устал, что поработал довольно.

Признавалось, что этот труд А. Барсукова не был по достоинству оценен критикой. В этом обширном труде за-

*Удостоверение личности полковника медицинской части
Барсукова Михаила Ивановича. 1943 год*

ключено много ценных архивных материалов, в изложении условий былой русской жизни немало нового и оригинального. Без работ Александра Платоновича трудно обойтись при исследовании нашего исторического прошлого. Почти все его исторические труды связаны с дворянским сословием как «независимым имущественно слоем в служении на пользу общую». Вследствие этого А.П. Барсуков вошел в отечественную историографию историком российского дворянства и его родословия.

После смерти братьев Барсуковых¹⁶³ хранителями традиций семьи, доброй памяти о ней являлись дети Ивана Платоновича Барсукова — Зинаида Ивановна, Евгения Ивановна (Вестенрик), Сергей Иванович и Михаил Иванович и, конечно, Анна Михайловна Барсуковы. Несмотря на революционный тайфун, принесший разгром и разорение в село Яринское, Анне Михайловне удалось сохранить дом, который оставался любимым причалом для ее детей. В РО РГБ имеется удостоверение, выданное Анне Михайловне Барсуковой 17 сентября 1918 года культурно-просветительским отделом Нагорского волостного комитета Калязинского уезда Тверской губернии о постановке на учет библиотеки в селе

Яринском¹⁶⁴. Есть данные, что в 1927—1928 годах, когда Анне Михайловне было 77—78 лет, она хлопотала о назначении ей пенсии, для чего она собирала отзывы о вкладе ее мужа И.П. Барсукова в отечественную историческую науку.

Из детей И.П. и А.М. Барсуковых сохранились сравнительно полные архивные данные о младшем сыне — Михаиле Ивановиче Барсукове (1890—1974). Он руководил санитарными частями ряда фронтов в годы Гражданской войны и интервенции, в 1923—1924 годах оказался на Дальнем Востоке в качестве заведующего отделом здравоохранения Дальревкома, налаживал медицинскую службу в крае. Являлся организатором советского здравоохранения, наркомом здравоохранения Белорусской ССР в 1924—1930 годы. В годы Великой Отечественной войны служил начальником фронтовых эвакуационных пунктов на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Среди его правительственных наград — два ордена Ленина, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной звезды и другие. Доктор медицинских наук, профессор, историк медицины (см. приложение «Михаил Иванович Барсуков. Автобиография»).

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ключевский В.О. Сочинения. Том VIII. М. 1959. С. 354.
- ² Там же. С. 358.
- ³ Там же. Т. I. М. 1956. С. 44.
- ⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 74. Л. 765.
- ⁵ После Октябрьской революции русские ученые-гуманитарии, оказавшиеся в изгнании, позиционировали себя продолжателями дела Императорского Русского исторического общества. Созданное руководством РФ в 2012 году, когда отмечался год истории, Российское историческое общество (РИО) считает себя преемником Императорского Русского исторического общества.
- ⁶ Цит. по: Кудрина Юлия «...К идеалу общего блага // Другие берега. 2013. № 1. С. 9.
- ⁷ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 18. К. 9. Д. 23. Л. 1 об.
- ⁸ Барсуков М.И. Памяти Ивана Платоновича Барсукова. Исторический вестник. 1916. V. С. 479.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 71. Л. 221.
- ¹⁰ Там же. Д. 72. Л. 457.
- ¹¹ Там же.
- ¹² РО РГБ. Ф. 18. К. 9. Д. 25. Л. 1.
- ¹³ Там же. К. 20. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 33 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 24.
- ¹⁶ Там же. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Л. 20.
- ¹⁸ Там же. Л. 22, 24, 25, 32.
- ¹⁹ Там же. Л. 31.
- ²⁰ Там же. Л. 43 об.
- ²¹ Там же. Л. 36.
- ²² РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 226. Л. 70.
- ²³ РО РГБ. Ф. 18. К. 1. Д. 223. Л. 70.
- ²⁴ Там же. Л. 5 об.
- ²⁵ Там же. К. 20. Д. 1. Л. 26.
- ²⁶ Там же. Л. 111.
- ²⁷ Там же. К. 1. Д. 237. Л. 25.
- ²⁸ Митрополит Иннокентий — член Святейшего Синода ежегодно ездил в Петербург на его заседания. — РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 236. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Л. 15.
- ³⁰ Там же. Д. 236. Л. 7.
- ³¹ Творения Иннокентия, митрополита Московского... собраны Иваном Барсуковым. Книга первая. М., 1886. С. V (далее — Творения Иннокентия).
- ³² РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 237. Л. 25 об.
- ³³ Там же. Д. 337. Л. 3—4.
- ³⁴ Там же. Оп. Д. 71. Л. 314 об.
- ³⁵ Барсуков И.П. Иннокентий — митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. Предисловие. С. VII.
- ³⁶ О нем писал Н.П. Барсуков. Епифаний Премудрый (? — 1420), русский писатель, монах. Автор «Жития Стефана Пермского», «Жития Сергия Радонежского»; Стефан Пермский (ок. 1345—1396) — русский миссионер-просветитель в землях Коми, первый епископ Пермской епархии. Составил азбуку языка коми.
- ³⁷ Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. Предисловие. С. VII—VIII.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 71. Л. 300.
- ³⁹ Там же. Л. 352.
- ⁴⁰ Там же. Л. 236.
- ⁴¹ Там же. Л. 522.
- ⁴² Там же. Л. 406.
- ⁴³ Там же. Д. 72. Л. 33.
- ⁴⁴ Там же. Д. 72. Л. 33.
- ⁴⁵ Д. 73. Л. 195 об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 72. Л. 16 об.
- ⁴⁷ РО РГБ. Ф. 18. К. 17. Д. 16. Л. 21—25.
- ⁴⁸ Там же. Л. 24.
- ⁴⁹ Там же. Л. 24 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 25.
- ⁵¹ Там же. К. 27. Д. 9. Л. 2.
- ⁵² См.: РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 350. Л. 2.
- ⁵³ Там же. Д. 72. Л. 230.
- ⁵⁴ Творения Иннокентия Митрополита Московского, Коломенского. В 3-х книгах. СПб. Кн. 1. М. 1886. С. III. (Далее — Кн. 1. Кн. 2. Кн. 3).
- ⁵⁵ Там же. С. IV.
- ⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 73. Л. 152 об.

- ⁵⁷ РО РГБ. Ф. 18. К. 27. Д. 9. Л. 1.
- ⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 72. Л. 553.
- ⁵⁹ Там же. Д. 73. Л. 195 об.
- ⁶⁰ Кн. 1. С. 6.
- ⁶¹ Там же. С. 144.
- ⁶² Там же. С. 243.
- ⁶³ Кн. 2. 1887. С. 45—184.
- ⁶⁴ Там же. С. 414.
- ⁶⁵ Кн. 3. 1888. С. II.
- ⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 73. Л. 249.
- ⁶⁷ РО РГБ. Ф. 18. К. 27. Д. 9. Л. 7.
- ⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 72. Л. 710.
- ⁶⁹ Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. В 3-х книгах. СПб. 1897—1901. Кн. 1 (1828—1855). СПб. 1897. С. III. (Далее — Кн. 1. Кн. 2. Кн. 3).
- ⁷⁰ Кн. 1. С. IV—V.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 234.
- ⁷³ Кн. 2. 1898. С. 19.
- ⁷⁴ Там же. С. 81.
- ⁷⁵ Там же. С. 105.
- ⁷⁶ Там же. С. 95.
- ⁷⁷ Кн. 3. 1901. С. 78.
- ⁷⁸ Там же. С. 76.
- ⁷⁹ Там же. С. 78.
- ⁸⁰ Там же. С. 79.
- ⁸¹ Там же. С. 77.
- ⁸² Там же. С. 328—329.
- ⁸³ Там же. С. 348.
- ⁸⁴ Там же. С. 143.
- ⁸⁵ Там же. С. 287.
- ⁸⁶ Кн. 1. С. 245—246.
- ⁸⁷ Там же. С. 244, 247.
- ⁸⁸ Кн. 2. С. 204.
- ⁸⁹ Там же. С. 155.
- ⁹⁰ Кн. 3. С. 163—164.
- ⁹¹ Кн. 2. С. 202—203.
- ⁹² Кн. 1. С. 236—237.
- ⁹³ Там же. 1 июля 1830 г.
- ⁹⁴ Там же. 18 июня 1851 г.
- ⁹⁵ Там же. (Письмо Поликсене).
- ⁹⁶ Кн. 2. С. 271—272.
- ⁹⁷ Там же. С. 456.
- ⁹⁸ Название Странноприимный — связано с понятием «странник», «странница», по В. Далю, захожий человек с чужбины, ищущий временного приюта, тунейное странничество под предлогом богомолья, скиталец, бездомный, проходимец.
- ⁹⁹ РО РГБ, Ф. 18. К. 9. Д. 32. Л. 9.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Нувахов Б.Ш. Странноприимный дом: традиции российского милосердия XVIII—XX вв. М., 1994. С. 58, 59.
- ¹⁰² РГАЛИ. Ф. 87. Лп. 1. Д. 72. Л. 176.
- ¹⁰³ Там же. Д. 74. Л. 277.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 335.
- ¹⁰⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М. 2001. С. 518.
- ¹⁰⁶ РО РГБ. Ф. 18. Оп. 17. К. 8. Л. 121.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁰⁸ Там же. Оп. 27. К. 9. Л. 4.
- ¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 73. Л. 152.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 75. Л. 341.
- ¹¹¹ Там же. Д. 23. Л. 2.
- ¹¹² Там же. Д. 344. Л. 1.
- ¹¹³ Там же. Д. 75. Л. 654.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 660.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 76. Л. 416.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 43.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 143.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 72.
- ¹¹⁹ РО РГБ. Ф. 18. К. 20. Д. 4. Л. 45.
- ¹²⁰ Там же. Л. 52.
- ¹²¹ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 77. Л. 559.
- ¹²² Там же. Д. 76. Л. 663.
- ¹²³ РО РГБ. Ф. 18. К. 9. Д. 31. Л. 16—17.
- ¹²⁴ Там же. Д. 32. Л. 13.
- ¹²⁵ Барсуков И.П. Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилюйского, а затем Уфимского и Мензелинского. СПб., 1902. С. 142.
- ¹²⁶ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 73. Л. 69.
- ¹²⁷ РО РГБ. Ф. 87. К. 9. Д. 28. Л. 1—2.
- ¹²⁸ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 74. Л. 121.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. Л. 122 об.
- ¹³¹ Там же. Л. 175.
- ¹³² Там же. Л. 178.
- ¹³³ Там же. Л. 532.
- ¹³⁴ Там же. Д. 75. Л. 340.
- ¹³⁵ Там же. Л. 701 об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 715.
- ¹³⁷ РО РГБ. Ф. 18. К. 20. Д. 4. Л. 1.
- ¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 76. Л. 165.
- ¹³⁹ РО РГБ. Ф. 18. К. 19. Д. 2. Л. 43—44.
- ¹⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1146. Оп. 1. Д. 197. Л. 9.
- ¹⁴¹ РО РГБ. Ф. 18. К. 17. Д. 12. Л. 1—2.
- ¹⁴² ГАРФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 686. Л. 1 об.,

Н.И. Дубинина. Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские. Хабаровск, 2014. С. 231.

¹⁴³ РАГФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 197. Л. 8.

¹⁴⁴ РО РГБ. Ф. 18. К. Д. 339. Л. 2—3.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 79а. Л. 710.

¹⁴⁶ Там же. Л. 6, 7, 11, 19, 31.

¹⁴⁷ Там же. Л. 52.

¹⁴⁸ РО РГБ. Ф. 18. К. 20. Д. 7. Л. 5, 39 об.

¹⁴⁹ РО РГБ. Ф. 18. К. 20. Д. 7. Л. 51.

¹⁵⁰ Там же. Л. 6 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 13, 15.

¹⁵² РО РГБ. Ф. 18. К. 9. Д. 32. Л. 16.

¹⁵³ Там же. К. 20. Д. 7. Л. 18.

¹⁵⁴ Барсуков М.И. Памяти Ивана Платоновича Барсукова // Исторический

вестник. 1916. V/С. 479—482.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 101. Л. 6.

¹⁵⁶ Там же. Л. 8—9.

¹⁵⁷ Там же. Л. 44 об.

¹⁵⁸ Там же. Д. 9. Л. 20.

¹⁵⁹ Сидорова А.Б. Архив Н.П. Барсукова (поступления 1981—1984 гг.) // Записки отдела рукописей... М., 1990. С. 72.

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.

¹⁶¹ РО РГБ. Ф. 18. К. 10. К. 49.

¹⁶² РГАЛИ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328. Л. 1.

¹⁶³ Брат Михаил Платонович Барсуков, работавший в таможенном ведомстве, умер в декабре 1901 года.

¹⁶⁴ РО РГБ. Ф. 18. К. 9. Д. 36.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Труды И.П. Барсукова

- Московский митрополит Иннокентий о детском воспитании: (Зап. от 13 февр. 1869 г., опубл. И.П. Барсуковым) // Рус. архив. 1881. Кн. 2. С. 411—420.

- Письма митрополита Филарета к преосвященному Иннокентию Камчатскому, впоследствии митрополиту Московскому / Сообщил Иван Барсуков // Рус. арх. 1881. Кн. 2. С. 24—31.

- Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Синод. тип., 1883. 805 с. разд. паг., 5 л. ил., портр., факс.

- Творения Иннокентия, митрополита Московского / Собр. И. Барсуковым. Кн. 1. М.: Синод. тип., 1886. VI. 311 с.

- Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 2. М., 1887. 494 с.

- Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. 3. М., 1888. XII. 662 с.

- Из бумаг митрополита Иннокентия (по вопросу раскола): Ответы одного православного архиерея // Рус. арх., 1889. Кн. 2. С. 146—153.

- Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: (Материалы для биограф.). Кн. 1. М.: Синод. тип., 1891. 690 с. с разд. паг., 1 л. фронт. (портр.), 1 л. карт.

- Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. [Записки и официальная переписка графа]. М., 1891. 4, 322, VI с.

- Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника евангелия на Алеутских островах / Сост. Е.А. Сысоевой по кн. И. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», с порт. и одной картинкой. СПб., 1892. 92 с.

- О жизни и подвигах Иннокентия, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, впоследствии митрополита Московского / Сост. по кн. И.П. Барсукова. 3-е изд. СПб.: тип. А. Катанского, 1893. 36 с., 1 л. портр.

- 11 a. The life and work of Innocent, the archbishop of Kamchatka, the Kuriles and the Aleutian Islands, and later the metropolitan of Moscow. San Francisco: Cubery & co. printers, 1897. Coverttitle, 23, [1] p.

- “Translated from the Russian and printed for distribution among the people by request of the Most Reverend Bishop Nicolas”.

- О сибирской торговле: Записка. Митрополита Иннокентия, поданная гр. Н.Н. Муравьеву-Амурскому в 1849 году / С предисл. И.П. Барсукова // Рус. арх., 1894. Кн. 1. С. 202—208.

- Наставления к прохождению иноческого жития в женских обителях, преподанные Иннокентием, митрополитом Московским, в письмах к инокине Борисовской Тихвинской пустыни Поликсении. Спб., 1896. 51 с.

- Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Собр. И. Барсуковым. Кн. 1. 1828—1855. Спб.: Синод. тип., 1897. XIV, 480 с, V с.

- Письма Иннокентия... Кн. 2. 1855—1865. Спб., 1898. VI, 496 с.

- Письма Иннокентия... Кн. 3. 1865—1878. Спб., 1901. VI, 398 с.

- Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / С предисл. и послесл. издателя, кн. М.С. Волконского (При участии И.П. Барсукова). Спб., 1901. VIII, 547 с., 1 л. портр.

- То же, 2-е изд., испр. и доп. 1902, VIII, 548 с.

- Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилуйского, а затем Уфимского и Мензелинского. (ум. 8 сент. 1896 г.). Спб.: Синод. тип., 1902. [6], 147, 76 с., 2 л. портр., факс.

- Капитон Иванович Невоструев в письмах к ректору Якутской семинарии Димитрию Васильевичу Хитрову, впоследствии Дионисию, епископу Якутскому и Вилуйскому. (1859—1871) / С предисл. и примеч. И.П. Барсукова. Спб., 1903. [54] с. С автогр. сост.

- То же // Рус. вестн. 1903. № 7. С. 56—73; № 8. С. 497—532.

- Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисл. и прил. издателя, кн. М.С. Волконского (При участии И.П. Барсукова). Спб. 1904. XXXV, 212 с. Парал. текст на фр. яз.

Неоконченные работы

- Князь Григорий Семенович Волконский и письма к нему с предисл. и коммент. И.П. Барсукова.

- Письма поэта-сатирика П.В. Шумахера к И.П. и А.М. Барсуковым (1887—1891 гг.) с предисл. и коммент. И.П. Барсукова.

- Село Яринское Тверской губернии Калязинского уезда, старинная родовая вотчина бояр Ртищевых с 1620 года по настоящее время (по выписям из писцовых книг).

Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. М., 1990. С. 83—84.

2. Договор И.П. Барсукова с М.С. Волконским об издании биографии Н.Н. Муравьева-Амурского (5 апреля 1888 г.)

Я, нижеподписавшийся, титулярный советник И.П. Барсуков, дал сию подписку тайному советнику князю М.С. Волконскому в том, что по соглашению с ним, с князем Волконским, я принял на себя составление биографии покойного графа Н.Н. Муравьева-Амурского на следующих условиях:

1. Биографию обязуюсь я, Барсуков, составить на основании переданных мне князем Волконским извлечений из правитель-

ственных архивов, копий с официальных документов, частных писем, записок и других материалов. Биография должна состоять из двух томов. В первом, объемом от 25 до 30 печатных листов, должен быть помещен текст биографии, а во 2-м, объемом не более 50 листов — том приложения, акты, официальная переписка и прочее, которое признано будет необходимым напечатать в нем.

2. Я, Барсуков, обязуюсь сдать свой текст биографии и том приложений к ней князю Волконскому не позднее 4 сентября 1889 года.

3. Окончательная редакция биографии, составленная мною, Барсуковым, представляется вполне усмотрению князя Волконского. На заглавном листе или в предисловии должно быть упомянуто в том или другом виде по взаимному согласию участие мое, Барсукова, и князя Волконского в составлении и издании биографии графа Муравьева.

4. На обязанности моей, Барсукова, лежит просмотр одной корректуры обоих томов, авторской или редакторской, но я, Барсуков, в случае необходимости могу требовать представление мне из типографии двух корректур каждого листа.

5. Материалы, принятые мною, Барсуковым, по особым четырем отдельным описям от князя Волконского, составляя собственность сего последнего, должны быть возвращены мною в целости по окончании работы, т. е. 4 сентября 1889 года. Я, Барсуков, обязуюсь никому их не передавать и не пользоваться ими для каких-либо иных своих статей в журналах, газетах или для отдельных сочинений по тому же предмету. Точно так же я должен относиться и к тем материалам, которые будут собраны мною из правительственных учреждений. Материалы же, которые будут получены мною от частных лиц под условием возвращения их сим лицам, передаче князю Волконскому не подлежат.

6. В течение работы обязуюсь я, Барсуков, следовать указаниям князя Волконского относительно удлинения или сокращения тех или других частей биографии.

7. За свой труд я, Барсуков, получаю по 50 рублей за текст биографии с каждого листа и по 10-ти рублей с каждого же листа приложений. Расчет со мною князь Волконский произведет по сдаче мною в типографию корректур последних листов как первого, так и второго тома биографии графа Муравьева.

8. Избрание типографии для печатания биографии графа Муравьева представляется исключительно усмотрению князя Волконского.

9. В случае необходимости дополнения материалов, получаемых мною от князя Волконского, новыми справками, изысканными в петербургских архивах, я, Барсуков, обязуюсь принять этот труд на себя. Если почему-либо нельзя мне будет восполнять подобные справки в архивах лично, то князь Волконский изберет

для того другое лицо. Вознаграждение другого лица должно быть определено по нашему общему соглашению и отнесено на счет вознаграждения, следующего мне, Барсукову, в размере до 150 рублей.

С.-Петербург. 5 апреля 1889 года. Подписи — Барсуков. Князь Волконский
РО РГБ Ф. 18. К. 9. Д. 28. Л. 1—2.

3. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский. Письмо Н.Н. Муравьеву (1849 г.)

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь!

Прежде всего считаю долгом сказать: слава Богу и благодарение Царю Небесному и Земному, что Он послал Вас в наш край, а потом засвидетельствовать Вам искреннюю мою благодарность за благорасположение Ваше ко мне, которым я очень дорожу, потому что я сердечно уважаю и люблю Вас. Да продлит Вам Господь жизнь Вашу во всяком здравии для блага многих-многих.

Прибывший ныне из Камчатки бриг Охотск, встретившийся с Вами на Курилах, удивил меня известием, что Ваш корабль-плохоход «Иртыш» 16 числа августа (в 15 дней) только что прошел Курильский пролив. Такое продолжительное плавание (250 миль) невольно заставляет сделать вопрос: нет ли тут других каких-нибудь причин, сверх плохих качеств судна?.. С нетерпением буду ожидать будущей (1850 год) почты с Аяна, чтобы узнать, как кончилось Ваше плавание, были ли Вы в Аяне? Проехали ли по аянской дороге? И т. д.

О себе же скажу, что мы из Камчатки ушли 18-го августа и 11 сентября пришли в Ситху; на пути заходили в Уналашку, что отняло у нас не менее 5 дней. Новостей в Ситхе немного, но довольно интересны. Компания получила золота из Калифорнии до 4 пудов и кроме того купила на золото судно трехмачтовое; впрочем, вероятно, Вы уже изволите знать подробности. По последним сведениям, до нас дошедшим, известно, что на одном из островов наших Прибыловы, гг. китоловы распорядились было промыслять морских котов; и уже приехали на нескольких вельботах со всеми орудиями; но живущие там алеуты и креолы не допустили их. Вероятно, об этом Главный правитель доносит ныне же.

Промыслы у Компании ныне везде очень хороши, а котов морских она ежегодно может получать более 25 т. Несколько тысяч их ныне отправляются вокруг света (и в таком количестве первый раз) в С.-Петербург. Но неизвестно, на какой предмет. Дай Бог, чтобы они имели им сбыт, кроме Кяхты.

При сем честь имею препроводить к Вашему Высокопревосходительству мое маранье — несколько мыслей об улучшении торговли в Северовосточной Сибири, о чем я имел честь говорить с Вами на Камчатке. Подобное дело совсем не мое. Но я русский и притом, смею похвалиться, не последний по любви к отечеству, считаю

за грех не высказать того, что может служить к пользе его. А зная Вас и давая Вам обещание — писать, могу ли я не написать? В этих мыслях не ищите порядка и большой основательности, а тем менее полноты в изложении предмета. Это дело того, кто будет составлять проект, а я только хотел указать на те предметы, которые немногим известны и которые по мнению моему необходимы.

Я бы желал, в случае, если это мое маранье будет стоить того, чтобы его показать кому-либо, чтобы имя марателя было умолчано, если только можно. Я не ишу славы себе, а пользы краю.

Список с этих мыслей я на весну пошлю к одному своему родственнику и другу, бывшему моему некогда благодетелю и в свое время не жалевшему себя для блага родных, и которого я непрестанно любил и уважал за его доброту и многие добрые качества, а именно — Андреяну Петровичу Прянишникову, почетному гражданину Кяхтинскому, который мне пишет, что Ваше Превосходительство изволите знать его. Я пошлю ему потому, что он, кажется, довольно хорошо знает торговые дела. Впрочем скажу, что я эти мысли получил от короткого своего знакомого.

Не знаю, где найдет Вас это мое письмо, посылаемое вкруг света на известном Вашему Высокопревосходительству корабле Ситха. Но все равно, где бы оно не нашло Вас, лишь бы только в полном здравии душевном и телесном.

Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство засвидетельствовать мое искреннее почтение Ее Высокопревосходительству супруге Вашей, Катерине Николаевне; молю Бога, чтобы ее беспримерное путешествие кончилось благополучно.

Закрываю сие письмо мое к Вашему Высокопревосходительству искренним желанием и посильною молитвой. Да поможет Вам Господь Бог устроить край наш, как только можно; и да пошлет Вам добрых и верных помощников, и да хранит Вас Он во всех путях Ваших! Господь с Вами! Прощайте, до свидания!

С искреннею любовью и сердечным желанием всех благ Вам, честь имею быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Иннокентий, Епископ Камчатский
Сентября 30 дня 1849 года, Новоархангельск.

Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. 1828—1855. Книга 1. 1897. С.-Петербург. С. 241—244.

4. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский. Нечто об Амуре (1856 г.) (С купюрами, на что указывают многоточия)

Река Амур, одна из огромнейших рек не только в России, но даже в целом мире, несмотря на то, что она течет в умеренном кли-

мате на протяжении почти пяти тысяч верст и принимает в себя множество рек с обеих сторон... до настоящего времени, и, можно сказать, даже до 1854 года, конечно, по воле Провидения, оставалась в забвении и даже многим из соотечественников наших едва была известна только по имени. Но теперь, когда по ней сплыли два огромнейших рейса, а ныне еще третий, она возбудила внимание многих, а с тем вместе разные толки о ней. Так, например, одни говорят: зачем занимать Амур, когда у нас без того много мест еще незаселенных; другие называют ее неудобной к судоходству, — один из таковых едва ли не с клятвою уверял меня, что он слышал от бывшего на Амуре чиновника, что на нем есть непроходимые пороги. А иные, напротив, особливо из первых основателей заселений на Амуре, желая выхвалить Амур, превозносили его до чрезвычайности, увеличивая все до крайности.

Прошедшая война* доставила случай и мне сплыть по Амуру** и кое-что заметить, слышать и видеть. И с моей стороны было бы недобросовестно не высказать моих замечаний и мнений касательно Амура, и прежде всего тому, кто более всех интересуется и кому более всех необходимо знать об Амуре. Тем более что все мнения и сведения, какие слышим об Амуре, очень не беспристрастны: те и другие слишком иногда увеличивают выгоды и невыгоды, представляемые Амуром, увлекаясь своими видами.

Прежде всего следует указать на цель занятия Амура. Конечно, главная цель есть одна: приобрести во владение наше такую огромную реку и тем яснее определить границу нашу с Китаем. Но цель эта совмещает в себе множество разных целей, частных и общих, отдаленных и ближайших.

Цель занятия Амура русскими: а) отдаленная. Главнейшая и важнейшая из отдаленных целей занятия левого берега реки Амура (о правом я не говорю как о чужом) на всем протяжении его, по мнению моему, есть та, чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России. А это может быть очень в продолжительном времени, потому что число рождающихся против умерших по одним только православным метрическим сведениям ежегодно превышает более пятисот тысяч. А места по Амuru, начиная почти со Стрелочного караула и до самого устья

* Речь идет о Восточной (Крымской) войне 1853—1856 годов. — Н.Д.

** С Шилкинского завода я отправился 17 мая и до Стрелочного караула плыл большею частью вместе с казенными баржами. Потом до Айгуня с канонерскою лодкою, а от Айгуня — один без всякого лоцмана. Со Стрелки отправились мы 23 мая, мимо Айгуня проплыл я 29, в Кизи приплыл 15 июня, а в Николаевск — 19. Всего плавания моего, считая тут и простои из-за ветров и разных причин, кроме ночей, было 406 часов, или 17 суток, немного более чем по реке Лене. — Автор.

Амура, представляются удобными для поселения. Между тем сама река представляет большое и важное удобство для сообщений Сибири с океаном. Эта цель занятия Амура многим (с кем мне случилось об этом говорить) кажется новою и странною, и это от того, что они не совсем знают количество народонаселения, ежегодно у нас нарождающегося и которое при обыкновенных обстоятельствах должно возрастать со временем уже более чем по полумиллиону в год. Притом им кажется, что у нас в России и особенно в Сибири еще премоножество мест, которые можно и должно населять.

Действительно, смотря на карту Сибири и зная число ее народонаселения, нельзя не видеть, что при таком необъятном пространстве оной жителей в ней чрезвычайно мало, и то только около дорог. Но из этого пространства следует отделить всю северную половину и северо-восточную часть даже до Амура — как совершенно неудобные к большому населению по суровости климата, по гористой и каменистой почве и по непроходимым болотам и тундрам. Если здесь даже на самом глубоком севере и есть жители, то они существуют или звероводством, или рыболовством, или хлебом, доставляемым им с величайшими усилиями. Но что это за существование? Северо-восточный же угол Сибири, то есть от Камчатки к северу и северо-западу, только до тех пор будет иметь скитающихся по ледянистым тундрам жителей, пока у них не истребятся олени, доставляющие им и пищу, и одежду, и кров. А когда там не будет оленей, что весьма не невозможно, судя по Гижигинским тунгусам, имевшим некогда бесчисленные стада оленей, а ныне не все имеют их и для переезда, то никакими (*место не разобрано*) не заселить этого края. Потом, с другой стороны, отделите киргизскую степь, Саянский хребет, прибайкальские горы и за Байкалом так называемую Братскую степь, песчаные места около Кяхты и все места, лежащие от большой Забайкальской дороги к северу, и вы увидите, что удобных для заселения в Сибири мест остается не больше четвертой части. Но и из этой части надобно отделить еще места гористые, песчаные, каменистые, лесистые и занятые водой. И вы согласитесь, что Сибирь, кроме еще, быть может, нескольких мест в Тобольской губернии, почти уже вся заселена. За Байкалом у раскольников становится уже тесно, а ежели где и найдутся еще места, удобные к расчистке и разработке, то их надобно оставлять для избытка народонаселения самих сибиряков. Следовательно, поселять в Сибири людей из России почти невозможно.

Много ли и в самой России мест, удобных для заселения и еще не заселенных, особенно таких, которые бы с первого раза представляли удобства для сообщения, — удовлетворительно сказать не могу. Но положим, что и много. Но через 30—40 лет заселятся и там, а потом куда девать избыток? За 200 лет и даже менее, кто мог подумать, что из Германии и Ирландии должны

будут переселяться люди в Америку? Следовательно, занятие Амура, то есть заблаговременно приготовить место для будущих поселений, отнюдь не лишне и не безрассудно. Напротив того, надо это сделать как можно скорее, дабы кто-нибудь из европейцев не предупредил нас. А тогда без ссоры и без войны нельзя уже будет занять Амура*.

б) *Ближайшая цель.* Из ближайших целей занятия Амура есть — снабжение Камчатки и других приморских и заморских наших мест хлебом и другими сибирскими и отчасти русскими произведениями, — снабжение путем удобнейшим, вернейшим и дешевлешим, чем чрез Охотск на Аян и даже чем вокруг света**. Честь России (о других причинах не говорю) не позволяет бросить Камчатку и прочие приморские места, хотя они слишком дорого стоят казне и никогда не в состоянии будут окупать не только всех издержек и пожертвований казны, но даже и одних только пенсий, производимых служившим там. А между тем они не в состоянии прокормить даже своих жителей без подвоза продовольствия из других мест. Не говоря уже об Охотском и Гижигинском округах, в которых решительно никогда не может быть хлебопашества по грубости климата и почвы и по близости моря***. Но даже и в самой Камчатке (где по реке с его имени, точно есть несколько мест, которые при усиленной разработке могут производить хлеб), при всех усилиях и пожертвованиях со стороны правительства хлебопашество не может развиваться в удовлетворительном размере. Жители оной всегда будут в состоянии покупать не только хлеб, но и чай и удовлетворять другие потребности вплоть до роскоши на свои соболи, которые при некоторой предосторожности никогда не переведутся в огромных и пространных хребтах. Хлеб в Камчатке, доставляемый по Амуру, будет стоить вдвое дешевле, а со временем еще дешевле.

О других целях занятия Амура, тоже весьма немаловажных, как то: возможности сбыта произведений Сибири, на первый раз хотя бы сырые кожи, возможности заведения легкого флота, т. е. который бы имел углубления не более 12—14 футов, и прочее — не мое дело говорить. Скажу только, что занятие Амура, даже при небольшом заселении берегов оного, скоро и сильно может развить деятельность в Забайкальском крае.

* Записка сия составлена в 1856 году, то есть за два года до формального присоединения Амурского края, состоявшегося в 1858 году. Ив. Б.

** Что близость моря не благоприятствует хлебопашеству, видно было в нашем бывшем селении Росс в Калифорнии, где едва в 7 лет был удовлетворительный урожай, тогда как в нескольких верстах за горами был всегдашний сам-со-тый урожай. — Автор.

*** Речь идет о ежегодных кругосветных рейсах кораблей Российско-Американской компании. — Н.Д.

Вопросы. Когда обозначена цель занятия Амура, тогда сами собой рождаются многие вопросы, например: а) Удобен ли Амур для судоходства? б) Удобны ли берега его для заселений? в) Где первоначально сделать заселения? г) Кем заселить и заселять и какими способами? и прочие. На последний вопрос отвечать могут только администраторы, знающие политическую и отечественную экономию люди.

А) *Удобен ли Амур для судоходства?* Лучшим ответом на это может быть то, что уже три года по нем сплавляли баржи с большими грузами, сидящими от 2,5 до 4 футов в воде, и, наконец, пароход «Надежда», сидящий до 4,5 футов поднялся вверх не только до начала Амура, но даже по Шилке до Сретенска, находящегося выше Шилкинского завода в 70 верстах. Конечно, баржи и самый пароход сидели на мели. Но это не от недостатка воды, а от незнания фарватера. Грунт в Амуре почти везде или песчанен, или илист; течение в нем самое большое — не более 8 верст в час, а во многих местах — от 5 до 2 верст, в так называемых «щепах». В Хинганском хребте хотя течение самое быстрое и берега каменисты, но для плавания безопасны, тут можно плыть во всякое время. Правда, берега не везде удобны для пристанища. Но во избежание неудобств, могущих быть при этом и во многих случаях, весьма хорошо иметь якоря на всякой барже.

Б) *Удобны ли (левые) берега Амура для заселения?* Все сведения, какие имеются теперь об этом, еще весьма поверхностны, не исключая даже и господ ученых, путешествовавших на Уссури. К сожалению, в настоящее время я имею под рукой только записку одного из означенных путешественников, господина Максимовича*. Всякий, кто только ни проплывал по Амуру, не может не сказать, что на берегах Амура, начиная почти от Стрелки и до Лимана и далее, почти решительно нет места, где бы не мог жить или хлебопашец, или скотовод, или огородник, и даже садовод, или рыбовод, или дровосек. А сколько таких мест, которые с первого взгляда всякому представляют все удобства для заселения со всеми хозяйственными заведениями!

Но при всем том этот вопрос и прежде всех требует основательного и беспристрастного решения. Для этого необходимо послать особую экспедицию из людей специальных, *опытных*, в числе которых должны быть, между прочим, и лучшие и опытные хлебопаш-

* Летом 1855 года паровой катер моряков под руководством адмирала Е.В. Путятина впервые поднялся вверх по Амуру, пройдя путь от Николаевска до Усть-Стрелочного караула. — Н.Д.

** Максимович Карл Иванович (1827—1891) — русский ботаник, исследователь флоры Дальнего Востока и Японии. С лета 1854 года до осени 1856 года жил в Мариинске, изучал Приамурье и Уссурийский край, проплыл по Амуру до Усть-Стрелки. — Н.Д.

цы из крестьян и скотоводы. Экспедиция должна, во-первых, осмотреть весь левый берег, начиная от Албазина до последних хребтов пред Кизи... Во-вторых, указать прямо на места, где хлебопашество может развиваться *быстро* и где — *со временем*, как это сделал г. Максимович в своей записке, относя к первым Уссурийскую долину, в 30 верстах выше устья оной, а к последним — некоторые места на Амуре. Тогда само собою решится второй вопрос, т. е. где прежде всего нужно и удобно сделать заселения... Оба берега Амура, включая китайский, или правильнее сказать — маньчжурский, город Айгунь (Сахалин улахотон) с несколькими близь его лежащими селениями, можно сказать, не заселены и ждут переселенцев. Ибо что значат несколько десятков домиков и шалашей и, по предположению г. Максимовича, 1500—2000 человек, разбросанных по обоим берегам от Айгуна и до последнего хребта пред Кизи? От Стрелки же до Айгуна имеется всего несколько берестяных юрт. От Кизи до устья и по лиману обитающие гиляки и мангунцы своими небольшими селениями могут еще показывать, что берега не пусты, и все население находится большею частью на правой, т. е. не на нашей стороне Амура. Из 100 деревень гольдов, обитающих на пространстве 700 верст, на левом берегу — только 29, по замечанию г. Максимовича.

И все это население, взятое вместе и с городом... может служить одним из первых и важных доказательств тому, что на Амуре климат и воздух не вредны для человека. Г. Максимович в записке говорит, что хотя левый берег Амура низкий и на большое пространство, но это пространство изрыто рукавами реки и большею частью понимается (заливается. — *Н.Д.*) водою, следовательно, все глухие протоки и озера ежегодно освежаются свежее водою...

Весь Амур может быть, по моему мнению, разделен на три главные части, резко отличающиеся одна от другой: первую — от Стрелки почти до устья Зеи, вторую — от Зеи до последних гор пред Кизи, и третью — от сих последних гор до лимана. В первой полосе г. Максимович находит немного мест, годных для поселения (конечно, хлебопашцев). Говоря о полосе листовых лесов, он рекомендует преимущественно только правый берег, а о левом он говорит, что на всем пространстве от Хунгари даже до Сунгари берег представляет широкую низменность, изрезанную множеством маленьких и часто узких рукавов с песчаным или глинистым и илистым грунтом, покрытую лугами, тальниками и подверженную во многих местах на большом пространстве наводнениям. По всему этому берегу он не видал ни одного места, годного для поселения, выключая одного — около хребта Оджал.

Переходя же к описанию средней полосы, он очень рекомендует место для поселения недалеко от Кизи, вверх в верстах 90 или 100, где найден им дикий виноград, который, по словам туземцев,

всегда дозревает... О северной полосе он говорит, что от устья до Михайловского мест, удобных для населения, весьма мало...

Мнение же мое... вот какое. Амур в вершине своей хотя сжат горами так же, как и Шилка, но уже при самом начале своем, то есть у самой Стрелки, представляет на левой стороне место для заселения удобнее и пространнее, чем на самой Стрелке... Но чем ниже по Амуру, тем более и чаще попадаются места для заселения, сначала для двух, трех семейств, а потом — для пяти, десяти и двадцати... А на месте около бывшего Албазина (не говоря уже о самой реке Албазихе, текущей по обширнейшей долине, простирающейся к вершине по горизонт) может существовать уже не одно село. Горы здесь отделились от берега на довольно большое расстояние. А ниже Албазина чем далее, тем еще более и чаще встречаются удобные для заселения места, одни других обширнее и на взгляд лучше. Только в больших изгибах реки около 2-го Китайского караула места потеснее. Но и тут найдутся места для небольших селений. Горы невысокие и покрытые кустарниками и березником и часто отходят от берегов, оставляя обширные низменности. Особенно прекрасное и лучшее из всех, по моему мнению, для заселения хлебопашцев — место пред последними горами, находящимися пред устьем Зеи и подходящими к берегу. Тут, по-видимому, может существовать несколько больших селений, ибо равнина, идущая по берегу верст на 60 или 70, внутрь простирается верст на 15 или 20 и верхними изгибами своими едва ли не доходит она и до самой Зеи. Невысокие горы с прилежащими или отдельными холмами, окружающие сию равнину, покрыты листовым лесом, а на холмах большою частью виден один только березник. А там, где березник, обыкновенно бывает чистый и лучший чернозем. Ранних морозов здесь вообще бояться, кажется, нечего; скорее, хлебопашец может терпеть от засухи. Но травы, растущие по берегам, отчасти доказывают, что и засуха здесь не совсем вредит. Пред устьем Зеи, на подошве последних гор, лежащих от самого устья верстах в 10 или 12, прежде всех должен быть город, и не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амуру может командовать верховьями Амурс и Зеи. По всем вероятностям и по рассказам миссионеров, не на одну сотню верст вверх от устья места способны к заселению и хлебопашеству... Луг, лежащий на Стрелке между Зеею и Амуром и примыкающий к последним горам, представляет богатейшее и обширнейшее место для посева всяких овощей и хлебов и даже для разведения садов. Горы, названные мною «последними», в самом деле могут так называться, потому что от них и до самого Хинганского хребта на берегу Амурс нет гор; по крайней мере, с лодки не видать было... Только с левой стороны реки Буреи видны вдали невысокие горы, а близ устья оной небольшое возвышение. Хинганский хребет с ле-

вой стороны начинается горами сначала отдельными, невысокими и вдали от реки. Чем ближе к «щепам», тем горы становятся выше, круче и подходят ближе к берегу, кое-где раздвигаясь и отходя от берега, пока наконец не станут вдоль реки крутым и высоким хребтом, который, впрочем, весь покрыт лесом всякого рода, в числе коего много кедра. И только изредка они разделяются круто берегами речки. Пройдя таким образом около 60 верст, горы круто отворачиваются в сторону и теряются из вида... Наконец, вблизи последнего поворота реки на восток к Кизи является на левом берегу хребет гор, вдруг начинающийся у берега высокою горою, который, кажется, называется Аджал. И потом горы продолжаютя по обоим берегам уже вплоть до устья Амура, почти не прерываясь, — и то приближаясь к берегу, то отходя иногда довольно на большое пространство, образуя тем обширные луга и озера.

Берег от Кизе до устья по правой стороне весь покрыт горами. Замечательно, что почти во всех тех местах, где горы отходят от берега, находятся озера, имеющие сообщения с рекою и представляющие возможность иметь сообщение с морем. Г. Максимович в своей записке говорит, что он от хребта Аджал до самой Уссури не видел места, годного для поселения... Но это еще несколько не доказывает, что на пространствах сих решительно нет нигде годных мест для поселения. Если нет на самом берегу и подалее от берега, то быть не может, чтобы на подошвах гор, кое-где видимых на горизонте, а также и на подошвах гор, находящихся около Буреи и выше, не нашлось мест, удобных для хлебопашества в таком климате и при такой растительности, какая представляется на расстоянии от Айгуна до хребта Аджал... Но если предположить, что и в самом деле и при подошвах гор не найдется нигде мест, удобных для хлебопашества, чего быть не может, то весь левый берег представляет самые лучшие по сравнению с Якутском места для скотоводства в самых огромных размерах. Луга, понимаемые (заливаемые) ежегодно водою, ручаются, что здесь никогда не может быть неурожая трав, как это случается в Якутске, когда Лена не затопляет низменностей. А что касается до хлеба, то одни хлебопашцы, которые поселятся в первой части Амура, то есть с вершины одного до Зеи и по Зее, могут прокормить хлебом не один миллион народонаселения...

Г. Максимович в записке говорит, что близь устья Амура мест для заселения весьма мало... Между тем местность между Михайловским и Кизи в настоящее время более всех других требует исследования и описания, потому что тут помещены два селения: Богородское и Иркутское. С мнением г. Максимовича я не совсем согласен. Около Николаевска, действительно, весьма мало мест для заселения... Но чем выше от него, тем более сенных покосов и луговых мест, а за 70 верст от Николаевска (в Пальво, где зимовали суда) и далее около озер Ориг и *(в подлиннике оставлен пробел)* столько

трав, что там можно иметь не одну тысячу голов скота. То же можно сказать и о местах, лежащих против новых поселений на левой стороне реки и около их...

Итак, после всего выше сказанного, на первый вопрос, то есть удобны ли Приамурские места для заселений, я могу сказать, что не говоря уже о правом берегу, как не нашем (впрочем, я полагаю, только до предпоследних гор пред Кизе), *левый берег почти весь от вершины до лимана удобен для заселения, сначала до устья Зеи — преимущественно хлебопашцами, оттуда до последнего хребта пред Кизе* — если не хлебопашцами, то скотоводами, а наверное, теми и другими (то же можно сказать — до Кизе) и, наконец, скотоводами — к самому устью Амура. Климат и воздух, как видно на жителях, везде здоров... *Сообщение рекою* летом, как показал уже трехгодичный опыт, безопасно и будет весьма удобно и на баржах, и на пароходах мелкосидящих, когда будут лоцмана из самих жителей-переселенцев... *Леса для построек* найдутся везде... *Дровяного леса*, считая таковым тальник, ивняк и тополь, по всем берегам и островам весьма много. Что же касается до последнего условия для селений, то есть *воды для пищи*, то, несмотря на то, что в Амур впадает множество разных и различных речек, вода в нем хотя и не прозрачна, но безвредна... Между тем у тех селений, кои расположатся при горах, почти везде будут особые ключи, ручьи и речки. Мест для расположения селений, говоря вообще, при самом берегу немало...

В) *Где первоначально сделать заселения?* По мнению моему, надобно заселять только те места, которые впоследствии могут и должны иметь свое значение в отношении или административном, или хозяйственном, или торговом. Первое место, которое должно быть заселено и как можно скорее и прочнее, по мнению моему, есть то, на которое я указывал выше, где и может и должен быть город — то есть пред устьем Зеи. В то же время необходимо сделать заселения пред Хинганским хребтом, пред последними горами пред Кизи, а затем при устье Буреи, на Албазине и около Камарского караула, а также вблизи рек Сунгари и Уссури. В первых трех местах или по крайней мере в двух первых, между прочим, может со временем сосредоточиться управление частями Амура и, следовательно, могут быть города, а в прочих местах или около них может быть разводимое хлебопашество и скотоводство.

Г) *Кем заселять Амур и каким способом?..* Само собою разумеется, что *самая большая часть переселенцев на Амур должна быть из Европейской России, а не из Сибири*. А чтобы заселение Амура было прочно, надежно и достигло возможного благоустройства, надобно, по мнению моему, заселять его так же, как в первые времена была заселена Сибирь... — переселениями почти целых селений в зачет рекрутства и изгнанием нескольких семейств раскольнических за

Байкал. Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие. Для них переменялось почти одно — только место. А общество, то есть их соседи — те же, что были и в России... Если бы Сибирь заселялась так же, как населяется в последнее время одними ссыльными и заезжими с разных концов России гражданами и чиновниками, между коими нет и не может быть почти никакого единства, кроме получения выгод, то какие бы меры ни принимало правительство для благ Сибири... она бы никогда не могла достигнуть настоящего благосостояния*. И потому если населять Амур хотя и не ссыльными (которых, по моему мнению, там не должно быть решительно ни одного: иначе будут неприятности с нашими соседями), но семействами, набираемыми в разных губерниях и селениях. Это население плохо и не быстро пойдет к своей цели — по разномуслию, по различию наречий, обычаев и прочее. А главное потому, что добрый, честный и трудолюбивый крестьянин без особенно сильных причин не скоро захочет переменить место своей родины, оставить своих родных и прочее. Следовательно, здесь без некоторого насилия обойтись будет нельзя. Семейства, которые были посланы в Сибирь на поселение в зачет рекрутства, конечно, оставляя свою родину, плакали и были оплакиваемы. Но эти слезы давным-давно уже иссякли. В пустынях Сибири процветают селения и затем города... До Албазина, на Албазине и далее до Зеи, кажется, первоначально могут поселиться новые забайкальские казаки из бывших подзаводских крестьян. Им это будет сделать и удобнее, и скорее по многим отношениям. На прочие места пока вызывать лучших хлебопашцев из Сибири. Забайкальским раскольникам, говорят, становится тесно: можно дать и какое-либо место или два, но так, чтобы они жили одни. Что же касается до тех мест, где может быть разведено преимущественно скотоводство, туда поселить один улус Забайкальских бурят или лучше — несколько послогов (поселков) якутов, которым со временем тоже будет тесно...

* Которое впрочем пошло уже на спад. Причин тому очень много, из коих суть: переизбыток ссыльных, т. е. безнравственных и привыкших к праздности людей; излишек заезжих чиновников, имеющих в виду одни свои выгоды, чины и пенсии... Много ли можно найти теперь чиновников, имеющих влияние на крестьян... подавали бы собою пример благочестия, набожности, уважение к церкви и пастырям?.. Не напротив ли этого все делается. Главная причина всех зол не только крестьянских и гражданских обществ наших, но и всей России в том, что люди потеряли страх Божий... Есть еще причина, и очень немаловажная: это отнятие у приходских священников власти над своими прихожанами. Ныне никто уже, даже дети не боятся своих пастырей. Теперь для мужиков нет никакой узды, воздерживающей их от пороков. Прежде было не так... Власти нынешние священники, и не только они, но и выше их, не имеют, ибо это не согласно с Духовным Регламентом. — Автор.

Высказав все, что я только мог теперь сказать об Амурском крае, я считаю нужным сказать нечто о местах, занятых нами ныне на Амуре. Начну с Николаевска.

Николаевск стоит не на месте, не только в отношении удобств жизни, но даже и в главном значении своем. Не умею сказать, соответствует ли он всем требованиям в стратегическом отношении. Морские же офицеры говорят, что находящиеся ныне батареи не имеют между собою общей связи, а этому препятствует местность... Относительно удобств жизни Николаевск не представляет почти никаких, кроме изобилия пока дров. Первая потребность для существования человека — воздух долго не может быть постоянно чист, до тех пор, пока окружающие его болота и тундры, на которых он стоит, не иссохнут, а для этого надобно много времени и рук. Вторая потребность — вода, которою пользуются ныне жители Николаевска, берется из залива, не имеющего почти никакого течения; тут берут воду на чай, тут же моют и белье.

Сверх всего этого, главное неудобство, что Николаевск во время нападения неприятеля небезопасен от выстрелов даже обыкновенной артиллерии.

Говоря таким образом о Николаевске, я отнюдь не думаю винить основателей оного. Потому что здесь виноваты не люди, а обстоятельства. Первый основатель искал места, только чтобы поставить зимовье (для наблюдения за входящими судами), — и это место представилось удобным и не для одного этого. А при перенесении Петропавловска на Амур было не до того, чтобы рассматривать и избирать удобства. Но теперь, когда военная буря прекратилась и настает необходимость устроить на Амуре порт и город, надобно обратить на это все внимание. И притом как Николаевск по местности своей ни худ, но он несравненно лучше Охотска, Аяна и даже Ситхи (*не разобрано*). Он может уступить только Петропавловску, и потому переселившиеся из Камчатки на Амур не могут быть довольными Амуром...

Что теперь требуется для упрочения Амура? Требуется, во-первых, чтобы как можно ближе ко входу в него с моря была крепость, порт и город, — если не все вместе, то одно от другого не в дальнем расстоянии... Нынешний Николаевский пост в стратегическом отношении представляет первое, и в сравнении с близлежащими к нему местами лучшее для укрепления Амура место...

Где основать город? Как, с одной стороны, ни прекрасны климат и места по Амуру выше Кизи и как, с другой, ни дурен климат в последней части Амура в сравнении с первым и особенно близ устья, но город должен быть недалеко от устья, и если можно, то при самом порте...

Есть еще место, которое стоит осмотреть, а именно на правом берегу Амура... Тут горы расходятся и представляют довольно ши-

рокую и длинную падь, которая лежит устьем к NW, а вершиною уходит к югу в горы.

Теперь по порядку следует сказать о Кизе или Мариинском poste, на месте ли он стоит. *О Мариинском poste.* Но прежде нежели я буду говорить о Мариинском poste, надобно решить главный вопрос: нужен ли он? Отвечать на этот вопрос удовлетворительно во всех отношениях может только тот, кто знает виды и намерения нашего правительства на этот край. Ибо если правительство захочет, то, так сказать, и самое невозможное сделается возможным; на что при обыкновенном ходе дел потребуются десятки лет, то может устроиться в два, три года. А так как я не знаю таковых видов и намерений правительства, — буду отвечать на него, смотря с обыкновенной точки и принимая во внимание преимущественно мирный, гражданский быт. Принимая во внимание торговлю, какая может развиться на Амуре на первый раз, можно сказать, что Мариинск в настоящее время не нужен для торговли, и даже до тех пор, пока Амурская торговля наша не усилится и не разовьется до больших размеров. А это может быть только тогда, когда Амур будет заселен или когда доставка заграничных товаров по Амуру, по крайней мере во всю Сибирь, будет стоить дешевле, чем доставка с Нижегородской ярмарки. Тогда Мариинск, как ближайшая и гораздо удобнейшая точка сообщения реки Амура с морем, будет необходим...

Нужен ли Мариинск в стратегическом отношении? Если правительство, по своим видам, захочет иметь здесь тяжелый флот и с тем вместе, разумеется, устроить гавань для его судов в Де-Кастри, как говорят, возведением мола между островами: тогда, конечно, Мариинск или какая-либо другая ближайшая к нему точка будут необходимы. Если же правительство ограничится только легким флотом, т. е. судами, сидящими в водах от 12 до 14 футов... то мне кажется, для него не нужен Мариинск, потому что тогда не предвидится надобности ни укреплять, ни устраивать и самое Де-Кастри... Берега здешние не Севастопольские, где неприятель огромным флотом своим мог подкреплять свой десант, так сказать, на каждом шагу его движений. А чтобы обезопасить легкий флот, стоит только укрепить устье Амура; а его надобно укрепить и без того, если мы хотим владеть Амуром. А чтобы обезопасить тяжелый флот, надобно устроить гавань в Де-Кастри, укрепить ее или занять и укрепить Императорскую гавань и провести к ней железную дорогу. Надобно владеть Уссури, а между тем в то же время иметь сильные крепости и в устье Амура; а такие предприятия потребуют страшных, чрезвычайных средств, потому что в то же время надобно заселять Амур.

На вопрос мой — *для чего нам тяжелый флот?* Мне отвечают моряки: для того, чтобы в случае войны с Англией угрожать ее торговле в Тихом океане. Да тогда она даже не посмеет предпринять с

нами войну. Положим так; но это значит употребить огромнейшие средства для того, чтобы быть страшным одному неприятелю и в то же время быть слабее против другого, — или угрожать тому же неприятелю с одной стороны и одним способом, весьма не легким для нас, и в то же время иметь менее возможности противопоставить ему сильнейший отпор с другой стороны. Потому что Англия явно может готовить огромнейший флот, с тем чтобы напасть на нас. Но мы не будем знать, с которой стороны они нападут на нас. Значит, нам надобно быть сильными везде, между прочим, и на Амуре, и в Императорской гавани, до которой доступ для нас с сухого пути требует огромных средств и главное — населения Амурского...

Творения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 2. М., 1887. С. 414—447.

5. Н.Н. Муравьев-Амурский. Причины необходимости занятия устья р. Амурского и той части острова Сахалина, которая ему противолежит, а также левого берега Амурского (1849 г.)

А. Опасение за восточную границу империи

В Сибири давно уже носят слухи о предприятиях англичан на устье р. Амурского и острове Сахалине, и Боже сохрани, если они прежде нас утвердятся! Для вящего и полного обладания торговлею в Китае англичанам неоспоримо нужно устье Амурского и плавание по этой реке. Если бы Амур не была единственная река, текущая из Сибири в Восточный океан, то мы могли бы быть снисходительны к их предприятиям, но плавание по Амурскому, как по единственному удобному пути к Востоку, есть вековая мечта сибиряков всех состояний, может быть, инстинктивная, но тем не менее основательная.

...Могу сказать, что кто будет владеть устьями Амурского, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно: ибо достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь и более населенная и цветущая земледелием и промышленностью оставалась неизменною данницею и подданною той державы, у которой будет этот ключ.

Б. Упрочение и обеспечение владения Камчатским полуостровом

Только имея в руках левый берег Амурского и плавание по оному, может быть установлено сообщение с Камчаткою, могущее обеспечить прочность владения России этим полуостровом: ибо дорога через Якутск и Охотск или Аян не представляет никакого средства ни снабжать Камчатку достаточными военными способами, ни дать ей приличное народонаселение, которое бы само собою под прикрытием крепостей составляло уже силу этой отдаленной области и могло снабжать тамошние войска и флот необходимым про-

довольствием. При учреждении пароходного сообщения по Амуру снабжение Камчатки из Нерчинска людьми и всем, что бы ни потребовалось, может быть делаемое не более как в две недели. Река Амур протекает от наших границ до острова Сахалина с лишком на 2000 верстах и, по имеющимся сведениям, везде судоходна.

В. Поддержание торговли нашей с Китаем

Уменьшение Кяхтинской торговли свидетельствует уже, что предприятия англичан на Китай не могут быть для нас благоприятны. В первые годы после войны это не могло быть для нас заметно: ибо китайцы, руководимые ненавистью к англичанам, предпочитали обращаться к нам — добрым и снисходительным соседям. Но время и материальные пользы смягчают порывы ненависти, умеряют и пламень дружбы, не представляющей существенных выгод. Я считаю единственным средством поддержать торговлю нашу с Китаем — обратить ее из местной в развозную с тем, чтобы, плаывая по р. Амур, доставлять произведения наших мануфактур во все северо-восточные провинции Китая, более отдаленные от настоящего места действий англичан и, следовательно, от пагубного для нашей торговли соперничества их.

Г. Поддержание нашего влияния в Китае (1850 г.)

Английская война и мир в Китае положили основание коренному преобразованию этой многолюдной империи под влиянием англичан. Но мы могли еще надеяться при жизни покойного китайского императора, что он лично, так сказать, оскорбленный ими, не мог быть хорошо к ним расположен и, следовательно, не допускал в своей империи распространения английского влияния. Теперь же со вступлением 18-летнего его сына можно быть уверенным, что англичане поспешат воспользоваться этою благоприятною для них переменою со свойственною для них предприимчивостью, быстротою и настойчивостью, чтобы овладеть не только торговлею, но и политикою Китая. Не могу судить, можем ли мы воспрепятствовать этому, когда пять китайских портов стали не только им доступными, но сделались почти английскими городами; думаю однако ж, что нам надобно по крайней мере обеспечить в своих границах с Китаем в меру внутренних наших крайних потребностей, покуда англичане не сделались там полными властелинами, — и овладеть Амуром. Так же думаю, что нам должно воспользоваться настоящим в Китае событием, чтобы предъявить им наши виды, основанные на общих пользах обоих государств, для которых никто, кроме России и Китая, не должен владеть плаванием по Амуру, и устье этой реки должно быть защищено, конечно, не китайцами.

Иван Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. Хабаровск, 2009. С. 46—48.

6. Н.Н. Муравьев-Амурский. Донесение Его Императорскому Высочеству (9 мая 1858 г.)

Особенные выгоды местоположения Усть-Зейской станицы при слиянии реки Амура с Зеей, одним из значительнейших его притоков, среди довольно густого маньчжурского населения делают этот пункт весьма важным в стратегическом и коммерческом отношениях и представляют все условия быстрого и успешного развития. Вследствие этого я считаю необходимым учредить в этом месте город, а как сопутствующий мне в настоящую мою поездку на Амур высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Амурский, заложил сего 9-го мая в Усть-Зейской станице храм во имя Благовещения Господня, то и полагаю приличным дать новому городу наименование Благовещенска.

Посему имею счастье всепочтительнейше просить Ваше Императорское Высочество, как председателя Амурского комитета, об исходатайствовании Высочайшего Государя Императора соизволения на учреждение города Благовещенска.

Между тем впредь до воспоследования Высочайшего разрешения бывшая Усть-Зейская станица мною уже наименована станицею Благовещенскою.

О последующем по сему предмету Высочайшем повелении я буду иметь счастье ожидать предписания Вашего Императорского Высочества.

Там же. — С. 167—168.

7. Н.Н. Муравьев. Его Императорскому Величеству всеподданнейший рапорт (18 мая 1858 г., Благовещенск на Амуре)

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: «Слава Богу!».

По данному мне Вашим Императорским Величеством уполномочию, я заключил с Амурским главнокомандующим князем И-Шань договор, который имею счастье здесь в подлиннике повергнуть на Высочайшее Вашего Величества воззрение и утверждение.

Там же. С. 169.

8. Из письма Н.Н. Муравьева Е.П. Ковалевскому (21 мая 1858 г., Благовещенск на Амуре)

Вот вам и договор об Амуре, многоуважаемый Егор Петрович; надеюсь, что теперь ничего уже не будет оставаться на ответственности Министерства иностранных дел по Амурскому предприятию,

но, с другой стороны, душевно радуюсь, что в заключении этого договора принимал столь деятельное участие член этого министерства, или, как мы называли Петровского китайцам, член Сената. Искренно и беспристрастно сознаюсь, что присутствие его при переговорах было более чем полезно: оно оказалось необходимым; а Петр Николаевич оказал при этом случае такие дипломатические способности и опытность... Не знаю, поверите ли вы, наконец, и многие другие, что я не увлекаюсь и что я никогда не думал искать здесь военной славы; не знаю, поверите ли вы, что больше всех радуюсь окончанию этого дела я, ибо вижу конец моей заботы, вижу возможность сказать себе: «отзвонил да и с колокольни долой» — но знаю положительно, что теперь мне уже решительно не будет житья и что чем скорее я сойду с колокольни, тем лучше и безопаснее для меня...

Юный мой дипломатический секретарь (Бютцев Е.К. — *Н.Д.*) расскажет вам всё, что видел и слышал о переговорах, а после того, если вы хотите оказать мне знак дружбы вашей, то пошлите его курьером за границу, чтоб он мог там сообщить жене моей об Амуре и увидиться с своей матерью, которая живет за границею.

Теперь я отправляюсь в Николаевск... Обнимая вас от всего сердца, остаюсь искренно вас уважающий и душевно вам преданный.

Там же. С. 172—173.

9. Основание Хабаровского поселения. Из письма Н.Н. Муравьева с Буреи М.С. Корсакову (3 июня 1858 г.)

...Мы шли ужасно долго от сильных противных ветров, которые, вероятно, задержали и прочие все сплавы, — пришли на устье Уссури только 31-го мая. Там я нашел Казакевича. Казаки, славу Богу, здоровы, у них на посту все хорошо; строят дом, магазин, огороды засажены, и времени вообще даром не теряли. Устье Уссури совершенно в глуши, в 4-х верстах от главного русла Амура. Вследствие сего я становлю 13-й батальон весь на Бурее, т. е. на главном русле (Амура. — *И.Б.*), чтобы он мог удобнее во всякое время спускаться и подыматься к устью Амура, а в протоки в мелководье пароходы ходить не могут...

Иван Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1. Хабаровск. 1999. С. 515.

10. Из предписания Н.Н. Муравьева господину военному губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана, контр-адмиралу Казакевичу (15 ноября 1859 г., Благовещенск)

...Необходимым также считаю предупредить ваше превосходительство, что, вследствие недоразумений, возникших на грани-

цах и в Пекине между нами и китайским правительством, я счел нужным предписать вместе с сим по всей Амурской и Уссурийской линиям быть регулярным войскам и казакам в военной готовности и сверх того предписываю майору Дьяченко построить две речные канонирские лодки, которые должны быть вооружены крепостными орудиями, находящимися в станице имени вашего превосходительства; полагаю, что ваше превосходительство признаете нужным указать г. Дьяченко лучший способ в постройке сих лодок, а вместе с тем должен предупредить вас, что из 3-го линейного батальона не следует уже спускать вниз по реке Амуру каких-либо частей, кроме той роты, которая уже находится в Софийске, ибо защите этого батальона принадлежит огромное пространство по р. Уссури и озеру Хинкаю, где казачьи наши поселения надлежащим образом еще не установились. Не излишне также будет впоследствии партиям от сего же батальона войти в сообщение сухим путем с командою, которая будет находиться во Владивостоке...

Иван Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 2. Хабаровск, 2009. С. 281—282.

11. Проект правил об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае, областях Амурской и Приморской (10 апреля 1859 г.)

Для полного обеспечения городских и сельских причтов Приамурского края, чтобы поставить их в независимое положение от прихожан, определить отношение к ним сих последних и доставить духовенству возможность, не озабочиваясь материальными нуждами, стать на высоту духовных учителей, представляется нужным постановить следующие главные правила.

I. По наделу землями

1. Отвести каждому сельскому причту удобной земли под усадьбы, огороды и сенокосы до 80-ти десятин. Но если при одной церкви, по числу прихожан, будет более одного причта, в таком случае на каждый отводить то же количество земли.

2. Обрабатывать земли сии и вообще извлекать из них пользу причты должны собственными силами.

3. Духовенству сельскому предоставляется право пользования выгонами на общем крестьянском положении для Приамурского края, а в городах усадебными местами и выгонами наравне с прочими обывателями.

II. В отношении помещения для духовенства

4. Помещения городским и сельским причтам устраиваются теми способами, какие представляются, именно: от казны, или на цен-

ковные, или на особо пожертвованные суммы, или от прихожан. До того же времени, пока будут устроены помещения, давать причтам приличные дома от прихожан или от казны.

5. Постройка нарочитых для сего домов, как в городах, так и селениях, должна производиться на церковной земле, подле церкви; почему при сооружении церковей должно оставлять достаточное количество земли под усадьбы и огороды священно-церковно-служителей, и эта земля в городах должна заключаться в числе поземельного надела церковных причтов, а в селениях составлять церковную собственность, так чтобы доходы с земли поступали в общие церковные суммы. Это может служить к уменьшению взносов прихожан на церковные нужды.

6. Капитальные исправления сих помещений, происшедшие от времени или чрезвычайных происшествий, производятся на счет прихожан порядком нижеозначенным, а мелочные поправки лежат на обязанности лиц, пользующихся домами.

7. Отопление помещений, назначенных для жительства церковных причтов, производится от прихожан в мере действительной надобности, по числу печей.

8. Само собою разумеется, что если священно-церковно-служители будут жить в своих домах, то устроенные для них при церквях дома и проч. отдаются в наем, и доходы с оных обращаются уже в пользу церковных доходов.

9. Священно-церковно-служители должны содержать назначенные для них помещения в полной исправности.

III. Другие пособия от прихожан духовенству

10. Оказывается денежное пособие от прихода, сверх жалованья из казны, в городах: протоиереям от 450 до 500 р. (рублей. — *Н.Д.*), священникам от 300 до 350 р., протодьякону кафедрального собора по 250 р., дьяконам от 150 до 175 р., дьячкам по 100 р., пономарям по 70 р. и просвирне по 40 р. в год; а в селениях, где причты будут иметь возможность пользоваться землями и где расходы менее городских, производить: священникам — от 200 до 250 р., дьякону, если прихожане пожелают его иметь, по 400 р. (потому что от казны им жалованья не положено), дьячку от 85 до 100 р., пономарям от 60 до 70 р., и просвирне от 30 до 35 р.

11. Пособие сие раскладывается на всех прихожан без различия сословия; в селениях вместо денег оно может быть вносимо хлебом. Но как все таковые пособия в селениях и городах, кроме Николаевска (Приморской области), не могут быть производимы ныне, по малолюдству края, который еще только заселяется, то впредь до времени, когда население достаточно увеличится, производить от казны хлебное довольствие: протоиереям по 100 пуд. (пудов. — *Н.Д.*), священникам и протодьякону по 60 пуд., дьяконам по

40 пуд., причетникам по 30 пуд., просвирям по 15 пуд. ржаной муки в год. Кроме того, давать прислугу протоиереям и священникам, а из дьяконов тем, кои будут заниматься обучением детей прихожан грамоте, и не воспрещать приема от прихожан добровольных вознаграждений за исправление треб.

12. Основанием раскладки пособий деньгами и хлебом, когда они по увеличению населения будут признаны возможными для обеспечения церковных причтов, может служить в городах для чиновников и служащих нижних чинов содержание, получаемое ими; для городского сословия — объявляемые капиталы, а для сельских обывателей — подесятинный сбор хлеба, так чтобы вычеты были достаточны для поименованного выше обеспечения духовенства, а впоследствии и покрывали с избытком все церковные расходы.

13. В потребных случаях прихожане должны давать обывательскую подводу священнику, напр. когда он призывается для исполнения треб в места, отстоящие от города далее 5-ти верст.

IV. Отношение прихожан к церквям и часовням

14. Отношение оных производится на счет прихожан в мере действительной необходимости, и для облегчения этой повинности не лишнее было бы отводить церквям, там, где возможно, независимо от поземельного надела, особые лесные участки, в коих рубка дров должна производиться правильными лесосеками, без истребления лесной дачи. (! Очевидно, опечатка — дичи. — *Н.Д.*).

15. Освещение церквей и часовен и другие расходы по церкви удовлетворяются из свечного и кружечного сборов.

16. Трапезники и сторожа в церкви и часовне наряжаются от прихожан натурою или наймом.

17. Кроме того, избираются приходскими общинами церковные старосты и члены советов приходских, о коих сказано будет ниже.

V. Отношение причтов к прихожанам

18. За всеми объясненными выше пособиями, когда они будут производиться, священно-церковно-служители не имеют права принимать от прихожан вознаграждение за исполнение какой бы то ни было духовной требы, кроме молебнов, панихид и поднятия св. икон на дом.

19. В этих трех последних случаях, т.е. за молебны, панихиды и поднятия святых икон на дома, прихожане обязываются вознаграждением призываемых для исполнения сего священно-церковно-служителей в той мере, какая определена будет.

20. Священно-служители, будучи вполне обеспечены в материальном отношении, обязаны всемерно стараться о духовном просвещении своей паствы и вообще о рапространении грамотно-

сти в приходах, особенно сельских, для чего устраивают школы при церквях, принимая на себя обучение приходящих в эти школы.

VI. О советах приходских

21. Попечение об удовлетворении всех изложенных нужд приходских церквей и состоящих при них причтов лежит на обязанности советов прихожан, кои всемерно должны пешись о полном обеспечении содержания священно-церковно-служителей, дабы они не могли терпеть от какого-либо существенного недостатка.

22. Советы приходские составляются из священно-служителей той церкви, при которой состоят и которые суть неперменные члены оных, и следующих лиц: в городах из представителей от всех сословий и званий, не исключая ремесленников, по одному из каждого, из церковного старосты и особого почетного попечителя, если на звание таково изъявит кто желание, со взносом в пользу церковных доходов определенной для сего суммы; а в сельских (или в станичных) приходах — из местных сельских начальников, церковных старост и представителей от окрестных селений, приписанных к приходам.

23. Все сии лица избираются прихожанами установленным порядком и на известный срок.

24. Председательство в советах приходов городских церквей принадлежит тому, кто будет для сего членами совета избран, а в селениях приходскому священнику.

25. Советы сии собираются в городских приходах по мере надобности три или четыре раза в год, а в селениях — дважды в год: осенью по окончании полевых работ и весною пред началом сих работ.

26. Священники представляют совету о церковных и своих нуждах, но в рассуждении об удовлетворении последних не участвуют.

27. Удовлетворение всех означенных нужд церквей и причтов, при них состоящих, как то: отопление, устройство помещений, капитальные исправления оных, доставление прислуги, раскладка денежного пособия, количество оно и проч., зависит от усмотрения советов приходских и производится теми способами, какие они признают для сего наиболее удобными.

28. По каждому таковому собранию совета составляются протоколы, а в сельских приходах приговоры, которые приводятся в исполнении тем порядком, какой для сего установлен будет, и обязательны для всех прихожан.

29. Владение и распоряжение церковными доходами и расходами, не исключая свечного и кружечного сборов, принадлежит к числу главнейших обязанностей советов приходских, которые обязываются в сем случае надлежащею отчетностью.

30. Кроме того, на них возлагается попечение о призрении бедных прихода, погребении неимущих умерших, устройстве участи бесприютных сирот, распространении грамотности и религиозного образования между прихожанами, устройстве кладбищ, примирительное разбирательство всех тех, кто обратится к суду совета приходского, и рассмотрение случаев по нарушению правила о безвозмездном исполнении причтами духовных треб, о коих, если окажется нужным, доводится до сведения епархиального начальства.

Там же. С. 254—258.

12. Записка Н.Н. Муравьева «О разделении Восточной Сибири» (22 февраля 1860 г.)

Восточная Сибирь составляет самую обширную область Российской империи, и объем ее значительно увеличился в последнее время при распространении пределов наших к юго-востоку. При огромных пространствах, на которых размещено народонаселение Восточной Сибири, при несовершенстве в ней путей сообщения, при разнообразии и многосложности интересов, представляемых каждою отдельною частью этой обширной страны, — управление ею одним лицом, как то было до сих пор, стало уже теперь до крайности затруднительным, требующим от главного в крае начальника чрезвычайных физических усилий, здоровья необыкновенного, непомерной деятельности и такого разнообразия сведений, которого нельзя предполагать в одном лице. В будущем же эти затруднения необходимо должны с каждым годом увеличиваться до такой степени, что возлагать управление всем этим краем на одно лицо — значит требовать невозможного от человека.

В этом убедил меня долговременный опыт — двенадцатилетнее мое управление Восточной Сибирью. По моему мнению, самый простой и удобнейший в разных отношениях способ уничтожить это затруднение состоит в том, чтобы распределить управление этим краем между несколькими главными начальниками и тем дать каждому из них меньший круг деятельности и возможность вполне добросовестно исполнять возложенные на него обязанности. По зрелом соображении я считаю, что в настоящее время можно ограничиться следующим:

1. Изъяв Приморскую область из-под ведения Главного управления и генерал-губернаторства Восточной Сибири, оставить ее под управлением местного военного губернатора, которому даровать все права генерал-губернатора, не изменяя в настоящее время, впрочем, ничего во внутреннем управлении этой области и разделение ее на округа. Военному губернатору Приморской области быть с тем вместе главным командиром портов и флотилии Восточного океана, с правами, которые были в прежнее время предоставлены

главному командиру Черноморского флота. Военному же губернатору этой области иметь командование над всеми сухопутными войсками, в этой области расположенными. Ему же должны быть поручены политические сношения с Японией, на тех же основаниях, как ныне они предоставлены генерал-губернатору Восточной Сибири. Военному губернатору Приморской области находиться в сношениях: по управлению краем — с Сибирским комитетом, по политическим и пограничным сношениям с Японией — с Министерством иностранных дел, по командованию сухопутными войсками — с министерством военным, а по обязанностям главного командира портов и флотилии — состоять в непосредственном подчинении Его Высочества, генерал-адмирала.

2. Губерния Иркутская, области: Забайкальская, Амурская и Якутская и Кяхтинское градоначальство — остаются под начальством Главного управления и генерал-губернатора Восточной Сибири, которому находиться в сношениях: по управлению краем — только с Сибирским комитетом, по командованию войсками — с военным министерством; по пограничным и политическим сношениям с Китаем, остающимся в его лишь ведении — с министром иностранных дел.

3. Енисейскую губернию передать под ведение Главного управления и генерал-губернатора Западной Сибири, на том же основании, как она ныне находится в Восточной Сибири; на это генерал Гасфорд (в то время генерал-губернатор Западной Сибири), при свидании со мною, не изъявлял никакого препятствия.

Сами по себе все эти новые учреждения и изменения не повлекут за собой никаких новых издержек; но предстоящее увеличение флота на Восточном океане и устройство там портов необходимо потребуют некоторого усиления в управлении главного командира, а в особенности назначения к нему начальника штаба в высшем чине и с увеличенным противу нынешнего содержанием. Впрочем, издержки эти вознаграждаются посредством упразднения Морского штаба, в Иркутске ныне находящегося, и перемещением из Иркутска в Николаевск других учреждений Морского ведомства.

Значительное распространение золотопромышленности в Восточной Сибири и еще большее ее развитие там в будущем — не дозволяют уменьшить состав Горного отделения, ныне существующего при Главном управлении Восточной Сибири, несмотря даже на отделение Енисейской губернии. Для управления этой частью в Западной Сибири, при предполагаемом присоединении Енисейской губернии, полезно было бы учредить при тамошнем Главном Управлении один стол в ведении члена Совета, иначе придется передать дела по золотопромышленности Енисейской губернии в заведывание Алтайского горного правления. Издержки по этому

предмету относятся на особый сбор, по частной золотопромышленности взимаемый.

Одиннадцать лет я готовил для высших назначений в Сибири Восточной генерал-майора Карсакова и контр-адмирала Казакевича. Первый из них, военный губернатор Забайкальской области, в отсутствие моем ныне председательствует в Совете Главного управления Восточной Сибири и командует войсками, в этой части империи расположенными; а второй — четыре года уже военным губернатором Приморской области и командиром портов Восточного океана. По приобретенной ими опытности в административном деле, по знакомству их с нуждами, потребностями и интересами Восточной Сибири, по отличным способностям и высокой их благонамеренности — оба этих лица удовлетворят назначение быть главными начальниками в соответственных им частях Восточной Сибири, если Вашему Величеству будет это благоугодно.

Иван Барсуков. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1. Репр. изд. Хабаровск. 1999. С. 580—582.

13. Михаил Иванович Барсуков. Автобиография

Барсуков Михаил Иванович (11(23) января 1890 г., Москва), один из первых организаторов советского здравоохранения, доктор медицинских наук (1951), профессор (1952 г.), член КПСС с марта 1917 года. С юных лет принимал активное участие в революционном движении, будучи членом социал-демократической организации рабочей и учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП(б) (1905—1908). Окончил медицинский факультет Московского университета в 1914 году.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции руководил Медико-санитарным отделом Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в задачи которого входило не только оказание медицинской помощи больным и раненым красногвардейцам, но и объединение всего медицинского дела в стране путем создания высшего медицинского центра. Работа велась под непосредственным руководством В.И. Ленина. С 4.XII.1917 Барсуков — председатель коллегии Главного военно-санитарного управления. Одновременно принимал участие в создании Совета врачебных коллегий в качестве заместителя председателя, а также был председателем Комитета по реорганизации Российского общества Красного Креста (1918). Барсуков — организатор Всероссийского Федеративного союза медицинских работников (1917), будущего союза Всемицинсантруд.

В годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1920) Барсуков организует и руководит Санитарной частью

Восточного фронта, а затем начальник Санитарной части Южного и Юго-западного фронтов и Западного военного округа. На фронтах Барсуковым проделана большая работа: на Восточном фронте он разрабатывает положение о фронтовой санитарной службе и впервые создает санитарное просвещение, на Южном фронте реорганизует лечебно-эвакуационную службу — вводит систему фронтовых армейских и дивизионных заградителей-распределителей, которая в дальнейшем была принята во всей Красной Армии, создает трудовые санатории для долечивания больных и раненых красноармейцев. В 1920 году, будучи начальником Санитарной части Юго-западного фронта, Барсуков возглавил созданную приказом Украинского ревкома Всеукраинскую комиссию по охране здоровья, которая предшествовала созданию Наркомздрава УССР. В 1921—1922 годах Барсуков — член Райбюро городского райкома РКП(б) в Москве и член ЦК союза Медсантруд. В 1923—1924 годах Барсуков заведует Дальневосточным отделом здравоохранения, особое внимание уделяет курортному делу: им организованы курорты Угдан и Кульдур. В 1924—1930 годы Барсуков — народный комиссар здравоохранения в Белорусской ССР и руководитель кафедры социальной гигиены в Минске. При Наркомздраве БССР организует институт социальной гигиены. В 1930 году Барсуков переходит на работу в Госплан СССР, где принимает участие в создании сектора здравоохранения Госплана, которым и руководит до 1939 года. Сектор разрабатывает планы второй и третьей пятилеток здравоохранения. По инициативе Барсукова Госпланом СССР в мае 1932 года созывается первая Всесоюзная конференция по планированию здравоохранения и рабочего отдыха, в которой приняло участие большое число делегатов, среди которых и такие крупные ученые, как А.А. Богомолец, А.Ф. Иоффе, П.П. Лазарев. В 1940—1941 годах он работал в Медгизе (Медицинское государственное издательство) ответственным редактором отдела научно-исследовательской литературы.

В годы Великой Отечественной войны Барсуков становится начальником фронтовых эвакуационных пунктов на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах. При Министерстве обороны СССР участвует в создании военно-медицинского музея. С 1945 года он трудится во Всесоюзном научно-исследовательском институте социальной гигиены и организации здравоохранения имени Н.А. Семашко, руководит отделом истории советского здравоохранения. С 1963 года и по настоящее время после получения персональной пенсии всесоюзного значения является профессором-консультантом.

Барсуков много работал по общественной линии: один из первых организаторов научного общества историков медицины (1946), председателем правления которого является по настоящее время,

член Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, член президиума Совета научных медицинских обществ Министерства здравоохранения СССР, член Высшей Аттестационной комиссии высшего и среднего профессионального образования СССР. Барсуков был делегатом III Всероссийского съезда Советов (1918), принимал участие во многих партийных, научных, общественных и профессиональных съездах, а также в таких международных форумах, как Международный конгресс по социальной гигиене в Париже (1928), XVIII Международный конгресс по истории медицины в Польше (1962), участвовал в работе Первой Чехословацкой конференции по истории естествознания, биологии, медицины и техники в Праге (1960). Барсуков провел в Чехословакии и Болгарии ряд научных конференций по вопросам теории и истории советской медицины. Он является почетным членом Чехословацкого медицинского общества имени А.Е. Пуркине.

Барсукову принадлежит более 100 исследований по теории и истории советского здравоохранения, военной медицине и истории Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Положительная оценка этих трудов была дана Н.А. Семашко, а также в статье ряда советских и зарубежных специализированных журналов.

Среди правительственных наград Барсукова — два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны I-й степени, орден Красной Звезды, орден «Знак Почета», пять медалей, Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР.

Сочинения. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения. М., 1951. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР. М., 1955. Гражданская война и организация медицинского обеспечения Красной Армии (1918—1920). Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2. М., 1947. С. 195—231. Очерки истории здравоохранения СССР. М., 1957 (введение, главы 1, 2, 3 и общая редакция). Очерки историографии советского здравоохранения. М., 1965 (введение и общая редакция).

Источники. Материалы к научной биографии В.И. Ленина. Вопросы истории КПСС. 1960, т. V. С. 135. Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1967. Идельчик Х. Михаил Иванович Барсуков. В книге «Врачи большевики — строители советского здравоохранения». М., 1970.

12 сентября 1972 г.

Имеется автограф М.И. Барсукова.

ОР РГБ Ф. 18. К. 9. Д. 74. Л. 56—59.

АЛФАВИТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аксаков И.С., публицист, общественный деятель, 15, 80.

Аксаков Н.С., публицист, общественный деятель, 15.

Александр I Павлович (1777–1825), российский император с 1801 г., 33, 167.

Александр II Николаевич (1818–1881), российский император с 1855 г., 28, 65, 69, 70, 80, 81, 86, 93, 99, 112, 203, 204, 212, 214, 218, 219, 221, 223, 232, 234.

Александр III Александрович (1845–1894), российский император с 1881 г., 25, 27, 28, 50, 106, 132, 134, 149, 247.

Алексий, епископ Дмитриевский, 44, 107.

Аляповский Василий, предок рода Муравьевых, 166.

Амвросий, епископ Дмитриевский, 42, 48, 49.

Анненков П.В., русский литературный критик, мемуарист, 16.

Анучин Д.Н., основоположник антропологии в России, 25.

Ахте Н.Х (Агте), офицер Генерального штаба, начальник правительственной экспедиции в Забайкалье в 1845–1852 гг., 228.

Б

Барсуков Александр Иванович (Саша, Сашка, Сашура) (1869–1904), сын Ивана Платоновича Барсукова, 36, 40, 42, 140, 142, 146, 260.

Барсуков Александр Платонович (Саша, Александр) (1839–1914), историк русского дворянства, археограф, управляющий Гербовым отделом Департамента герольдии Сената. Брат Барсукова Ивана Платоновича, 5, 10, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 54, 96, 128, 135, 139, 163, 264, 267, 268, 269, 270, 271.

Барсуков Борис Иванович (1878–1900), сын Барсукова Ивана Платоновича, 40, 142, 259, 260.

Барсуков Михаил Иванович (1890–1974), младший сын Барсукова Ивана Платоновича, организатор советского здравоохранения, активный участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., 30, 139, 142, 263, 268, 270, 273.

Барсуков Михаил Платонович (1843–1901), брат Барсукова Ивана Платоновича, служил в таможенном ведомстве Московской складской таможни, 32, 259.

Барсуков Николай Платонович (Коля, Николай) (1838–1906), старший брат Барсукова Ивана Платоновича, историк, археограф, 5, 10, 29, 31, 32, 33, 38, 40, 44, 45, 46, 48, 54, 96, 128, 135, 138, 143, 144, 150, 151, 162, 262, 264, 267.

Барсуков Платон Александрович (1813–1885), отец Ивана Платоновича Барсукова, 29, 31, 32, 33, 36.

Барсуков Сергей Иванович (1884–1939), сын Барсукова Ивана Платоновича, 139, 142, 259, 270.

- Барсукова (Бартенева) Апполинария Ивановна, первая супруга Барсукова Платона Александровича, 30, 32.
- Барсукова (Карташева) Варвара Герасимовна, вторая супруга Барсукова Платона Александровича, 32.
- Барсукова (Ртищева) Анна Михайловна (Нина, Анюта) (1850—?), супруга Барсукова Ивана Платоновича 10, 35, 36, 38, 46, 136, 139, 140, 141, 142, 157, 257, 258, 270, 272, 273.
- Барсукова Евгения Ивановна, дочь Барсукова И.П. См. Вестенрик Е.И.
- Барсукова Зинаида Ивановна (1873—?), дочь Барсукова Ивана Платоновича, 40, 139, 142, 258, 268, 270.
- Бартенев П.И., основатель и редактор журнала «Русский архив», по материнской линии родной дядя братьев Барсуковых, 45.
- Беллинсгаузен Ф.Ф., мореплаватель, адмирал, открыл Антарктиду, 28.
- Бенардаки Д.Е., владелец золотых приисков в Сибири, 184.
- Бестужев-Рюмин К.Н., русский историк, академик, 25.
- Бибиков А.И., чиновник, 183.
- Боголюбский Андрей Владимирович, Владимиро-суздальский князь, 254.
- Боголюбский М.С., протоиерей, церковный цензор, 49.
- Бошняк Н.К., лейтенант, основал Александровский пост, открыл Императорскую (Советскую) гавань, 192.
- Будогосский К.Ф., топограф, участник заключения договоров по разграничению между Россией и Китаем, 209, 234, 235.
- Буссе Н.В., военный губернатор Амурской области, 192, 203.
- Бутков В.П., управляющий делами Сибирского комитета, 243.
- Бычков А.Ф., историк, археограф, академик, 23, 25, 33, 54, 267.
- Бэр К.М., один из основателей ИРГО, 20.
- Бютцев Е.К., чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве-Амурском, 233, 234.

В

- Васильчиков П.А., князь, 256.
- Вениамин (Багрянский), архиепископ Иркутский (1789—1814), в память о нем будущему святителю Иннокентию в духовной семинарии дана фамилия Вениаминов, 52.
- Вениаминов Гавриил Иванович (Геня), (1825—1880) сын святителя Иннокентия, первый священник и миссионер на Амуре, 41, 44, 69, 76, 79, 84, 93, 95, 117, 119, 120, 123, 192.
- Вениаминов Евсей Гаврилович, внук святителя Иннокентия, 44, 111.
- Вениаминов Иннокентий Иванович, старший сын святителя Иннокентия, 120, 122.
- Вениаминов Иоанн Гаврилович, внук святителя Иннокентия, 44, 52, 69, 96, 106, 111, 137.
- Вениаминова Екатерина Ивановна, супруга Вениаминова Гавриила Ивановича, 44, 45.
- Вениаминова (Шарина) Екатерина Ивановна, супруга святителя Иннокентия, 56, 64.

Вениаминова Ефросиния Ивановна (Фекла, Кушенька), младшая дочь святителя Иннокентия, 62, 120, 121.

Вениаминова (Петелина) Екатерина Ивановна, дочь святителя Иннокентия, 57, 120, 121.

Вениаминова Ольга Ивановна, дочь святителя Иннокентия, 120.

Вениаминова Прасковья Ивановна (монахиня Поликсена), дочь святителя Иннокентия, 120, 122.

Венюков М.И. (1832–1901), генерал-майор, историк, исследователь Приамурья, 149, 222.

Вестенрик (Барсукова) Евгения Ивановна (1875–?), дочь Барсукова Ивана Платоновича, 40, 139, 142, 258, 270.

Витте С.Ю., граф, русский государственный деятель, министр финансов, председатель Совета министров в 1905–1906 гг., 260.

Волконская (Раевская) Мария Николаевна (1805–1863), княгиня, супруга С.Г. Волконского, 148, 180.

Волконский А.М., князь, 256.

Волконский Михаил Сергеевич (1832–1909), князь, сын декабриста С.Г. Волконского, в 1849–1856 гг. — чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири, впоследствии товарищ министра народного просвещения, член Государственного Совета, 10, 106, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 159, 162, 164, 183, 201, 202, 203, 226, 255. Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865), декабрист, князь. С 1826 г. — в Нерчинских рудниках, с 1825 г. — на поселении в Иркутской области, 148.

Вяземский Петр Андреевич, князь, русский поэт, литературный критик, 25, 128, 265.

Вяземский П.П., князь, общественный деятель, 26, 33, 44, 111, 267.

Г

Гавриил, священник. См. Вениаминов Гавриил Иванович.

Гашкевич И.А., российский консул в Японии, 237.

Георгий Александрович, великий князь, 132.

Гладких Татьяна Иннокентьевна, журналист, писатель, 10.

Глебова Е.В., редактор журнала «Словесница искусств», 11.

Глинский Б.Б., историк, публицист, издатель, 265.

Головин Евгений Александрович, генерал-адъютант, командующий Отдельным Кавказским корпусом, управляющий гражданской администрацией на Кавказе, 169, 170, 171.

Гондатти Н.Л. (1860–1946), шталмейстер, исследователь Анадыря, генерал-губернатор Приамурского края (1911–1917), с 1918 г. жил в Харбине, 22.

Гончаров Иван Александрович (1812–1891), русский писатель, 41, 199.

Горбунов И.Ф. (1831–1895), артист Малого (Александринского) театра, импровизатор, писатель, 133, 267.

Горский А.В., ректор Московской духовной академии, 252.

Горчаков А.М. (1798–1883), князь, дипломат, министр иностранных дел, 230, 237, 238.

Грановский Т.М., русский историк, общественный деятель, 16.
Гродеков Н.И. (1843–1913), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Приамурского края (1898–1902), затем Туркестанского края, член Государственного совета, 21, 219.
Громов Прокопий Васильевич (1801–1880), протоиерей, церковный историк, в 1831–1846 гг. – настоятель Петропавловского собора на Камчатке, протоиерей Спасской церкви Иркутска, духовник Н.Н. Муравьева-Амурского, 51, 74.
Гурий, архимандрит, миссионер Русской духовной миссии в Пекине, 114.

Д

Данилевский Н.Я., социолог, культуролог, 19.
Данилова Л.Ю., заведующая отделом ДГНБ, 11.
Дашков В.А., директор Румянцевского музея в Москве, 53.
Делянов И.Д., министр народного просвещения, 262.
Дёлер Е.С. (Шереметева), баронесса, 44, 64, 76, 120.
Дионисий. См. Хитров.
Долгоруков В.А., князь, генерал-губернатор Москвы, 105.
Дубинина Мария Анатольевна, кандидат политических наук, 11.
Духовской Сергей Михайлович, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Приамурского края в 1893–1898 гг., 219.
Дьяченко Яков Васильевич (1817–1871), командир 13-го Восточно-Сибирского линейного батальона, первостроитель г. Хабаровска, 236.

Е

Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица с 1762 г., 200.
Елена Павловна (1806–1873), дочь Вюртембергского принца Павла-Карла, супруга великого князя Михаила Павловича, великая княгиня, общественный деятель. Официальным признанием заслуг в освобождении крестьян от крепостной зависимости стало ее награждение золотой медалью «Деятель реформ», 167, 168, 176, 178, 179, 223.
Епифаний Премудрый (?–1420), русский писатель, монах, автор «Житие Елифана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского», 47.

Ж

Жемчужников Алексей Михайлович, поэт, участник создания произведений Козьмы Пруткина, 141.

З

Завалишин Дмитрий Иринархович (1804–1892), декабрист, активный противник Н.Н. Муравьева-Амурского, 214.
Завойко Василий Степанович (1810–1898), адмирал, с 1850 г. – первый военный губернатор Камчатки, руководитель героической обороны Петропавловска во время Крымской войны, 120, 182, 189.
Загоскин М.В., профессор Иркутской семинарии, инициатор издания в Иркутске газеты «Амур», 215.
Зернов С.И., протоиерей, 92.

И

И Шань, генерал-адъютант, амурский главнокомандующий (дзянь-дзюн) Дайцинского государства, князь, подписавший Айгунский договор 1858 г., 71, 208.

Игнатъев Николай Павлович (1832—1908), дипломат, в 1860 г. подписал Пекинский русско-китайский договор, 216, 236, 237.

Иннокентий Иркутский (Кульчицкий Иван) (1680—1731), первый иркутский епископ, мощи которого находятся в Вознесенском монастыре г. Иркутска, 64.

Исидор, митрополит Петербургский, 53, 105.

Истомин В.К., издатель, писатель, 265, 266.

К

Кавелин К.Д., юрист, историк, общественный деятель, 16, 20.

Казакевич Петр Васильевич (1814—1887), офицер особых поручений при Н.Н. Муравьеве. В 1856—1865 гг. — военный губернатор Приморской области Восточной Сибири, контр-адмирал, 194, 202, 205, 217, 236.

Капустин П., протоиерей Архангельского собора в Кремле, 98.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский писатель, историк. Основное сочинение «История государства Российского», 13, 22.

Кагельский, ученый-ботаник, 103.

Катакази К., российский посланник в Вашингтоне, 91.

Катков М.Н. (1818—1887), русский публицист, издатель, 30, 146.

Квашнин М.В., проректор Хабаровской духовной семинарии, 11.

Киреевский И.В., философ, публицист, 15.

Киреевский П.В., археограф, публицист, 15.

Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк, академик. Труд «Курс русской истории», 16, 18, 24, 25, 28, 139, 141, 163.

Ковалевский Е.П., директор Азиатского департамента МИД, 230, 233.

Ковалева-Жемчугова Прасковья Ивановна (1768—1803), крепостная актриса, супруга князя Н.П. Шереметева, 127.

Кони А.Ф., юрист, общественный деятель, 33.

Константин Николаевич Романов (1827—1892), великий князь, с 1863 г. — начальник Главного морского штаба, в 1865—1881 гг. — председатель Государственного Совета, 149, 160, 188, 189, 190, 193, 204, 214, 230.

Корнилов Г.М., московский купец 1-й гильдии, 75, 76, 85, 120.

Корсаков Д.А., историк, профессор Казанского университета, 265, 266.

Корсаков (Карсаков) М.С. (1826—1871), офицер особых поручений при Муравьеве Н.Н. С 1862 по 1870 год — генерал-губернатор Восточной Сибири. Двоюродный брат Муравьева-Амурского, 73, 160, 161, 186, 193, 194, 196, 198, 199, 201, 202, 203, 205, 207, 217, 219, 220, 221, 222.

Корф Андрей Николаевич (1831—1893), барон, генерал от инфантерии, первый генерал-губернатор Приамурского края 1884—1893 гг., 162, 219.

Костомаров Н.И., историк, 25, 33.

Крузенштерн И.Ф., адмирал, 28, 182.

Крюков И., служащий РАК, 58.

Ксения Александровна, великая княгиня, дочь императора Александра III, 132, 247.

Кузнецов Е.А., 1-й гильдии иркутский купец, золотопромышленник, 183.

Куманин, золотопромышленник, 114.

Курляндский И.А., старший научный сотрудник Института российской истории РАН, 10, 81, 92.

Л

Ламздорф В.Н., граф, государственный деятель, 147.

Лаппо-Данилевский А.С. (1863—1919), историк, академик. Основной труд «Методология истории», 18, 19.

Леонид, архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, викарий Московской епархии, 44, 80, 117.

Лист Ференц (1811—1886), венгерский композитор, пианист, дирижер, 173.

Литке Ф.П., адмирал, мореплаватель, ученый, 104, 111, 120.

Лихачев И.Ф., контр-адмирал, основатель Новгородской гавани в заливе Посъета, 235.

М

Макарий (Булгаков) (1879—1882), митрополит Московский и Коломенский, 49, 53.

Маковский К.Е., живописец, передвижник, автор портретов Н.Н. Муравьева-Амурского, 224.

Мария Александровна (Романова), императрица, супруга императора Александра II, 26.

Мария Федоровна (Романова), императрица, супруга императора Александра III, 132, 248.

Майков А.Н., русский поэт, 33, 267.

Максимович К.И., ботаник, исследователь флоры Дальнего Востока, 101.

Матханова Наталья Петровна, историк, доктор исторических наук, 10.

Меньшиков А.С., князь, адмирал, начальник Главного морского штаба, 178.

Миддендорф А.Ф., академик, описал Северную и Восточную Сибирь, 182.

Миклухо-Маклай Н.Н., этнограф, 33.

Милютин, золотопромышленник, 114.

Милютин Н.А., государственный и общественный деятель, 256.

Минаев И.П., востоковед, профессор, 262.

Михаил Николаевич, великий князь, 65.

Михаил Павлович (Романов), великий князь, родной брат Николая I, 167, 168.

Моллер Е.А., вторая супруга Николая Назарьевича Муравьева, 149, 167.

Мордвинова Екатерина Николаевна, первая супруга Николая Назарье-

вича Муравьева, мать Н.Н. Муравьева-Амурского и его братьев, 166.
Мортенс, ученый-ботаник, 103.

Муравьев Александр Николаевич (1819–1885), родной брат Н.Н. Муравьева-Амурского, государственный служащий, 149, 167.

Муравьев Андрей Николаевич, ближайший родственник Н.Н. Муравьева-Амурского, камергер, историк христианства, церковный и общественный деятель, 64, 81, 109, 113.

Муравьев Василий Иванович, двоюродный брат Н.Н. Муравьева-Амурского, флота капитан 1-го ранга, 176.

Муравьев Валериан Николаевич (1811–1869), родной брат Н.Н. Муравьева-Амурского, сенатор, псковский губернатор, 160, 167, 168, 171, 173, 176, 182, 199, 222.

Муравьев Николай Назарьевич (1775–1845), отец Н.Н. Муравьева-Амурского, сенатор, управляющий Собственной канцелярией императора Николая I, литератор, напечатал «несколько сочинений», 156, 166, 170.

Муравьев (Карский) Николай Николаевич, один из ближайших родственников Н.Н. Муравьева-Амурского, генерал, участник военных действий на Кавказе, 177.

Муравьев-Амурский Валериан Валерианович (1861–1911), граф, дипломат, в 1890-е гг. русский военный атташе во Франции, племянник Муравьева-Амурского, 149, 222.

Муравьева-Амурская Екатерина Николаевна (урожденная де Ришемон Елисавет) (1815–1897), графиня, супруга Н.Н. Муравьева-Амурского. Награждена орденом святой Екатерины. Среди имен отличившихся соотечественников, помещенных на постаменте памятника Муравьеву-Амурскому в г. Хабаровске, запечатлены два женских имени – Екатерины Николаевны Муравьевой-Амурской и Екатерины Ивановны Невельской, 73, 74, 149, 159, 165, 174, 176, 180, 202, 210, 213, 220, 223.

Мусина-Пушкина М.В., графиня, 132.

Н

Надеждин Н.И., критик, эстетик, 20.

Назимов А.А., полковник, заведовал постройкой судов для амурского сплава, 200, 201.

Нахимов П.С. (1802–1855), флотоводец, адмирал, руководитель героической обороны Севастополя в 1854–1855 гг., 28.

Невельской Г.И. (1813–1876), адмирал, начальник Амурской экспедиции, исследовал устье реки Амур, Татарский пролив, 51, 178, 182, 185, 186, 187, 189, 192, 194, 197, 198, 200, 228, 229.

Невоструев К.И. (1815–1872), церковный историк, археограф, 251, 252, 253, 254.

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф, канцлер, министр иностранных дел России (1816–1856), 178, 183, 186, 187, 228.

Нецветов Я., православный священник на Аляске, 103.

Николай I Павлович (1796–1855), российский император с 1825 г., 14, 64, 65, 108, 112, 167, 168, 177, 178, 187, 190, 191, 193, 200.

Николай II Александрович (1868–1918), престолонаследник, российский император (1894–1917), 132, 162, 163, 164, 224, 268.

Николай (Касаткин) 1836–1912, архиепископ Японский, выдающийся миссионер, 73, 90.

Николай Николаевич, великий князь, 65.

Нил (Исакович Николай Федорович), архиепископ Иркутский, архиепископ Ярославский и Ростовский, 80.

Норов А.С., мореплаватель, академик Санкт-Петербургской академии наук, 49, 120.

О

Опекушин А.М., скульптор, автор памятников А.С. Пушкину в Москве, М.Ю. Лермонтову в Пятигорске, Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске, 224.

Орлов А.Ф., князь, шеф корпуса жандармов, председатель Государственного Совета и Кабинета министров, 229.

Орлов Д.И., подпоручик, участник Амурской экспедиции, 192.

Орлов Н.А., князь, дипломат, генерал, посланник в Париже, 222.

Остен, англичанин, вел разведку в пользу Англии в Сибири и Приамурье, 228.

П

Палладий, архимандрит, возглавлял Русскую духовную миссию в Пекине, 231.

Перовский Лев Алексеевич, граф, министр внутренних дел, 175, 178, 180, 182, 183, 184, 189.

Перовский Петр Николаевич, пристав Русской духовной миссии в Пекине, уполномоченный вести переговоры с китайской стороной, участник заключения Айгунского российско-китайского трактата, 208, 213, 233.

Петр I Алексеевич (1672–1725), царь (1682–1721), император (1721–1725), 163.

Петров А.Н., мичман, активный участник Амурской экспедиции, 192.

Пискунов С.А., доктор исторических наук, 11.

Платонов С.Ф., историк, профессор, 164.

Победоносцев К.П. (1827–1907), обер-прокурор Святейшего Синода в 1880–1905 гг., 44, 50, 53, 106.

Погодин М.П. (1800–1875), историк, писатель, издатель, 14, 15, 29, 46, 265.

Поленов Д.В., историк, библиограф, 110.

Половцев А.А., предприниматель, 25, 26.

Попов Евсей, пономарь церкви в селе Анга Иркутской области, отец святителя Иннокентия, 54.

Постельс, ученый-геолог, 103.

Прилежаев Василий, протоиерей Свято-Троицкой Александро-Невской церкви при Российском императорском посольстве в Париже, 222.

Протасов Н.А., обер-прокурор Святейшего Синода в 1836–1855 гг., 87, 100, 110, 112.

Пуятин Е.В., граф, адмирал, подписал в 1855 г. первый русско-японский договор, в 1858 г. — Тяньцзиньский русско-китайский договор, 206, 211, 216, 219, 234, 237.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт, 28, 33, 45.

Р

Радов В.В., директор Петербургского музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, 21.

Разградский Г.Д., мичман, активный участник Амурской экспедиции под командованием Г.И. Невельского, 192.

Род Муравьевых, 166.

Род Ртищевых, 141.

Род Шереметевых, 48, 133, 271.

Ртищев Ф.М., боярин XVII в., предок боярского рода Ртищевых, 139, 141.

Ртищева Анна Михайловна. См. Барсукова А.М.

Рудановский Н.В., лейтенант, активный участник Амурской экспедиции под командованием Г.И. Невельского. Служил на Сахалине, 192.

Руперт В.Я., в 1837–1847 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири, 176, 180.

С

Савва, епископ Чудова монастыря, духовник митрополита Иннокентия, 84.

Самарин П.Ф., общественный деятель, 256.

Самарин Ю.Ф., историк, общественный деятель, публицист, 15.

Свербеев Н.Д. (1829–1959), чиновник особых поручений по дипломатической части при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве, участник сплавов по Амуру, 72, 85, 119.

Свербеева З.С. (Трубецкая), супруга Н.Д. Свербеева, 44.

Сенявин Л.Г., тайный советник, товарищ министра иностранных дел, 186.

Сидорова А.Б., ученый-архивист, 9.

Сизой Александр Поликарпович (1826–1897), первый священник Амурской области. С 1871 г. — протоиерей, 72, 74, 75.

Симеон Боголюбский, протоиерей Забайкальской области, 195.

Склифосовский Н.В. (1836–1904), русский хирург, 130.

Смирнов С.К., протоиерей, ректор Московской Духовной Академии, 51.

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), историк, академик, ректор Московского университета в 1871–1877 гг. Основное сочинение — «История России с древнейших времен», 16, 18, 25.

Соловьев С.Ф., иркутский купец, золотопромышленник, участвовал в организации первого сплава по Амуру, 195, 201.

Стекль Э.А., русский посланник в США, 79.

Стефан, брат святителя Иннокентия, 58.

Стефан Пермский (ок. 1345–1396), миссионер-просветитель в землях коми. Составил азбуку языка коми, 47.

Строев П.М., археограф, руководитель Археографической экспедиции Академии наук, 22.

Струве Б.В. (1827–1889), чиновник особых поручений при Н.Н. Муравьеве, автор воспоминаний о нем, 149, 156.

Т

Телегин А.И., протоиерей, 107.

Тептяева О.А., ведущий архивист РО ГНБ, 11.

Толстой А.П., обер-прокурор Святейшего Синода в 1856–1862 гг., 112.

Толстой Д.А., граф, обер-прокурор Святейшего Синода в 1865–1880 гг., 78, 112, 113.

Трубецкая (Лаваль) Е.И. (1800–1854), княгиня, супруга С.П. Трубецкого, 180.

Тургенев Н.И., декабрист, действительный статский советник, 222.

У

Уваров А.С. (1825–1884), археолог, один из основателей Русского и Московского археологических обществ и археологических съездов, 20

Уваров С.С. (1786–1855), граф, министр народного просвещения, 14, 27.

Ухтомский Э.Э., князь, пресс-атташе, историограф путешествия цесаревича Николая Александровича в 1890–1891 гг., 162.

Ф

Филарет (Дроздов) (1783–1867), с 1821 г. митрополит Московский и Коломенский, 51, 62, 64, 76, 79, 80, 82, 95, 108, 112, 113, 114, 115, 194, 203.

Филаткина И.В., старший научный сотрудник ДГНБ, 11.

Филиппов С.Т., камергер Высочайшего Двора, 269, 270.

Филипсон Г.И., генерал от инфантерии, сенатор, мемуарист, 171.

Филькина Е.Ю., архивист, ученый, 6.

Х

Хабаров Ерофей Павлович (ок. 1610 г. — после 1667 г.), землепроходец и предприниматель, в 1649–1653 гг. совершил ряд походов в Приамурье, составил «Чертеж реке Амуру», 210.

Хейл Карл, английский священник, автор брошюры о миссионере Аляски святителе Иннокентии, 91, 108.

Хитров Г.В., священник, родной брат Дионисия, 251.

Хитров Дмитрий Васильевич (1818–1896), с 1841 г. — священник в Якутске, с 1862 г. — ректор Якутской семинарии, с 1867 г. — епископ Якутский и Вилюйский, с 1883 г. — Уфимский и Мензелинский, 8, 66, 107, 111, 115, 116, 250, 251.

Хомяков А.С., писатель, поэт, публицист, 15.

Хренович-Бутенев, граф, 256.

Ч

Чаплевский К.Б., подпоручик линейного батальона, автор воспоминаний об Амуре, 201, 205.

Черкасская Е.А., княгиня, 256.

Черкасский В.А., князь, 256.

Чернобаев А.А., главный редактор журнала «Исторический архив», доктор исторических наук, профессор, 10.

Чернышев А.И., князь, военный министр (1832—1852), 186.

Черчилль, английский лорд, 132.

Чичерин Б.Н., юрист, историк, 16.

Ш

Шамиль, третий имам Дагестана и Чечни, возглавлявший горцев Кавказа во время Кавказской войны, 171, 226.

Шамиссо А., немецкий ученый-естествоиспытатель, 103.

Шереметев Борис Сергеевич, представитель нетитулованной ветви рода Шереметевых, управляющий Странноприимным домом, 48, 129, 137, 138, 145.

Шереметев Николай Петрович (1751—1809), князь, покровитель искусств, меценат, создатель Странноприимного дома в Москве, 127.

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844—1918), граф, историк, коллекционер, в 1885—1890 гг. — Московский губернский предводитель дворянства, в 1990—1917 гг. — председатель Императорской Археографической комиссии. Исследователь и издатель исторических документов. Член Государственного Совета, 26, 48, 64, 85, 96, 128, 131, 132, 134, 138, 146, 148, 151, 267.

Шереметева Е.П. (внучка П.А. Вяземского), супруга С.Д. Шереметева, 128, 132.

Шиловы, жители Якутска, 116.

Шишмарев Яков Парфентьевич, переводчик, участник русско-китайских переговоров в Айгуне и заключения Айгунского трактата в 1858 г., 233, 235.

Шумахер П.В. (1817—1891), чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири, писатель, 136, 137, 156, 190.

Я

Якушкин В.И. (1823—1861), чиновник, участник второго сплава по Амуре, сын декабриста И.Д. Якушкина, 183.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ДВГНБ	– Дальневосточная государственная научная библиотека
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
МВД	– Министерство внутренних дел
МИД	– Министерство иностранных дел
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РАК	– Российско-американская компания
РГАЛИ	– Российский Государственный архив литературы и искусства

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
1. На взлете российской истории	13
2. Поиски и метания молодого Ивана Барсукова	29
3. Семикнижие И.П. Барсукова о святителе Иннокентии	41
3.1. От замысла до воплощения.....	41
3.2. Первое жизнеописание митрополита Иннокентия.....	54
3.3. Письменное наследие святителя	95
4. Милость графа С.Д. Шереметева и житейские невзгоды	127
5. Тысяча страниц о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском	148
5.1. Договор с князем М.С. Волконским	148
5.2. Книга первая. Биография графа	166
5.3. Книга вторая. Официальные документы Н.Н. Муравьева-Амурского.....	225
6. Тяготы петербургского бытия. Последний год жизни в любимом Яринском	247
7. Вместо эпилога	264
Источники и примечания	274
Приложения	277
1. Труды И.П. Барсукова.....	277
2. Договор И.П. Барсукова с М.С. Волконским об издании биографии Н.Н. Муравьева-Амурского (5 апреля 1888 г.).....	278
3. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский. Письмо Н.Н. Муравьеву (1849 г.)	280
4. Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский. Нечто об Амуре (1856 г.)	281
5. Н.Н. Муравьев-Амурский. Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалина, которая ему противолежит, а также левого берега Амура (1849 г.)	293
6. Н.Н. Муравьев-Амурский. Донесение Его Императорскому Высочеству (9 мая 1858 г.).....	295
7. Н.Н. Муравьев. Его Императорскому Величеству всеподданнейший рапорт (18 мая 1858 г.)	295
8. Из письма Н.Н. Муравьева Е.П. Ковалевскому (21 мая 1858 г.).....	295
9. Основание Хабаровского поселения. Из письма Н.Н. Муравьева с Буреи М.С. Корсакову (3 июня 1858 г.)	296

<i>10. Из предписания Н.Н. Муравьева господину военному губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана, контр-адмиралу Казакевичу (15 ноября 1859 г.)</i>	<i>296</i>
<i>11. Проект правил об обеспечении и устройстве духовенства в Приамурском крае, областях Амурской и Приморской (10 апреля 1859 г.)</i>	<i>297</i>
<i>12. Записка Н.Н. Муравьева «О разделении Восточной Сибири» (22 февраля 1860 г.)</i>	<i>301</i>
<i>13. Михаил Иванович Барсуков. Автобиография (12 сентября 1972 г.)</i>	<i>303</i>
Алфавитно-именной указатель	306

*Документально-историческое
повествование*

Н. Дубинина

И.П. БАРСУКОВ – ИСТОРИК
РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В книге использованы фотографии из отдела рукописей
Российской государственной библиотеки

Издательство выражает благодарность журналу
«Словесница искусств» за предоставленные фотографии

Фото Н. Дубининой на обложке — *А.В. Абрамов*